

VII. ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.33

МЕСТО И РОЛЬ РЕЛИГИИ В МЕНТАЛИТЕТЕ КОРЕЙСКОГО НАРОДА

А.В. Ким, Дальрыбвтуз, Владивосток

В статье рассматриваются место и значение религии в менталитете корейского народа, в частности, такие ее формы, как шаманизм, буддизм, конфуцианство, протестантизм.

Религиозное мировоззрение является важнейшей составляющей корейского менталитета, включающего представления и обряды различных религий. Наиболее древняя из них – шаманизм, возникший еще в первобытную эпоху.

По шаманистскому мировоззрению, мир полон богов («мансин»): неба, земли, гор, гроз, моря, деревьев, скал, драконов, кухни, ворот и туалета. Все эти боги природы контролируют индивидуальные и коллективные дела людей (Элиаде, 1974).

Через ритуал, называемый у корейцев «кут», устанавливался контакт с другими мирами. Считалось, что при помощи могущественных духов-помощников можно влиять на других духов, вызывавших болезни, смерть или какие-нибудь другие неблагоприятные события.

Современные корейцы по-разному относятся к шаманизму: одни видят в нем проявление традиционной культуры, другие просто отвергают, а третьи истово верят и в настоящее время. Но несмотря на такое разное отношение к шаманизму, он и сегодня оказывает довольно сильное влияние на их мировоззрение. Вера в то, что человек – часть природы и сможет достичь счастья только в гармонии с ней, отсутствие веры в единого Бога, отношение к браку как к семейному союзу, отношение к личности как частице в вечном потоке жизни, который несет в себе прошлое, настоящее и будущее, – все это своими корнями уходит в шаманизм.

Огромной популярностью пользуется лечебный шаманизм. Ученые обратили свое внимание на шаманские техники, позволяющие достичь спокойствия и гармонии в сознании. Знания шаманов использовались для лечения психических заболеваний, вывода человека из стрессового состояния. Шаманистское направление в Корее стало более сложным за счет впитывания многих элементов конфуцианства, даосизма и буддизма и продолжает оказывать влияние на корейский менталитет и культуру, особенно на музыку, танцы и живопись.

В 372 г. н.э. в Корее появилось новое мировоззрение – буддизм. По буддизму, человек состоит из пяти составляющих:

1. Формы и материи (рупа).
2. Ощущение (ведана).
3. Восприятие (санна).

4. Разнообразные психологические инструменты как эмоции и пристрастия.

5. Сознание.

Используя эти составляющие, человек может найти счастье, которое он никогда не найдет в мимолетном мире.

Буддизм учит корейцев более высоким принципам жизни, чем шаманизм. Течение времени ничто не может оставить неизменным, все мимолетно. Причина человеческих страданий кроется в его желаниях. Спасение от жизненных мучений лежит через уничтожение желаний.

Гуманность, милосердие, послушание и терпимость, проповедуемые буддизмом, прослеживаются в корейском менталитете, который основывается на вечных идеалах человечества: Истины, Любви и Красоты.

Чтобы понять мировоззрение и образ жизни современных корейцев, нужно обратиться к конфуцианству, зародившемуся в Корее примерно в IV в. нашей эры одновременно с буддизмом.

В конфуцианском учении человек рассматривался как часть природы, микросмос, образ природной организации. Таким же образом воспринималось и общество, соответствующее принципам природы. Каждый человек имел свое место в обществе. Согласно конфуцианству, общество состоит из большого количества небольших групп людей, таких, как семья, деревня, в каждой из которых есть свой лидер и последователи, согласно их старшинству и способностям. Это естественно, когда в обществе существуют разные классы, поскольку человеческому существу не свойственно равенство. Если общество намеревается быть крепким, в нем должна быть гармония между разными подгруппами, и такое гармоничное взаимодействие и есть основа искусства управления государством.

Конфуцианство привнесло в сознание народов Дальнего Востока незыблемые нравственные нормы, по силе воздействия на массовое сознание равные библейским десяти заповедям. Это, прежде всего, «пять постоянств», или пять добродетелей: человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность и правдивость. К ним следует добавить так называемые «пять связей»:

1) государя и подданного, господина и слуги. Эти отношения считались важнейшими в обществе и доминировали над всеми остальными. Безусловная преданность и верность господину была основой характера «благородного мужа» в конфуцианском понимании;

2) родителей и детей. В этих отношениях подчеркивались непререкаемые права родителей, в первую очередь, отца, и священная обязанность детей проявлять сыновнюю почтительность;

3) мужа и жены. Здесь права мужа были безграничны, а обязанности жены сводились к беспрекословной покорности, образцовому поведению и ведению хозяйства;

4) старшего и младшего. Обязательным считалось не только уважение к старшему по возрасту, но и к старшему по положению, чину, званию, мастерству;

5) между друзьями. Отношения между друзьями должны были носить характер искренней и бескорыстной взаимопомощи. К сожалению,

наиболее гуманные конфуцианские заповеди, адресованные «благородным мужам», соблюдались нерегулярно, однако именно они служили базой нравственного воспитания личности. Положительный герой конфуцианства также «совершенно мудр», но воплощает он не тип святого отшельника-аскета, а тип благородного мужа, ученого, чиновника, государственного деятеля, который объединяет в себе «пять добродетелей», скромен и умерен во всем.

Хотя конфуцианское учение, может быть, и потеряло свою былую роль основы системы власти и управления, тем не менее нельзя сказать, что после столетий веков внедрения этой доктрины корейцы изменили свой образ мышления и отбросили обычаи и привычки, связанные с этой религиозной системой. Так, с одной стороны, корейцы почтительно относятся к возрасту, ценят общественную стабильность и испытывают уважение к образованию и совершенствованию. С другой – у них существует определенная идеализация прошлого, жесткая социальная иерархия, а также некая абстрактная отрешенность, в силу которой они предпочитают видеть мир не таким, какой он есть, а таким, каким ему следует быть.

Неоконфуцианство являлось на протяжении долгого времени государственной религией и идеологией страны. Но оно оказалось для большинства населения слишком схоластичным, сложным и оторванным от реальной жизни. Поиски новых идей и привели к тому, что некоторые представители конфуцианской интеллигенции стали обращать внимание на христианские католические сочинения, которые иногда попадали в Корею из Китая.

Наибольшее распространение из христианских течений в Корее получило протестантство в конце XIX в. Протестанты рассматривались как носители современных знаний во многих областях. Они заполняли тот вакуум, который образовался в изолированной от всего мира, замкнутой в себе стране. Нация нуждалась в этом, чтобы провести модернизацию, которая гарантировала бы сохранение независимости. Миссионеры, помогая строить новые школы и госпитали, получить образование за границей молодым корейцам, которые в дальнейшем становились руководителями страны и стояли плечом к плечу с патриотами, боровшимися против посягательств Японии на суверенитет Кореи, играли важнейшую роль в пробуждении чувства национальной тождественности среди корейского народа. Когда Япония аннексировала Корею как свою колонию в 1910 г., протестантская церковь служила очагом корейского национализма.

Продолжая испытывать сильное влияние традиций, сложившихся в Корее за сто лет существования, протестантские церкви сегодня вновь обращаются к служению ближним, которое проявляется как в помощи бедным в Корее, например, в финансировании глазных операций или предоставлении донорской крови, так и в посылке миссионеров в другие страны мира.

Сегодня в Корее, идущей по пути модернизации, ни одно из религиозных течений не доминирует. Некоторые до сих пор придерживаются шаманистских представлений о мире. Большинство корейцев почитают родовое поклонение и практикуют конфуцианские заповеди, кото-

рые не только не препятствуют экономическому развитию, но, наоборот, немало способствует ему, что позволяет заявить о специфическом «конфуцианском капитализме». Буддисты заявляют, что в Корее 15 миллионов последователей Будды. Христианские церкви растут так быстро, что есть предположение, что в начале нашего века прихожан станет больше половины населения Кореи. Таким образом, современное корейское общество стало плюралистическим не только с точки зрения социальной структуры, но и религиозного мировоззрения.

Библиографический список

1. *Koo J.H, Nahm A.C.* An Introduction to Korean Culture. Hollym, 2007.
2. *Lee P.H.* Sourcebook of Korean Civilization. Vol. 2. Columbia, 1996.
3. *Ланьков А.Н.* Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина // Online. Available: http://lankov.oriental.ru/fmental.shtml#_ftn8
4. *Ли О.Е.* Влияние шаманизма на современную жизнь корейцев // Вестник центра корееведческих исследований ДВГУ. 2005. № 1(8). С. 105-107.
5. *Ким Г.Н.* История религий Кореи. Алматы: Изд-во КазНУ. 2001. 229 с.
6. *Кузнецов А.М.* Корейский шаманизм: архаическое явление в модернизированном обществе // Вестник центра корееведческих исследований ДВГУ. 2000. № 1. С. 61-65.

УДК 1(09)

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ ЗАПАДНИКОВ И СЛАВЯНОФИЛОВ)

Е.В. Кулебякин; А.В. Ким, Дальрыбвтуз, Владивосток

Освещаются воззрения русских мыслителей XIX – начала XX вв. о российской ментальности (в контексте полемики западников и славянофилов) и отмечается их значение в понимании менталитета современных россиян. Подчеркивается его влияние на процессы реформирования в современном российском обществе.

Проблемы специфики российской ментальности (менталитета), психологии русского народа, «русской идеи», души русского человека, типа его личности в последние годы активно обсуждаются в научно-теоретических работах философов, социологов, психологов, политологов, историков и в современной публицистике. В значительной мере это связано с негативными последствиями, особенно в начале 90-х гг., проводимых в стране масштабных рыночных преобразований. Мировой опыт показывает, что успешность

социального реформирования прямым образом зависит от таких факторов, как менталитет, социокультурные особенности, национальный характер народа, психический склад нации и т.п. Если социальные реформы по содержанию и направленности соответствуют ментальности народа, то они (при реализации всех других объективных параметров реформ), несомненно, будут успешно реализованы. И напротив, если цели, задачи, методы реформирования находятся в резком диссонансе с духом, мироощущением и умонастроением, психическим складом нации, реформы обречены на провал или ведут к серьезным негативным издержкам. Ряд современных социологов¹ полагает, что именно недооценка роли менталитета россиян, односторонняя и догматическая ориентация реформаторов на западные образцы привела (в 90-е гг.) к явно выраженным негативным результатам, вызвала дезадаптационные процессы у значительной части населения, обусловила неспособность адекватного приспособления к проводимым преобразованиям. Между тем проблемы российской ментальности освещались в той или иной мере многими крупными русскими мыслителями XIX – начала XX вв.

Здесь, прежде всего, необходимо вспомнить знаменитую полемику западников и славянофилов о путях развития России, основным стержнем которой стало обсуждение общей проблемы «Запад-Россия-Восток». Предварительно следует отметить, что под менталитетом (ментальностью) обычно понимается система стереотипов мышления и поведения, «чувственно-эмоциональных реакций, отражающих определенные приоритеты и ценности»².

Понятие менталитета было введено в научный оборот во французской школе «Анналы» (М. Блок, Л. Февр) и получило широкое распространение³. Термин ментальность обычно используется в качестве синонима менталитета. Вместе с тем ряд авторов склонны видеть в них определенные различия.

¹ См.: Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 4.

² Шульдин Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен // Социологические исследования. 1999. № 12.

³ См.: Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, М., 1997; Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5; Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб., 1993; Огурцов А.П. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1 и др. О повышенном научном интересе к проблемам менталитета в последние годы свидетельствует значительное число диссертаций, освещающих как философские, общетеоретические, так и его конкретно-научные (исторические, психологические, социологические и др.) аспекты. См., напр.: Мишанова Р.А. Менталитет современной российской молодежи и проблемы его формирования. М., 2003; Корнеева Т.С. Менталитет как социокультурный феномен: философский анализ. Омск, 2003; Вейт А.А. Российский менталитет как предмет философско-антропологического исследования. Пермь, 2006; Озеров А.А. Смысл жизни как проблема российского менталитета. М., 2000 и др.

Так, А.А. Еромасова полагает, что «менталитет – это имплицитные структуры психологического склада народа, живущего в конкретной культуре, генетически и социально укорененные в сознании и в сфере бессознательного многих поколений людей, и потому при всей своей относительной исторической изменчивости – в своих основах постоянные, стабильные и представляющие наиболее общее содержание, объединяющее в себе различные исторические эпохи в развитии национальной истории и культуры.... менталитет – это квинтэссенция культуры этноса, нации в ее наиболее широком понимании. Это имплицитные основания индивидуального и коллективного мировосприятия, мировоззрения, поведения»⁴. «Ментальность – представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии. Ментальность – это способ видения мира, «неуловимый» феномен этничности, определяющий особенности этнического самосознания, поведения и весь строй народа»⁵.

Понятия менталитета и ментальности, таким образом, необходимо включают в свое содержание специфические социокультурные, традиционные, мировоззренческие и психологические, личностные черты и качества как внутреннего духовного мира, так и поведения и деятельности, характерные тем или иным типам социальных общностей, прежде всего, этносам и нациям, а также социальным группам, различающимся по полу, возрасту, роду занятий, месту проживания и т.п.⁶. Поэтому проблемы психологии русского народа, русской души, «русской идеи», национального характера русских, активно обсуждавшиеся в трудах известных русских философов, представляют собой важнейшие структурные основания российской ментальности.

В полемике славянофилов и западников, либералов и радикалов эти вопросы поднимались П.Я. Чаадаевым, А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, И.В. Киреевским, Ф.М. Достоевским, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, А.И. Герценом, П.Л. Лавровым, М.А. Бакуниним, петрашевцами, крупнейшими русскими религиозными мыслителями В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Л.П. Карсавиным, Н.О. Лосским и другими, а также «русскими космистами», евразийцами, П.А. Сорокиным⁷.

⁴ Еромасова А.А. Ментальность россиян в контексте этнокультурных особенностей. СПб., 2006, С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Представляется, что данные понятия относятся к общностям и вряд ли правомерны при характеристике индивидуально-личностных особенностей отдельных индивидов.

⁷ См.: Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Так, П.Я. Чаадаев в своей беспощадной критике России за ее духовное отставание от Запада концентрирует внимание на негативной характеристике российского образа жизни. По его мнению, в России отсутствуют «идеи долга, справедливости, права и порядка», которые прочно вошли в быт Запада. Духовная отсталость, отсутствие традиций Запада и Востока, инфантильность россиян («мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нее») привели к тому, что в России царят произвол, деспотизм, рабство, «жизнь не упорядочена», «нет свободы личности», «нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль». «Миссию» России в мире Чаадаев видит в том, чтобы «послужить каким-то важным уроком для отдаленных поколений, которые сумеют его понять»⁸. Позднее, преодолевая идеализацию западного образа жизни, П.Я. Чаадаев приходит к выводу о том, что россияне призваны «решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»⁹.

Проблемы специфики ментальности россиян и особой позитивной миссии России в мире занимали важнейшее место в трудах теоретиков славянофильства – И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского. Критикуя индивидуализм, рационализм и рассудочность западного человека, они с пафосом противопоставляли ему образ жизни русского народа, основанный на православной вере, общности, соборности, патриархальном укладе, на традициях, идеалах и ценностях допетровской Руси. По И.В. Киреевскому, в отличие от европейца, у которого рационализм и рассудочность «раздробили жизнь», породили голый расчет, индивидуализм, внешнюю формальную религиозность, на Руси сформировался другой тип личности. В русском человеке живет «постоянное стремление к совокупности всех нравственных сил», к «внутренней цельности самосознания», к «общему благу», к единству личности и общины (мира): «человек принадлежит миру, мир ему»¹⁰.

Ранние славянофилы, рисовавшие картину идиллических межличностных отношений в общине и гармонических отношений последней с государственной властью на принципах невмешательства в дела друга друга, подчеркивали, что русский народ по своему духу «народ негосударственный», «не ищущий участия в правлении и не желающий усло-

⁸ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. М., 1987. С. 35, 37, 39, 42.

⁹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Статьи и письма. С. 143.

¹⁰ Анализ позиций И.В. Киреевского см.: Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. М., 1999. Т. 1. Гл. 4; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. Гл. 2; Шапошников Л.Е. История русской религиозной философии. М., 2006. С. 216-218; Малявин С.Н. История русской социально-философской мысли. М., 2003. С. 15-17.

виями ограничивать правительственную власть» (К.С. Аксаков)¹¹. Развивая идею о миссии России в мире, выдвинутой еще монахом Филофеем в начале XVI в. в учении о «Третьем Риме», А.С. Хомяков писал: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историей народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов»¹².

Основные положения русских славянофилов об особенностях национального характера русского народа были подхвачены в середине XIX в. «почвенниками» (братья Ф.М. и М.М. Достоевские, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов). Рассматривая русский народ («национальная почва») основой социального и духовного развития России «почвенники» подчеркивали его религиозность («народ-богоносец»), смирение и самоотречение.

Именно в «почвенничестве» было впервые использовано понятие «Русская идея». Этот термин был употреблен Ф.М. Достоевским в объявлении о подписке на журнал «Время» в 1861 г.: «Мы знаем, что не оградимся уже теперь китайскими стенами от человечества. Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея может быть синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях»¹³. В этих словах, таким образом, просматривается как важнейший аспект русской идеи мысль о единстве запада и не запада, всех национальностей, вытекающий из общей черты психологии русской души – всечеловечности (общечеловечности).

Активное участие в разработке и обсуждении русской идеи приняли В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев. В основе русской идеи мыслилось единение и братство людей на основе христианства. Так, В. Соловьев в 1888 г., выступая с лекцией в парижском салоне кн. Витгенштейн, где провозглашался призыв к объединению христианских конфессий, назвал ее «русская идея». В лекции В.С. Соловьев подчеркивал, что русская идея «не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет собой лишь новый аспект христианской идеи», что для осуществления этого национального призвания «нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них»¹⁴. По мысли Н.А. Бердяева, русская идея есть идея «братства людей и народов»¹⁵. Русская идея связывалась в русской философии с понятием

¹¹ Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Антология мировой философии. В 4 т. М., 1972. Т. 4. С. 108-109.

¹² Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии // Антология мировой философии. В 4 т. М., 1972. Т. 4. С. 114.

¹³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 37.

¹⁴ Соловьев В.С. Русская идея // Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 296.

¹⁵ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 268.

«соборность», которое разрабатывали ранние славянофилы – И.В. Киреевский и А.С. Хомяков. Последние считали русский народ соборным субъектом истории и подчеркивали его приверженность православной церкви. Идея соборности развивалась В.С. Соловьевым, Н.О. Лосским.

Согласно Н.О. Лосскому, «соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой цвет, гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовывать высшее единство»¹⁶.

Русская идея, таким образом, понималась как религиозный этический идеал, как далекая перспектива человечества, где решающую роль должна сыграть синтетическая, евразийская культура России. Идею о синтетичности, одновременно единстве и противоположности, противоречивости русского духа и культуры развивает Л.П. Карсавин. По его мнению, евразийско-русская культура может обладать личным бытием своего субъекта только потому, что она своеобразно осуществляет человечество и сама осуществляется в ряде свободных личностей или наций¹⁷.

Русская идея как единение разных народов и культур в одной евразийской русской культуре заняла исключительное место в движении евразийцев, возникшем в 20-х гг. XX в. и получившим «второе дыхание» в 90-х гг. Россия, по мнению евразийцев (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и др.)¹⁸, и геополитически, и духовно интегрирует Запад и Восток. Это синтез двух культур с доминированием последнего, что благодаря постоянному диалогу, взаимодействию между ними определило сущность русской культуры и русского народа, его «всечеловечность», эмпатию, отзывчивость.

Проблемы российской ментальности, особенности русского национального характера, получили глубокое освещение в творчестве Н.А. Бердяева¹⁹.

Выдающийся русский философ занимал, на наш взгляд, достаточно взвешенную позицию в оценке взглядов западников и славянофилов, не отрицая и не абсолютизируя этнопсихологические особенности россиян. Главными чертами русского национального характера он считал его более выраженную, чем у других народов, противоречивость и

¹⁶ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1990. С. 323.

¹⁷ Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.

¹⁸ Флоровский Г. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1. С. 206. Анализ раннего и современного евразийства. См.: Фунтусов В.С. Евразийство: история и современность. Екатеринбург. 2003.

¹⁹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Пг., 1918. Данная работа включает в себя ряд статей, в том числе статью с характерным названием «Душа России», открывающую книгу. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. Философское общество СССР. М., 1990.

максимализм, сосуществование противоположных идей и чувств, настроений и устремлений, выражающихся в соответствующих формах поведения: с одной стороны, доброта, человечность, мягкость, с другой – жестокость, склонность к насилию; безличный коллективизм и индивидуализм, обостренное сознание личности; с одной стороны, национализм, самомнение, с другой – универсализм, всечеловечность; бунтарство, анархичность, вольность и рабская покорность и смирение, ведущее к гипертрофии государства и деспотизму; с одной стороны, искание бога, с другой стороны – воинствующее безбожие. По мнению Н.А. Бердяева, эти особенности русской природы объясняют скачкообразный, взрывоподобный исторический путь развития России.

Н.А. Бердяев анализирует отмеченные дихотомии ментальности русской интеллигенции. Так, негосударственность и анархизм, по мнению мыслителя, явления русского духа, и они присущи нашим и крайне левым, и крайне правым. Анархичны, по существу, полагает Н.А. Бердяев, не только Бакунин и Кропоткин, но и славянофильство, и народничество, и даже русские либералы, которые были «скорее гуманистами, чем государственниками». И вместе с тем, по Н.А. Бердяеву, Россия является самой государственной и самой бюрократической страной в мире. Русская государственность формировалась в борьбе с иноземными нашествиями и превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало, которое «живет своей собственной жизнью, по своему закону». Бюрократия развилась до чудовищных размеров, и личность оказалась придавленной огромными размерами государства и властью бюрократии.

Антиномичность русской природы отчетливо проявляется, по Н.А. Бердяеву, в отношении к свободе. С одной стороны, свобода духа, ярким проявлением которой мыслитель считал образ жизни (образ мыслей и тип поведения) странника – самого свободного человека на земле. Жажда свободы духа в той или иной мере присуща и русским писателям, и философам (Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Толстому, Вл. Соловьеву, Достоевскому) и героям их произведений (тип Безуховых, Раскольниковых, Мышкиных), русским анархистам, революционерам. С другой стороны, по Н.А. Бердяеву, «Россия – страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти». Подчеркивая конформизм, доминирование общего коллектива над личностью, над индивидом, Н.А. Бердяев отмечал, что даже «русская радикально-демократическая интеллигенция... духовно консервативна и чужда истинной свободе; она захвачена скорее идеей механического равенства, чем свободы».

В жизни духа России владеют, по Н.А. Бердяеву, то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия «не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицала культуру».

Полагая, что при всей антиномичности русской души в ней доминирует восточное начало, Н.А. Бердяев, как и другие русские мыслители, считал: «Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству». Под последним мыслитель понимал переход к универсальному христианскому сознанию.

Корни антиномичности и максимализма в российской ментальности Н.А. Бердяев усматривал в антропоморфной диалектике женского и мужского начал в природе русской души, суть которой в доминировании первого над вторым. С женским началом связаны пассивность, инертность, доминирование общего, коллективного над личным, индивидуальным. Так, «русская религиозность – это женственная религиозность коллективной биологической теплоты». По Н.А. Бердяеву, это не столько религия Христа, олицетворяющая мужественное активное мужское начало, сколько «религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт». Мужественное начало всегда в России ожидается извне. Отсюда вечная зависимость от инородного: все мужественное, освобождающее, «оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим как в старину».

Выход из этого состояния мыслитель видит только в одном: «раскрытие внутри самой России, всей духовной глубины мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентные пробуждения мужественного светоносного сознания».

В период первой мировой войны Н.А. Бердяев выражал надежду, что война выведет Россию из этого круга, разбудит «мужественный дух». Но этого не произошло. Через два десятилетия, в 1946 г., по окончании двух мировых войн, возвращаясь к анализу судьбы россиян и российской ментальности, мыслитель вновь подчеркивает катастрофичность развития страны и антиномичность, диалектичность русской души.

Развивая антропоморфно-мистическое объяснение природы русской натуры Н.А. Бердяев, как представляется, приходил и к более глубокому выводу о причинах ее антиномичности.

Доминирование женского начала над мужским в русской душе (общего, коллективного над личным, индивидуальным) он связывал с недостаточным развитием (по сравнению с Западом) российского бытия. «Россия жила слишком природной, недостаточно человеческой жизнью, слишком родовой, недостаточно личной жизнью». Антиномичность русского характера определяется, таким образом, противоречиями бытия, уклада жизни в России. Природно-родовое, общинное начало, в течение веков устойчиво сохранявшееся в России и считавшееся многими деятелями русского освободительного движения ячейкой социализма, в действительности тормозило развитие личного, индивидуального начала, сковывало развитие свободы личности. Именно давление общинно-го уклада жизни, несмотря на процесс развития капитализма в России,

раскрестьянивания и тому подобному, явилось одной из предпосылок формирования в стране после революции «казарменного социализма», в котором действительная свобода личности приносится в жертву вульгаризованной идее равенства²⁰.

Находясь в вынужденной эмиграции, Н.А. Бердяев внимательно следил за событиями в России и был убежден, что несмотря на все катаклизмы в истории России она продолжит свое развитие по пути цивилизованных стран. Он подчеркивал, что «все творческие идеи прошлого вновь будут иметь оплодотворяющее значение. Духовная жизнь не может быть угашена, она бессмертна»²¹.

Достаточно объективно оценивая воззрения западников и славянофилов и ни к кому прямо не примыкая, Н.А. Бердяев, как очевидно из данной выше краткой характеристики его взглядов, вместе с тем пытался выяснить рациональные моменты этих течений и сформировать более глубокий «синтезный» подход к анализу исторического развития России и ментальности россиян. Poleмика западников и славянофилов получила, как известно, новое, свежее дыхание с началом рыночных реформ в современной России. Как и в прошлом, российская интеллигенция раскололась на два «лагеря». Одни активно и упорно (особенно в начале 90-х гг.) отстаивали западный путь капитализации России на основе американско-западно-европейских рецептов (без должного учета российской ментальности), тогда как другие не с меньшей ретивостью доказывали необходимость самобытного русского пути в его органической связи с православно-патриархальными ценностями, возведенными в ранг государственной идеологии²².

Исследования и дискуссии последних десятилетий²³ показали, что проблеме «Запад-Восток-Россия» следует рассматривать с позиций цивилизационного подхода, предполагающего разные линии исторической эволюции и разные типы цивилизаций, их взаимодействие. Как справедливо отмечается в дискуссиях, некоторые черты традиционной самобытности, «психологии русской души» (в частности, общинности, коллективизма и т.п.) под воздействием почти непрерывных и чаще

²⁰ Бердяев Н.А. Душа России // Судьба России. С. 7-25.

²¹ Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. С. 266.

²² См.: Валентин Распутин: «России еще долго не подняться» // Аргументы и факты. 1997 г. 18 сентября; И. Глазунов. «Русский – тот, кто любит Россию» // Аргументы и факты. № 23. 2005. В этом же номере популярной газеты опубликовано интервью известного писателя А.И. Солженицына. Резко критикуя современные реалии России, писатель высказал также свое отношение к современной «национальной идее». По его мнению, «в нашем бедственном, неурядливом, ограбленном состоянии» в качестве национальной идеи сейчас могло бы стать предложение, выдвинутое графом П.И. Шуваловым Елизавете 250 лет назад: руководствоваться как главным законом «сбережением народа». Там же.

²³ См., напр.: «Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1992. № 6.

всего насильственных реформ и социальных экспериментов в XX в. либо практически исчезли, либо трансформировались в иные формы,клады жизни, типы мышления и поведения.

Вместе с тем определенные изменения традиционных форм российской ментальности не снимают с повестки дня общей проблемы специфического, не полностью западного или восточного пути развития современной России, требующей дальнейших глубоких философско-социологических и конкретных психолого-исторических исследований. Поэтому вклад русских мыслителей в изучение этой проблемы продолжает сохранять свою значимость и актуальность. Знание исторической психологии, понимание «тайны русской души», учет ее особенностей в практике реформационных процессов несомненно будет способствовать разрешению исключительно сложных, противоречивых проблем социально-экономического и духовно-культурного развития современного российского общества.

УДК 301+37

ВУЗ В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

О.В. Митькина, Дальрыбвтуз, Владивосток

Дается сравнение двух стратегий обучения в высшей школе, доказывающее, что использование инновационных методов обучения позволяет сформировать специалиста, пишущегося в рамки современной организационной культуры.

Высшей школе отводится ведущая роль в формировании кадрового потенциала общества, создании основы для распространения и внедрения новых знаний и технологий. В современных условиях образование должно носить опережающий характер. По мнению Тойнби А. [7, с. 255], образованию «принадлежит приоритетная роль в разрешении противоречий между новой формирующейся цивилизацией и отстающей консервативной культурой».

Проблема опережающего образования в западной социологии актуализировалась по ряду причин, но одна из главных – традиционная консервативность системы образования. «Удвоявая, благодаря собственной инертности, действие логики, характерной для процесса канонизации, система образования участвует в поддержании разрыва между культурой, производимой полем производства и школьной культурой, упрощенной и рационализированной, с помощью и для нужд зубривания» – писал П. Бурдые [1, с. 58].

Необходимость опережающей модели образования была признана Джоном Дьюи, который предложил альтернативу старой временной

системе образования, борясь против ориентации образования на прошлое, за его направленность на настоящее, за систему образования «здесь и теперь». Одним из видных представителей теории опережающего образования является А. Тоффлер. Новое образование, по его мнению, должно ориентироваться не на прошлое и настоящее, а на будущее, носить опережающий характер. Усилия образования направлены к исчезающей системе. Чтобы избежать футушока, нужно создать супериндустриальную систему образования, следовательно, искать цели и методы воспитания и образования в будущем, а не в прошлом.

Школа индустриальной эры, как отмечает А. Тоффлер, обеспечили массовое образование. Даже современная система образования носит в себе отпечатки прошлого: массовое студенчество, централизованные места обучения, административная иерархия образования, постоянство изучаемых дисциплин, регламентация учебных занятий, пренебрежение индивидуальностью учащихся, жесткая система принадлежности к определенной группе, непререкаемость авторитета учителя, регламентация учебного времени в значительной мере на изучение прошлого и постижение настоящего – такова современная школа.

Технология завтрашнего дня, по Тоффлеру, требует не миллионов поверхностно начитанных людей, готовых работать на монотонных работах, не беспрекословно послушных людей, но людей готовых принять критические решения. Прямой обязанностью образования является повышение способности индивидов справляться со скоростными социальными изменениями. Для студентов и преподавателей важно научиться предвидеть направление и уровень будущих изменений. Чтобы создать супериндустриальное образование, нужно сначала сгенерировать последовательные, альтернативные образы будущего – сделать предположение о видах работ, профессиях и должностях, которые могут понадобиться через двадцать или пятьдесят лет, о видах семейных форм человеческих взаимоотношений, которые будут превалировать, об этнических и моральных проблемах, которые возникнут, о технологии, которая будет окружать нас, об организованных структурах, в которые нам предстоит влиться. Только делая такие определенные, обдуманные и систематизированные предположения и постоянно корректируя их, мы сможем установить природу познавательных и эмоциональных умений, которые потребуются людям завтрашнего дня, чтобы перенести ускоряющий толчок» [8, с. 397].

Если анализировать состояние современного российского образования, то существуют серьезные проблемы – не востребованность специалистов с высшим образованием на рынке труда, низкая оценка качества выпускников вуза потенциальными работодателями. В системе высшего образования обнаружилось значительное отставание образования от социальных изменений. Поэтому в российской системе образования ставятся не столько задачи достижения опережающих темпов образования, сколько догоняющей стратегии образования.

Сложившиеся в образовании принципы отличаются рядом противоречий по отношению к характеру трудовой деятельности человека. В экономике произошли серьезные изменения, оказавшие значительное влияние на социальные отношения в производственном процессе. В связи с изменением базовой парадигмы организационного управления наблюдается тенденция к переходу от технократической философии бизнеса к гуманистической, в основе которой лежит идея о приоритете самореализации человека в производственной деятельности, что является основным условием эффективного развития организации.

Произошли изменения в структуре и характере организаций. Процессы деструктуризации и децентрализации, возникновение самоуправляемых бригад на различных организационных уровнях уменьшили важность и необходимость контроля руководством компании и увеличили значимость организационной культуры – того «клея», который скрепляет и удерживает организацию как единое целое [6, с. 81].

Стало очевидным, что организация с сильной организационной культурой просто не нуждается в развитой бюрократической иерархии и системе контроля. Когда люди имеют единые ценности и нормы поведения, нет необходимости указывать им, как они должны поступать в каждой конкретной ситуации: организация может быть «уверена», что ее члены примут правильное решение, руководствуясь своими культурными нормами и ценностями. Успех деятельности организации определяют человеческие ресурсы и качественные характеристики отношений сотрудников в организации. Как показывает опыт, высокоэффективными являются организации, построенные на принципах сотрудничества, взаимной поддержки, увеличении потенциала каждого [10, с. 164].

В нашей стране создание организации, в основе которой лежат данные принципы управления, сталкивается с рядом проблем. Самой значимой является проблема неподготовленности персонала к новым условиям социального взаимодействия. Чтобы соответствовать стремительному технологическому и профессиональному развитию во всем мире, успешные организации, которых в России единицы, создают программы повышения производственного мастерства своих работников, развития навыков общения, личностного самосовершенствования, а также сотрудничают с образовательными заведениями, предлагая стажировку для своих потенциальных кадров. Многие руководители объявляют свои фирмы «командой», а сотрудников – ее членами. В некоторых случаях это соответствует действительности, но чаще всего качество взаимодействий в группе и внутренняя позиция руководителя не более чем декларация желаемого. Изменения взаимоотношений внутри группы не происходят сами собой, их нельзя внедрить по приказу или инструкции, они могут быть сформированы в результате длительного процесса, включающего в себя формирование соответствующей организационной культуры.

Согласно Э. Холлу, несмотря на разнообразие определений культуры, существует три объединяющих положения:

- 1) культура не нечто врожденное, а приобретенное;
- 2) различные проявления культуры взаимосвязаны: затронь одну ее часть, и это окажет воздействие на все остальное;
- 3) всем членам общества свойственны единые культурные ценности, и именно культура определяет границы различных социальных групп [10, с. 63].

Из всех известных определений культуры извлечем те положения, которые характеризуют культуру в том понимании, в котором этот термин используется в данной работе:

- 1) культура – это универсальное явление человеческой жизни, не существует человеческого общества или социальной группы без присущей им культуры;
- 2) культура продукт совместной жизнедеятельности людей;
- 3) культура воплощается в системах социальных целей, ценностей, правил, стандартов, обычаев;
- 4) культура не наследуется генетически, а усваивается методом научения;
- 5) человечество не является единым социальным коллективом, разные популяции людей создали разные национальные, этнические, региональные, социальные культуры;
- 6) культура динамична, способна к саморазвитию и самообновлению, постоянному порождению новых форм и способов удовлетворения интересов и потребностей людей, адаптирующих культуру к меняющимся условиям бытия, поэтому гораздо важнее научиться, как усваивать культуру и приспосабливаться к этим изменениям, чем выучить факты и правила, действующие на данный момент;
- 7) язык и культура тесно связаны и взаимозависимы, культура в значительной степени передается через язык, культурные модели в реальности;
- 8) культура функционирует в качестве основания для самоидентификации общества и его членов, осознания общества и его субъектами своего группового и индивидуального «Я», различия «своих» и «чужих», она играет роль защитного и ограничивающего фильтра между ее носителями и внешней средой.

Следовательно, культура является средой существования человека: нет ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы затронут или на который не оказала бы влияние культура. Термин «культура» может быть применен к социальной группе любого размера, которая выработала свое представление о себе, окружающем мире и своей роли в нем. И в той же мере это относится к организациям: культура – среда существования и неотъемлемая часть организации.

«Под организацией понимается форма устойчивого объединения людей, преследующих некие групповые цели и удовлетворяющих связанных с их коллективным существованием интересы и потребности,

что обеспечивается относительно стабильным уровнем упорядоченности в структурном построении, разделении функций и согласованности действий субъектов сообщества» [10].

Определяющим фактором является то, что эти индивидуумы объединены четкой структурой и единой целью. Организационная культура – это разделяемые всеми ценности, представления, ожидания, нормы, приобретенные по мере вхождения в организацию и за время работы в ней. Организационная культура, являясь неотъемлемой частью жизнедеятельности организации, существенно влияет на ее эффективность. Понимая это, руководители стремятся к созданию сильной организационной культуры, которая базируется на ином понимании человека и его роли в системе общественного разделении труда.

Концепция сильной организационной культуры включает следующее:

1) признание тесной взаимосвязи между личностью и работой человека. Развитие знаний и квалификации оценивается не как результат предварительного обучения и тренировки, а как следствие изменения самой работы, ее содержания и организации. Работа должна иметь возрастающую степень сложности;

2) работа лучше соответствует человеку, когда в организации формальная и неформальная структуры совпадают;

3) личность работника, т.е. единство многообразных способностей, потребностей и ролей, должна соответствовать такой работе, содержание которой не расчленено на частные операции, а представляют единство различных задач. Это означает переход от узкоспециализированного рабочего места к универсальному, коллективному, совмещению профессий, делегирование дополнительных полномочий работнику, выполнение им различных функций на разных уровнях;

4) интерес человека к труду возрастает, если он знает конечные результаты своей деятельности. Планирование своего труда, контроль за его исполнением должны быть включены в структуру своей работы, в ее содержание [10, с. 140].

Т. Дил и А. Кеннеди в своих исследованиях отмечают, что успешные компании имеют сильную и монолитную культуру, с помощью которой люди объединяются, отождествляя себя со своей организацией, и совместно стремятся к достижению единой цели.

Кроме этого, сотрудники должны иметь ряд личностных характеристик, позволяющих им осуществлять взаимодействие. Организация функциональна тогда, когда она построена на сотрудничестве, открытости, доверии, искренности, внимательном отношении к другим. Все эти качества, присущие членам организации, позволяют выстраивать партнерские отношения.

В основе психологических характеристик личности, способной выстраивать данные отношения, лежит сформированная я-концепция, складывающаяся из отношения к себе, окружающим людям, деятельности, жизни. Люди, входящие в организации, должны иметь позитивное самосознание, уметь ценить свою и чужую индивидуаль-

ность, быть ориентированными на продуктивную, творческую деятельность. «Таким образом, на успешных предприятиях начинает формироваться персонал «новационного» типа, имеющий не только высокий уровень профессиональных знаний, но и умеющий осваивать новое, предлагать новые решения, работать на результат. Это является одним из основных условий высокой конкурентоспособности успешных предприятий. Поэтому логично предположить, что кадровая политика и критерии подбора персонала на успешных предприятиях и в дальнейшем будут направлены на формирование «новационных» коллективов/команд, что и будет определять характер запросов успешных предприятий на рынке труда и к системе профессиональной подготовки» [2, с. 54].

«Успешные предприятия, активно проводящие модернизацию, стремятся к формированию новационных команд, где персонал должен состоять не из обычных исполнителей, а высокоадаптивных и обучающихся, с творческим подходом к работе, умеющих работать на общий результат работников. Вместе с тем подобный запрос предприятий премиум-класса сталкивается с рядом ограничений. Сигналом об ограничениях является то, что даже на успешных предприятиях, чьи ресурсы позволяют нанимать более дорогую и квалифицированную рабочую силу, менеджеры не могут решить проблему «старения» персонала по отдельным категориям работников. Основной причиной становится неудовлетворенность работодателей качеством нынешней подготовки молодых кандидатов, уступающих «старшим» работникам. Доверие у работодателей достаточно низкое, а адаптация молодых сотрудников требует от предприятий значительных затрат, денег и времени» [2, с. 58].

Наиболее предпочтительными качествами при наборе персонала, по данным этого же исследования, являются уровень профессиональных знаний, дисциплинированность, умение работать в команде, чувство ответственности, готовность учиться, осваивать новое. К сожалению, современные специалисты, не отвечают потребностям современного производства по ряду причин, основной является использование устаревших технологий обучения.

Модель специалиста, формируемая сводом требований, предъявляемых к нему со стороны производства, находит отражение при выстраивании образовательной стратегии в процессе обучения студентов в вузе. Идеальный учебный процесс обеспечивает студенту приобретение знаний и опыта для будущей деятельности специалиста. С учетом потребностей производства современные методы образования должны способствовать формированию комплекса личностных качеств специалиста, обусловленных потребностями современного производства. Несмотря на неразрешимые насущные проблемы российского образования – низкую заработную плату работников образования, низкие пенсии учителей и преподавателей вузов, падение престижа педагогических

профессий, невысокий уровень материально-технического оснащения школ и вузов, отсутствие четкой научно-выдержанной статистики об избытке и дефиците специальностей, получаемых в вузе, и т.п. – нужны разработки новой стратегии образования и моделей опережающего образования в России.

Академические программы подготовки студентов базируются на государственных образовательных стандартах, предоставляющих преподавателю широкую свободу формирования содержания образования, разработки индивидуальных личностно-ориентированных технологий обучения и воспитания, создания уникальных педагогических проектов, проведения экспериментов. Такие программы, отвечая требованиям экономического и общественного развития, должны быть нацелены на использование инновационных методов обучения, обеспечивающих конкурентоспособность специалистов на рынке труда.

Вместе с этим проводимые исследования подтверждают тот факт, что сложившиеся принципы образования отличаются рядом противоречий по отношению к характеру трудовой деятельности человека. Например, образование носит преимущественно индивидуальный характер, а процесс выработки практических решений – групповой, учебный процесс строится как репродуктивно-подражательский, а практическая деятельность требует творчества и активности.

Существуют две стратегии управления учебно-воспитательным процессом в высшей школе: традиционная и инновационная (табл. 1). Традиционные методы направлены прежде всего на передачу определенной суммы знаний и формирование навыков практической деятельности. Они предполагают предоставление обучаемым готовых решений в качестве образца. Задача обучаемого при обучении традиционными методами заключается в том, чтобы выучить заданное и воспроизвести его. Именно это определяет при обучении традиционными методами приоритетную роль памяти и недостаточное внимание к управляемому развитию творческого мышления, которое совершенствуется попутно [5, с. 97].

Достоинствами инновационных методов обучения являются следующие: позволяют рассмотреть определенную проблему в условиях значительного сокращения времени (сжатие процесса); сформировать у обучаемых умение ориентироваться в нестандартных ситуациях; выявлять, анализировать и устанавливать причинно-следственные связи и решать конкретные производственные проблемы, развивать навыки работы групповым методом при подготовке и принятии управленческих решений и устанавливать взаимопонимание между участниками процесса [5, с. 54].

Культура инновационного образования предполагает, что вопреки извне заданному, директивно определяемому управлению учебно-воспитательного процесса необходима его осознанная системная реорганизация.

Компоненты осознанной системной реорганизации управления учебно-воспитательным процессом:

- сама личность педагога;
- личность студента;
- изменение функций и строения знаний и способов организации процесса их усвоения;
- социальная природа всякого учения и развития личности, ориентация не на индивидуальные, а на групповые формы учения, совместную деятельность, многообразие форм взаимодействий, индивидуальности из «коллективного субъекта»;
- изменение критериев оценивания эффективности учения и воспитания [3, с. 75].

Таблица 1

**Сравнительные особенности стратегии традиционного
и инновационного обучения**

Параметры обучающей системы	Традиционное обучение	Инновационное обучение
1	2	3
Единица управления	Учебно-воспитательный процесс как взаимосвязь двух автономных деятельностей: обучающей педагога и учебно-познавательной обучаемого; обучаемый как объект управления	Единицей управления является целостная учебно-воспитательная ситуация во взаимосвязи осваиваемой деятельности с многообразными формами взаимодействий между всеми участниками; обучаемые как субъекты учения
Цель	Усвоение предметно-дисциплинарных знаний	Развитие личности и многообразных форм мышления каждого обучаемого
Рольевые позиции педагога и стиль руководства	Предметно-ориентировочная позиция, преобладает функция информационно-контролирующая (обучаемый как «когнитивный» индивид). Стиль авторитарно-директивный	Личностно-ориентированная позиция, преобладают организационная и стимулирующая функции. Стиль демократический
Мотивационно-смысловые установки педагога	Анонимность, закрытость личности, всеобщая индивидуальная подотчетность, непререкаемость требований	Открытость личности педагога, установка на солидарность, совместную деятельность, индивидуальную помощь

Продолжение табл. 1

1	2	3
Характер организации учебно-познавательной деятельности	Преобладают репродуктивные задания, действия по образцу. Овладение исполнительской оперативно-технической стороной деятельности опережает смысло- и целеполагание	На первый план выдвигаются творческие и продуктивные задания, определяющие смысл и мотивы выбора обучаемым тех или иных репродуктивных задач. Формирование смысла и целей познавательной деятельности опережает тренировку в способах достижения результатов
Формы взаимодействий	Заданные педагогом цели и планы их достижения определяют исполнительский стиль индивидуальной учебной работы обучаемых. Ведущая форма учебных взаимодействий – подражание, имитация, следование образцам	Цели и задачи разрабатываются и принимаются совместно педагогом и обучаемыми. Процесс их достижения организуется как совместная деятельность. Многообразие взаимодействий, помогающих актуализировать личностный опыт каждого участника
Формы отношений	Соперничество преобладает над сотрудничеством	Многообразие, динамика становления и развития внутри- и межгрупповых деловых межличностных отношений, снижение конфликтности по мере роста уровня взаимодействий, усиление эмпатии в отношении друг к другу и к педагогу. Сотрудничество вытесняет соперничество
Контроль и оценка	Преобладает внешний пооперационный контроль в рамках жестко заданных правил. Преобладает оценка результата со стороны педагога, формы поощрения однообразны	Преобладает взаимо- и самоконтроль в рамках общих, разделяемых группой ценностей и смыслов. Преобладает взаимо- и самооценка в группах обучаемых, устремленных к социально и лично значимым целям и заинтересованных достижением продуктивного результата

1	2	3
Мотивационно-смысловые позиции обучающихся	Отчуждение от учебных ценностей и задач, отвлечение к учению, сужение спектра познавательных мотивов, соблюдение жизненно значимых ценностей и смыслов от собственно учебно-познавательных	Усиление, амплификация смысла учения посредством сотворчества и сотрудничества. Обогащение мотивов учения, познания, расширение мотивационной сферы личности, появление мотивов творческой деятельности, интеллектуального сотрудничества, продуктивных взаимодействий, самоактуализации

Таким образом, сравнение двух стратегий обучения в высшей школе, показывает, что использование инновационных методов позволяет сформировать специалиста востребованного на рынке труда сегодня, вписывающегося в рамки сильной организационной культуры. Использование преподавателями инновационных методов обучения предполагает, прежде всего, изменение собственной личностной позиции и роли в учебной ситуации, перестройки внутренней картины этой ситуации.

Опыт социологических исследований позиций преподавателя в учебном процессе отражен в известной книге представителя микроинтерпритивного подхода Д. Харгвиса «Межличностные отношения и образование». Харгвис анализируя действия учителей и учеников, а затем их взаимодействие в ситуации «классной комнаты», приходит к следующим выводам: учителя интерпретируют поведение учеников и свое собственное поведение. Таким образом формируется я-концепция учителей. Харгвис выделяет три типа учителей: «дрессировщики львов», «развлекатели» и «романтики». Для «дрессировщиков» процесс преподавания представляет собой натаскивание учеников, которые представляются как дикие и необузданные. «Развлекатели» также не верят, что учащиеся хотят учиться, но чувствуют, что лучший метод включения их в обучение – сделать материал интересным. «Романтики» придерживаются взглядов, что ученики хотят учиться, а учение – часть человеческой природы. Роль учителя состоит в усилении этого желания. Учебный план должен составляться учителями и учениками совместно, а их отношения должны быть построены на доверии.

Харгвис отмечает, что эти категории учителей являются логическими конструкциями. Построенными в результате анализа реальных учителей и в чистом виде они не могут быть найдены в реальном мире [9, с. 94]. Воспользовавшись методом Харгвиса, можно предложить собственную типологизацию преподавателей российских вузов в за-

висимости от интерпретации ими целей педагогической деятельности и выстраивания взаимодействий со студентами (табл. 2). И на основании этого проанализировать, какие методы используются ими в процессе обучения.

Таблица 2

№	Тип	Цель педагогической деятельности	Отношения со студентами	Используемые методы
1	Приспосабливающийся	Работающий по инерции, не довольный материальным положением, вуз – как место пребывания	Доминирующая позиция, иногда агрессия	Традиционные лекции, с изложением материала учебника
2	Рационализатор	Ясно осознающий реальное состояние системы образования, но работающий «на себя», использующий все средства достижения материального благополучия, часто работающий в нескольких вузах, использующий все виды заработка	Позиция доминирования, иногда попустительская	В основном традиционные эксперименты, позволяющие использовать инновации, но если это является требованием руководства
3	Идеалист	Считает, что цель образования – прогрессивное развитие общества. Цель жизни – педагогическая деятельность. Стремится к педагогическим достижениям, часто в ущерб собственным интересам	Ориентация на удовлетворение интересов окружающих, жертвенность, альтруизм	Использование традиционных методов и эксперименты с инновационными, интерактивными методами, часто неудачные из-за неумения выстраивать партнерские отношения
4	Карьерист	Достижение высокого административного или научного статуса	Доминирование, конкуренция	Традиционные в зависимости от требований администрации, внедрение инноваций, как правило, связанных с техническими новшествами
5	Новатор	Творческая, увенчанная научными идеями личность, как правило, работает по проектам или грандам, стремится к самореализации и саморазвитию	Партнерство и сотрудничество	Использование инновационных, интерактивных методов

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: решение проблем высшего образования не только и не столько лежит в сфере финансирования, а в большей степени зависит от людей, осуществляющих образовательный процесс. Лидерами преобразования выступают новаторы, осуществляющие внедрение инновационных методов обучения, позволяющие готовить специалистов в соответствии с требованиями современной организации производственного процесса.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Рынок символической продукции // *Вопр. социологии.* 1993. № 1.
2. *Бондаренко Н.* Запросы работодателей к качеству профессиональной подготовки работников // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискурс.* № 3(77). 2005.
3. *Давыдов В.В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972. 424 с.
4. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986. 240 с.
5. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996. 544 с.
6. *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учеб. пособие. М.: Логос, 2006. 224 с.
7. *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
8. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.
9. *Фурсова В.В.* Социология образования: зарубежные парадигмы и теории. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. 200 с.
10. *Кирхлер Э., Майер Песту К., Хофманн Е.* Психологические теории организации // *Психология труда и организационная психология.* М.: Гуманитарный центр, 2005. 312 с.

УДК 301+502.3

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.С. Слободская, Дальрыбвтуз, Владивосток

В статье рассматриваются философские проблемы эволюции экологического сознания в истории развития общества. Для исследования выделены две разнонаправленные тенденции – господствующая антропоцентрическая и архаическая эоцентрическая разновидности экологического сознания.

Автором дается определение дефиниции «экологическое сознание» и основные объективные параметры, его характеризующие.

Автор систематизирует доступный по данной тематике материал, особенно используя подходы и методологию С.Д. Дерябо. Работа написана с использованием междисциплинарного подхода: на стыке философии, психологии, этнографии.

Введение

История исследования проблем экологического кризиса насчитывает уже почти сто лет, но лишь недавно пришло осознание того, что экологический кризис – это во многом мировоззренческий, философско-идеологический кризис, что решение экологических проблем в глобальном масштабе невозможно без изменения господствующего в настоящее время антропоцентрического (от греч. *anthropos* человек + *kentron* центр) общественного экологического сознания, ставящего во главу угла человека и его интересы в ущерб интересам окружающей его природы.

Под дефиницией «экологическое сознание» традиционно понимается совокупность экологических представлений о взаимосвязях в системе «человек-природа» и в самой природе, существующего отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней. Именно сложившийся тип экологического сознания определяет поведение людей по отношению к природе. Экологическое сознание в целом наиболее адекватно может быть охарактеризовано по трем параметрам (классификация С.Д. Дерябо):

1) психологическая «противопоставленность – включенность». Человек мыслится как стоящий вне и над природой или же как составная часть Природы;

2) «объектное – субъектное» восприятие природы. Человек воспринимает природу как лишенный всякой самооценности *объект воздействия* или же как равноправный *субъект взаимодействия*;

3) «прагматический – прагматический» характер взаимодействия. Взаимодействие с природой служит для удовлетворения только прагматических (пищевых, технологических и т.п.) потребностей человека, когда она воспринимается лишь как материальная ценность, либо для удовлетворения его прагматических, духовных потребностей, когда такое взаимодействие становится самоценным.

Со времен немецкой классической философии в научной среде стало уже аксиомой представление о том, что любое явление в его современном виде может быть адекватно понято только через диалектику его развития: как оно возникло, какие этапы проходило в процессе своей эволюции, чем были обусловлены те или иные его изменения и т.д. Поэтому чтобы понять сущность современного общественного экологического сознания, являющегося «психологической базой» экологического кризиса, необходимо рассмотреть его развитие в процессе социогенеза.

Экологическое сознание в архаическую эпоху

Исходной точкой исторического развития отношений человека с миром природы является архаическая эпоха. Особенности экологического сознания в это время могут быть реконструированы через анализ существовавшей системы мифов, которая представляет собой сложившуюся у первобытного человека картину мира.

На начальном этапе социогенеза люди еще не отделяли себя от природы, они мыслили себя частью единой Природы. Это было обусловлено тем, что первобытный человек максимально зависел от нее: она постоянно «присутствовала» в каждой его мысли, в каждом его действии. Вопрос взаимоотношений с окружающей природой был вопросом физического выживания человеческого рода. Образ жизни не позволял ни встать над ней, ни игнорировать ее.

Это и определяло первую характерную черту экологического сознания в архаическую эпоху – высокую степень психологической включенности человека в мир природы. Такое восприятие природы являлось не следствием некоего «инстинктивного чувства единства» с ней, а было обусловлено особенностями самого мышления человека той эпохи. Архаическое сознание оказывалось неспособным в достаточной мере качественно дифференцировать объекты и явления мира: оно нечетко разделяло субъект и объект, материальное и идеальное, причину и следствие и т.д. В результате первобытный человек наделял природное окружение своими собственными свойствами.

В сущности, для первобытного человека окружающие объекты и явления есть не что иное, как «люди в другом обличье». Поэтому нет и не может быть принципиальной разницы и границы между человеческим и природным. Этим обусловлена вторая черта экологического сознания в архаическую эпоху – субъектное восприятие мира природы (точнее, субъект-объектная неразделенность с ним).

Взаимодействие с природой в архаическую эпоху, безусловно, носит в целом прагматический характер, поскольку главная его цель обеспечить роду физическое выживание. Но в то же время для первобытного человека природа – это не только «враждебное окружение» или «поставщик полезного продукта», но и его «родной дом» (характерно происхождение слова «природа» – «при роде»). Род целиком погружен в природу не только физически, но и духовно: он как бы растворяется в ней. Поэтому третья черта экологического сознания в архаическую эпоху заключается в том, что наряду с доминированием прагматического взаимодействия с миром природы присутствуют элементы и непрагматического взаимодействия.

В процессе развития человеческого общества, формирования сознания и появления определенной физической независимости от природы исходное психологическое единство с ней начинает разрушаться. Отчуждение от природы прошло в несколько этапов.

На первом этапе поиски первобытным человеком причин природных явлений приводят к появлению представлений об особом потустороннем мире духов, управляющих всем происходящим вокруг – складывается анимистическая картина мира.

Постепенно представления о них приобретают все более абстрактный и обобщенный характер: мир духов перерастает в мир богов. В это время боги равны природе в ее проявлениях, иными словами, природа и есть сами боги, их воплощение, персонификация: река – это бог реки, гора – бог горы, гром – бог грома и т.д.

Свойственная ранее психологическая связь с миром природы сохраняется теперь только с тотемным животным или растением. Тотем представлялся членом рода их общим предком, который может при определенных условиях оказывать им сверхъестественную помощь.

Существенную роль в формировании отчужденности от природы сыграл переход к оседлому образу жизни. Развитие общественного сознания привело к тому, что человек перевел взгляд с природы на самого себя, и в центре внимания оказалась проблема родовых, семейных связей. Принципиальным становится противопоставление «свой – чужой»: наше царство – далекое царство, в нашем царстве есть герой, богатырь, в чужом – дракон, змей, чудовище.

Экологическое сознание в эпоху античности

Второй этап отчуждения человека от природы связан с эпохой античности (сформировавшейся в X-XI вв. до н.э. и завершившей свое существование в VI-V вв. н.э), когда складывается система представлений о богах как творцах природы. Следует отметить, что эпоха античности является вторым этапом отчуждения от природы именно для европейской культуры: представления о богах как творцах природы, например, в Египте, Междуречье появились значительно раньше.

Теперь боги уже, как правило, антропоморфны, т.е. обладают человеческими свойствами и даже человеческим обликом. Антропоморфными являются, например, боги греческого пантеона: Зевс, Афродита, Аполлон и др.

Поскольку и человек, и природа созданы богами, возникает своеобразное «равенство в отчужденности»: человек и природа равны перед богами, но отчуждены друг от друга. Иными словами, складывается психологическая противопоставленность человека и природы – это первая черта экологического сознания античной эпохи.

Дополнительным фактором, увеличивающим противопоставленность человека и мира природы, стало то, что в эпоху античности началось научное осмысление природы. Природа стала объектом изучения, хотя она при этом не лишалась «души».

Вторая черта экологического сознания этой эпохи заключается в том, что оно ближе к субъектному, чем к объектному восприятию природы. Такое противоречие связано с противоречивостью, двойственностью самого античного сознания: с одной стороны, для античности свойственно уже научно-логическое мышление, а с другой – миф, мифологическое мышление не исчезают полностью, а становятся как бы «подтекстом» научно-логического, особенно в период заката античности.

Наконец, третья черта экологического сознания эпохи античности – понимание ценности непрагматического взаимодействия с миром природы: для античного человека природа это не только материальная, но еще и духовная ценность. Природа начинает выступать как образец, идеал гармонии, которой человек должен учиться у нее,

подражать ей в своей повседневной жизни. Красота, совершенство природы становятся популярными темами античной литературы, да и всего античного искусства.

В целом, античность явилась еще одним шагом на пути отчуждения человека от природы и в определенном смысле подготовила абсолютную их противопоставленность в последующие века.

Экологическое сознание в эпоху Средневековья

Третьим этапом отчуждения человека от природы явилось появление монотеистических (от греч. *monos* – один и *theos* – бог) религий, в частности, христианства. Для средневекового сознания, господствовавшего в Европе почти тысячу лет вплоть до XV в., идеологическим стержнем которого было христианство, характерна жестко иерархизированная картина мира, вся поставленная под знак Бога.

Система представлений в христианстве строится на основе иерархии «Бог – человек – природа». Противопоставленность человека и мира природы определяется волей Бога – это первая черта экологического сознания в эпоху Средневековья.

Поставив человека на вершину пирамиды земного мира, христианство кардинально меняет характер восприятия природных объектов. Главное отличие человека, созданного «по образу и подобию» божьему, от всего природного – это наличие у него нематериальной божественной души (как справедливо заметил по этому поводу К. Юнг, «сложность души росла пропорционально потере одухотворенности природы»).

Если античность, сделав природу объектом научного изучения, оставляла природным объектам «право» на душу, то христианство их этого полностью лишило. Вместе с ней природные объекты лишаются и своей самоценности: они представляют интерес только в той мере, в какой могут служить человеку и быть полезными ему. Таким образом, вторая черта экологического сознания эпохи Средневековья, которую сформировало христианство, – объектное восприятие мира природы. Оно также кардинально изменило и характер взаимодействия с миром природы, переведя его в плоскость абсолютного прагматизма, являющегося третьей чертой экологического сознания этой эпохи. Оно освободило человека от обязанности боготворить природу, дало ему неограниченную свободу в обращении с ней, превращенной в «сырье», лишенное какого бы то ни было священного смысла.

Американский исследователь Ю. Линден связывает отчуждение человека от природы в христианстве с географией возникновения этой религии. Библия появилась в странах с пустынным климатом, и, следовательно, ее составители никогда не видели существ, которые были бы промежуточным звеном между животными и человеком, т.е. обезьян. Как следствие этого, они построили философскую систему, проникнутую идеей отчуждения от природы и оправдывающую полную свободу для человека делать с ней все, что угодно.

У народов, живущих во влажных тропических лесах, в непосредственном соседстве с обезьянами биологическая изоляция человека менее выражена. Для этих народов обезьяны представляются лишь отчасти животными, а отчасти людьми.

Итак, христианство завершило отчуждение человека от природы в религиозной форме.

Экологическое сознание и наука Нового времени

Но впереди еще ждало отчуждение от природы, освященное наукой. Важнейшую роль в этом сыграло *картезианство* (от *Cartesius* – Картезий – латинской транскрипции имени Р. Декарта, основоположника этого учения), возникшее в XVII в. и ставшее одной из философских основ современной цивилизации.

Его исходным пунктом являлось представление о человеке-субъекте и мире-объекте, которым человек манипулирует. В этом смысле картезианство венчает собой развитие, коренящееся в самой сущности человека и состоящее в том, что человек во всех отношениях радикальным образом выделяется из мира. Оно логически завершило берущую истоки в античности, но ставшую центральной именно для христианства тенденцию приближения человека к Богу и постановки его на высшую ступень в земной иерархии. Человеческая личность, воспитанная в течение полутора тысяч лет на опыте абсолютной личности, захотела теперь сама стать абсолютом.

В культуре классицизма, господствующей в XVII–XVIII вв., одной из основ которой и являлось картезианское учение, природа отодвигается на периферию мира. Более того, в классицистическом сознании доминирует представление о том, что природа прекрасна лишь тогда, когда она «облагорожена» человеком-творцом, демиургом (вспомним так называемый «английский газон»). Если христианство лишило природные объекты души, то классицизм лишил ее права даже оставаться в своем естественном состоянии.

Таким образом, первая черта картезианской модели мира – полная психологическая противопоставленность человека и природы.

Картезианство утверждало абсолютную ценность человеческого разума, субъективности в целом, а поскольку внечеловеческая природа ими не обладает (животные и растения, по Декарту, машины, лишены внутреннего мира), то, соответственно, ее ценность несоизмеримо ниже. В таком случае препарирование животного ничем не отличается от разборки часов. Гордиев узел этических сомнений о допустимости таких действий разрушен окончательно. В этом заключается вторая черта картезианства – объектное восприятие природы.

Характерно, что конечную цель знания картезианство видело в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, которые позволяли бы это господство обрести: «человек – царь природы». Природа не должна существовать и развиваться

ся «просто так», она должна служить человеку. Абсолютный прагматизм во взаимодействии с природой – это третья черта картезианского мировосприятия.

И далеко не все мыслители Нового времени стояли на тех же позициях, что и Декарт: например, Лейбниц приписывал душевную жизнь всему существу, у Шеллинга и Гегеля природа, будучи неодушевленной в своих неорганических формах, понимается как нечто, чьей целью является субъектность, даже если она и достигается лишь после долгого процесса развития и т.д.

Но «железная поступь» картезианства, ведущего человечество в экологический тупик, оказалась сильнее. Этот последний четвертый шаг в отчуждении от природы был первым шагом к экологическому кризису.

Таковы культурно-исторические истоки доминирующего сейчас антропоцентрического экологического сознания.

Современное (новое) экологическое сознание

Социальные истоки возникновения так называемого «нового экологического сознания» хорошо иллюстрирует история развития США. На начальном этапе это история освоения новых земель на Западе. Наличие открытой границы сформировало представление о возможности неограниченного экстенсивного роста.

Экстенсивный путь был естественным и самым простым способом снятия социального напряжения: недовольные своей жизнью могли уйти на Запад и установить там свои собственные порядки. Американская демократия того этапа и природное изобилие были взаимосвязанными явлениями.

Но к середине XIX в. запас свободных земель был исчерпан, и государственная граница приобрела значение границы экстенсивного роста. Это был первый «экологический кризис», который вызвал переход к технологическому, урбанистическому направлению развития американской цивилизации.

В результате осмысления этого кризиса во второй половине XIX – начале XX вв. в США складывается общетеоретическая и мировоззренческая ориентация, получившая название американского инвайронментализма (от англ. *environment* – окружающая среда), в которой в дальнейшем выделилось три течения: консервационизм, экологизм и биоцентризм. В центре ее внимания оказывается взаимодействие общества со средой своего обитания. Эта ориентация проявилась в социологии, философии, политэкономии, правоведении, этике, а также в социальных движениях за качество среды обитания.

Инвайронментальный консервационизм

Консервационистское крыло инвайронментального движения (Паулл, Пиншо, Фернау и др.) можно считать первым этапом альтернатив-

ной экоцентрической тенденции в развитии общественного экологического сознания. Консервационисты провозгласили лозунг: «Максимум природных благ для большего числа людей на более длительный период». Они призывали к необходимости реорганизации социальных институтов, чтобы можно было обеспечить рациональное природопользование и справедливое распределение природных ресурсов.

Тем не менее экологическое сознание, базирующееся на идеях консервационизма, не претерпевает каких-либо качественных изменений по сравнению с предыдущей эпохой: человек по-прежнему противопоставлен природе, воспринимает ее как объект, во взаимодействии с природой продолжает доминировать прагматизм. Но консервационизм принципиально изменил сам вектор развития экологического сознания: прагматизм сменяется «дальним прагматизмом», утверждается необходимость консервации природных ресурсов для будущих поколений.

Универсальная этика, биоцентризм

Большую роль в формировании нового типа экологического сознания, в преодолении взгляда на природу как на простой объект человеческих манипуляций сыграла так называемая «универсальная этика» (Торо, Ганди, Швейцер и др.). Она не проводит в ценностном отношении разграничения между человеком и другими живыми существами: жизнь насекомого столь же ценна, как и жизнь человека, иными словами, представители природы такие же полноправные субъекты, как и человек, равны ему в своей самоценности.

Идеи «универсальной этики» стали идеологической базой такого направления американского инвайронментализма, как биоцентризм (Эмерсон, Кэтлин, Лоу, Олмстед, Элист и др.). Биоцентризм основывается на предположении естественного порядка, в котором все движется в соответствии с естественным законом порядка, в котором поддерживается самый тонкий и совершенный баланс до тех пор, пока в нем не появляется человек со всем его «невежеством и самонадеянностью». Биоцентристы рассматривают Природу как наиболее совершенное и наделенное духовными качествами существо, воплощающее в себе основополагающие принципы жизнедеятельности всего живого и разумного. (Следует отметить, что биоцентризм является своего рода «радикальным» крылом инвайронментализма, биоцентристским идеям присущ несколько мистифицированный, метафизический характер. Поэтому они имеют много оппонентов, критикующих их с самых разных позиций.)

Иными словами универсальная этика, биоцентризм провозглашали необходимость высокой степени психологической включенности человека в мир природы, высоко субъектного ее восприятия, доминирования непрагматического характера взаимодействия с ней над прагматическим.

В целом, инвайронментальное движение в различных своих направлениях, русский космизм являются предпосылками возникновения нового экоцентрического экологического сознания.

Заключение

Эволюция западного общественного экологического сознания достаточно четко иллюстрирует основные законы диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания (тезис – антитезис – синтез).

В развитии общественного экологического сознания в процессе социогенеза можно выделить две разнонаправленные тенденции: антропоцентрическая и эгоцентрическая (рисунок).

Антропоцентрическая тенденция описывается такими «узловыми точками», как «архаическое сознание – античное сознание – христианство – картезианство».

Антропоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерны: 1) противопоставленность человека как высшей ценности и природы как его собственности; 2) восприятие природы как объекта одностороннего воздействия человека; 3) прагматический характер мотивов и целей взаимодействия с ней.

Альтернативная эгоцентрическая тенденция описывается такими «узловыми точками», как «инвайронментальный консервационизм – русский космизм – экологизм – универсальная этика, биоцентризм».

Существенный шаг был сделан русским космизмом, а также – в таком направлении американского инвайронментализма как экологизм. Русский космизм утвердил включенность человека в мир природы скорее на религиозном, трансцендентальном уровне, а инвайронментальный экологизм на собственно научном.

Эгоцентрический тип экологического сознания – это система представлений о мире, для которой характерны: 1) ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы; 2) восприятие природных объектов как полноправных субъектов, партнеров по взаимодействию с человеком; 3) баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с природой.

Краткий компаративный анализ структуры двух противоположных типов экологического сознания схематично отражен в таблице.

Структура антропоцентрического и эгоцентрического экологического сознания

Антропоцентрическое экологическое сознание	Эгоцентрическое экологическое сознание
1	2
1. Высшую ценность представляет человек	1. Высшую ценность представляет гармоническое развитие человека и природы
2. Иерархическая картина мира	2. Отказ от иерархической картины мира

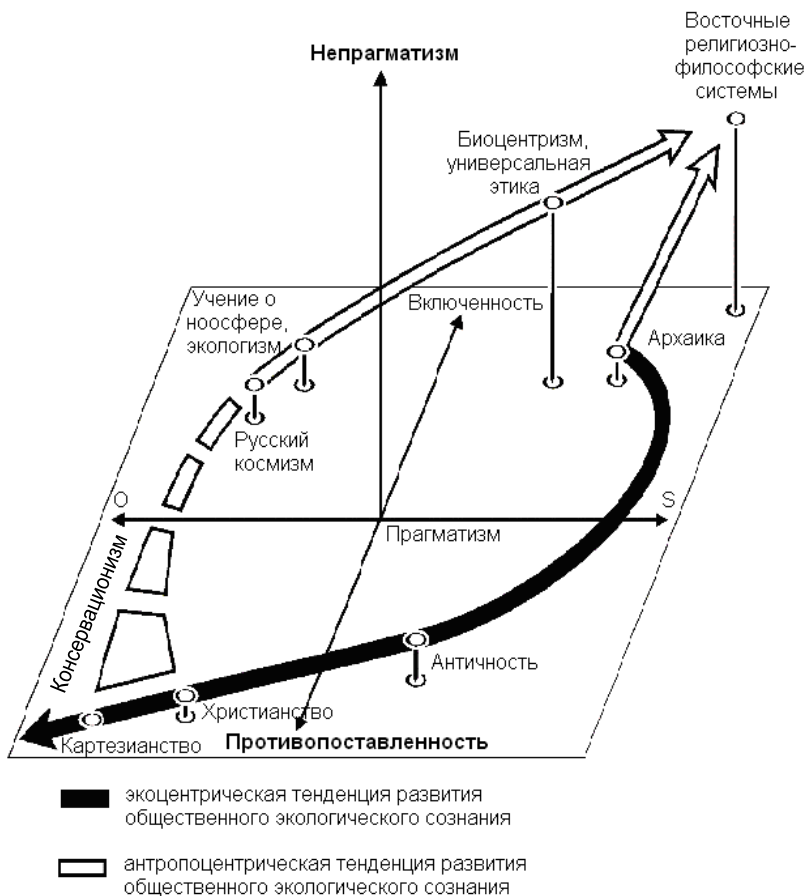
Окончание таблицы

1	2
3. Целью взаимодействия с природой является удовлетворение тех или иных прагматических потребностей	3. Целью взаимодействия с природой является оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества
4. «Прагматический императив»: правильно то, что полезно человеку	4. «Экологический императив»: правильно только то, что не нарушает существующее в природе эко-равновесие
5. Природа воспринимается как объект человеческой деятельности	5. Природа воспринимается как равноправный субъект по взаимодействию с человеком
6. Этические нормы и правила не распространяются на взаимодействие с миром природы	6. Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие людей, так и на взаимодействие с природой
7. Развитие природы мыслится как процесс, который должен быть подчинен целям и задачам человека	7. Развитие природы мыслится как процесс взаимовыгодного единства
8. Деятельность по охране природы продиктована дальним прагматизмом: необходимостью сохранить природную среду, чтобы ею могли пользоваться будущие поколения	8. Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой и ради людей

Необходимо отметить, что для развития экологического сознания в культурах Востока характерны иные тенденции. Если западное экологическое сознание прошло ряд последовательных исторических трансформаций, то восточные религиозно-философские системы избежали этого «окольного пути». Они сохранили характеристики архаического экологического сознания, значительно усилив при этом роль непрагматического взаимодействия с природой, восприятие природы как духовной ценности.

Остается один важнейший вопрос: представляет ли собой экоцентрический тип экологического сознания реализацию известного лозунга «Назад к природе», действительно ли для преодоления экологического кризиса мы должны отказаться от всех достижений цивилизации и вернуться к состоянию «первобытной гармонии» с природой?

Ответ на него дает сама диалектика: человек должен, сохранив свою независимость от природы, достигнутую благодаря техническому прогрессу, преодолеть психологическую противопоставленность с ней, вновь прийти к пониманию своей неразделимости с природой, восприятию природных объектов как полноправных субъектов по взаимодействию, установить баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с ними.

Развитие общественного экологического сознания в процессе социогенеза

Библиографический список

1. Арсеньев В.Р. Звери, боги, люди. М.: Политиздат, 1991.
2. Дерябо С.Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: МПСИ, 1999.
3. Киселева Н.Ю. Экологические элементы сознания и религия. Нижний Новгород, 1993.
4. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
5. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
6. Юнг Карел. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ В РОССИИ
(М.М. ДОБРОТВОРСКИЙ И Н.В. КИРИЛОВ)**

Д.Б. Тарасенко, Дальрыбвтуз, Владивосток

Народная медицина является составной частью культуры любого народа. Настоящая статья рассказывает об исследованиях в области народной медицины, проведенных во второй половине XIX – начале XX вв. двумя русскими врачами – М.М. Добротворским и Н.В. Кириловым.

Этнические особенности сохранения здоровья (народная медицина) являются важной составляющей культуры любого народа. В нашей стране интерес к народной медицине возник во второй половине XIX в. В числе первых исследователей, изучавших данную проблему, были врачи М.М. Добротворский и Н.В. Кирилов, сочетавшие лечебную деятельность с научными этнографическими наблюдениями.

М.М. Добротворский (1836-1874) родился в семье сельского священника, после окончания гимназии поступил в Медико-хирургическую академию и закончил ее в 1865 г., получив звание лекаря. Затем Добротворский добровольно поступил на военную службу на должность старшего врача 4-го Сибирского восточного линейного батальона и 7 лет прослужил в Восточной Сибири (1,5 года во Владивостоке и 5 лет на Сахалине). В сыром климате у Добротворского обострился хронический туберкулез, которым он страдал с 18 лет, и Михаил Михайлович был вынужден подать в отставку весной 1872 г. Все оставшееся время Добротворский посвятил научной работе, приводя в порядок свои наблюдения. В этот период была написана «Русская простонародная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов» (1874), в которой исследователь дал краткую картину состояния этнических особенностей сохранения здоровья русского народа в середине XIX в.

Н.В. Кирилов (1860-1921) родился в семье военного фельдшера и после окончания гимназии поступил в Московский университет. Закончив медицинский факультет университета и получив звание врача, Николай Васильевич проработал год в городе Климовичи Могилевской губернии, где смог вылечить «заработанный» им на студенческой скамье туберкулез легких. Затем он работал сельским окружным врачом в Забайкалье (1885-1896), вольнонаемным врачом на Сахалине (1896-1899), затем работал в военном госпитале во Владивостоке (1900-1902). Уйдя со службы, Кирилов жил и работал в Приморье (1902-1914), в Николаевске-на-Амуре (1915-1918) и в Благовещенске (1918-1921). Н.В. Кирилов постоянно совмещал врачебную деятельность с научной и общественной работой, неоднократно бывал в служебных и творческих командировках (в Монголии, Китае, Корее, Сайгоне (Вьетнам), на Чукотке и

на Аляске), был близко знаком с известным исследователем Приморья В.К. Арсеньевым. Одной из научных заслуг Николая Васильевича было изучение тибетской медицины. С этой целью Кирилов не только совершил две поездки в Монголию (1887 г. и 1891 г.) с посещением и осмотром наиболее важных монгольских монастырей, но также собрал коллекцию лекарственных веществ и растений, используемых тибетскими ламами в медицинских целях, изучал тибетскую и монгольскую письменность и приобрел главные медицинские сочинения на монгольском и тибетском языках и с помощью переводчика «составил для себя перевод пяти главных и нескольких мелких книг» [4, с. 10]. Начиная с 1900 г. Николай Васильевич изучал китайскую медицину. Результаты своих исследований Кирилов изложил в монографиях «Современное значение Тибетской медицины как части ламайской доктрины» (1892), «Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье» (1893), «Общая характеристика практики восточных систем медицины (тибетской, китайской) в параллель с нашей народной» (1912), «Китайская медицина в ее прошлом, отходящем в область предания, и зачатки медицинской организации в Китае по европейскому образцу» (1914).

Изучая народную медицину, М.М. Добротворский и Н.В. Кирилов выявили существенные признаки, отличающие народную медицину от научной:

1. Народная медицина не разделяет объективное (патофизиологические процессы) и субъективное (симптомы – ощущения).

2. В народной медицине болезни классифицируются по второстепенным, несущественным признакам. Это приводит к несовершенству диагностики.

3. Представители народной медицины держат свои методы и способы лечения в тайне от непосвященных.

4. В лечении заболеваний народная медицина применяет целостный (холистический) подход, соединяющий два вида знания – рациональное (в данном случае эмпирическое) и иррациональное (магическое и религиозное).

Историю становления этнических особенностей сохранения здоровья (народной медицины) у народов мира можно разбить на три этапа:

- 1) дописьменный этап (опыт передавался из поколения в поколение);
- 2) знахарская медицина;
- 3) традиционная письменная медицина.

В XIX в. первая стадия была характерна для большинства народов Сибири и Дальнего Востока России, а также для других народов мира, не обладавших своей письменностью. Жизнь среди первозданной природы, наблюдения за лечебными свойствами растений и поведением диких животных вели к накоплению опыта, навыков и приемов лечения природными средствами. Эти навыки передавались из поколения в поколение. В лечебной практике применялись рациональные (основанные на наблюдениях и житейской мудрости) и магические способы лечения; использо-

вались лекарственные средства растительного, животного и минерального происхождения [5, с. 39]. Медицинские знания у разных народов различались в зависимости от природно-климатических зон и образа хозяйствования. Так, например, у коренных жителей Чукотки исследователи XIX в. зафиксировали крайне скудный набор лекарственных средств растительного происхождения; кочевники Забайкалья использовали в лечении в основном продукты своих одомашненных животных, а оседлые земледельцы Сибири, акклиматизировав хлебные злаки, огородные овощи, разнообразили медицинские знания простыми выжимками из культурных растений [5, с. 88-89]. Главными целителями на данной стадии становления народной медицины выступали шаманы, зарождавшееся знахарство играло подсобную роль. В это же время возникло разделение медицинской практики на терапию, хирургию и родовспоможение.

Вторая стадия была характерна для тех народов, которые в своем развитии обрели письменность в качестве способа передачи информации. Здесь появляется институт знахарей, а накопленные ими эмпирические данные о лекарственных средствах и других способах лечения фиксируются в особых книгах – «лечебниках» и т.д. Эта стадия была характерна для русского и других народов Европы до появления научной медицины (в России научная медицина появилась в XVIII в. в результате реформ Петра I).

Главным признаком третьей стадии становления этнических особенностей сохранения здоровья является канонизация медицинских знаний жрецами. На этой стадии медицинские знания наряду с этикой составляют часть «священной литературы». Первый свод медицинских знаний был сделан в Индии. Из Индии эти знания попали в Грецию, потом на Арабский Восток. Другим путем распространения был перевод с санскрита на тибетский и китайский языки. Стадия традиционной письменной медицины зафиксирована Н.В. Кириловым в Индии, Тибете и Китае. В этих странах медицинское знание было канонизировано и сохранялось в неизменном виде на протяжении двух тысяч лет – до начала XX в. В Европе же канонизации теоретических положений и способов лечения народной медицины не произошло (большую роль в этом сыграло христианство, преследовавшее колдунов и чародеев). Благодаря этому возникшая в Новое время научная медицина освободилась от древних аксиом, стала развиваться на рациональных механистических принципах и достигла больших успехов [3, с. 91].

В основе теоретического обоснования народной медицины лежит вера в существование добрых и злых духов (богов и демонов). По мнению М.М. Добротворского, первый и второй этапы развития народной медицины характеризуются следующим:

1) верой в то, что духи или демоны способны повредить здоровью человека;

2) уверенностью, что «при помощи добрых невидимых существ или посредством заклинаний и таинственных церемоний мы можем как предупредить болезнь, так и излечить ее» [1, с. 28].

Первый этап становления этнических особенностей сохранения здоровья М.М. Добротворский рассматривает на примере сахалинских айнов (после Второй мировой войны большая часть айнов была переселена в Японию и подверглась ассимиляции). Основными целителями у сахалинских айнов выступали шаманы, выполнявшие также и функции жрецов. Главным отличием шамана от других соплеменников являлась способность общаться с духами. Заболевший обращался к шаману за помощью и тот после краткого осмотра больного начинал церемонию камлания, во время которой общался с духами, объявлявшими, какая у больного болезнь и чем ее лечить. Если лечение не удавалось, то шаманы объявляли, что духи их обманули, указав не ту болезнь или не то лекарство. Причинами могла быть неприязнь духов к больному или к самому шаману. Причины и названия заболеваний отражали мифопоэтическое миропонимание, лежавшее в основе мировоззрения айнов. Поэтому абсолютно все нарывы и язвы приписывались проделкам злых демонов (например: карбункул в буквальном переводе с айнского назывался «чирей злого демона»), все ушные болезни имели название «ушной проход злого бога» [1, с. 30]. Любые заболевания гортани, дыхательного горла, зева, органов пищеварения классифицировались как птичья или рыба́я болезни. Соответственно диагнозу назначалось и лечение: при птичьей болезни к больному месту следовало прикладывать пух черного или пестрого дятла либо надо было вымочить этот пух в воде и дать выпить больному; при рыба́ей болезни больному давали пить воду, в которой вымачивали мясо одной морской рыбы (М.М. Добротворскому не удалось ее классифицировать).

Помимо шаманов, существовали также и знахари, которые диагностировали и лечили простуду, цингу, сифилис и болезнь под названием «Гана» (этим понятием обозначалась любая внутренняя болезнь). Для лечения последней применялся метод высасывания: на теле больного производился небольшой укус зубами и целитель высасывал вытекающую кровь, а вместе с нею и болезнь. Данный способ лечения Добротворский сравнивает с гирудотерапией. Из сильнодействующих средств айны применяли травы аконит и икема (классификация последней не была произведена Добротворским). Айнская народная медицина делилась на два раздела – терапию и хирургию. Хирургическая практика заключалась в лечении ран, переломов и вывихов, в кровопускании и вскрытии нарывов. Две последние процедуры производились простым ножом [1, с. 31]. Кроме этого айнские знахари умели делать тугие повязки для исправления косметических дефектов и лечить задержку мочеиспускания постановкой зонда из китового уса. Никаких особых хирургических инструментов у айнов Добротворский не обнаружил.

Второй этап становления этнических особенностей сохранения здоровья рассмотрен М.М. Добротворским на примере русской народной медицины, в которой происхождение заболеваний преимущественно сводится к темным силам, пагубно влияющим на человека:

1) дьявол способен навредить человеку (навести порчу) или даже вселиться в него. Вмешательством дьявола объясняли появление кликуш и чревоушателей. С точки зрения научной медицины, комментирует Добротворский, сюда относятся различные виды психических расстройств, включая истерию;

2) навредить человеку может и домовый, который по ночам «душил» нелюбимого им человека;

3) «двенадцать Трясовиц» (лихорадок), олицетворяющих в поэтической форме симптомы различных заболеваний (озноб, лихорадку, судороги, боль, кашель, глухоту, ломящую боль, отек, помутнение расудка и смерть);

4) «несчастливые» дни и часы;

5) народные приметы и суеверия (например, встреча с солдатом, попом, бабой с пустыми ведрами, зайцем или мышью в дороге предвещала несчастье).

В качестве профилактических мер, способных предотвратить или свести к минимуму наносимый темными силами вред, применялись следующие методы:

а) молитвы христианскому святому-заступнику (прежде, добавляет Добротворский, молились языческому богу) [1, с. 19-20];

б) религиозные талисманы (частицы мощей святых, переписанные от руки молитвы, псалмы и т.п.);

в) чародейские травы, которые может отыскать только колдун или ворожея [Прикрыт большой (он же лютик или борец) – *aconitum arguatum*, предохраняющий от всех болезней и колдовских чар, Царь Орхалин, предохраняющий владельца от всякого чародейства, Плакун (*lythrum salicaria*), предохраняющий человека от вселения злого духа и др.];

г) обряды и заговоры, предохраняющие от болезни (например, чтобы оспа не испортила внешний облик младенца, его взвешивали в полной уверенности, что после взвешивания на ребенке будет столько оспин, сколько фунтов он потянет) [1, с. 20].

В этом случае распознается гораздо больше заболеваний, имеются и более разнообразные способы их лечения. Добротворский разделил русских народных целителей на знахарей и ворожей.

1. *Знахари* представляли собой эмпирическое направление в народной медицине: сведения о диагностике, методах лечения и действии лекарств они передавали из поколения в поколение, одновременно прибегая к заимствованиям из научной медицины и даже из иностранной литературы. По свидетельству Добротворского, знахари встречались почти в каждом русском селе [1, с. 3].

Русские знахари различали следующие заболевания: простуду, сглаз, ускоп (всякую внутреннюю болезнь), притку (всякую быстро и внезапно приключившуюся болезнь) и переполох (болезненные последствия испуга). Для постановки диагноза знахари осматривали больных визуально и на ощупь. Хирургическая практика знахарей заключалась в лечении переломов и вывихов, остановке кровотече-

ний, заживлении ран и пр. В качестве лекарственных средств знахари широко применяли лекарственные травы, которые собирали собственноручно в Иванов день [день Ивана Купалы – 23 июня. Авт.]. М.М. Добротворский приводит следующий (далеко неполный) список лекарственных средств, наиболее часто встречавшихся в практике русских знахарей: подорожник, липовый цвет, сассапарель, тимьян, трепфоль, петров крест, бодяга, адамова голова (*atropa mandragora*), болиголов, борец или лютик, зверобой (*hypericum perforatum*), нашатырь, смедный купорос, квасцы, рвотный камень, киноварь, сулема, мышьяк, крепкая водка (а также и царская) и купоросное масло [1, с. 3]. Для сохранения своего авторитета знахари держали в секрете свои способы лечения и маскировали действующие лекарственные средства какими-нибудь совершенно невинными средствами, а нередко и заговорами, заклинаниями и наговорами. «Например, при сифилисе дают больному пить спиртную настойку дорогой травы, положив в нее секретно нужную дозу сулемы» [1, с. 17].

Врачом-исследователем Н.В. Кириловым в Забайкалье обнаружены письменные наставления русских знахарей – «Вертоград» и «Травник». В этих книгах отсутствовала теоретическая часть и содержались только практические советы. В первой из них Кирилов проследил влияние медицины Запада «от немецких ученых», вторая – носила «отпечатки греческого влияния» [2, с. 112].

2. Русские *ворожеи* определяли болезнь при помощи гадания на картах; применяли также гадание сжиганием благовоний, гадание воском, гадание по приметам, по метеорологическим явлениям и т.п. Кроме того, ворожеи предсказывали болезни по выражению лица покойников, вызывали тени умерших и даже духов [1, с. 21-22].

В качестве терапевтических методов ворожеи применяли следующие:

а) наговоры (на редьку, мед, хлеб и т.д.), при этом нередко под прикрытием этих веществ больным давались и целебные лекарства;

б) заговоры (М.М. Добротворский приводит в качестве примера заговор на остановку крови и от зубной боли) [1, с. 23-24]. Заговаривая текущую кровь или больной зуб, опытная ворожея одновременно производит определенные лечебные манипуляции (например: покрывает рану паутиной, засыпает ее золой, порошок угля или белемнита, зажимает ее губкой или тряпкой или даже принимает артерию) [1, с. 24]. Кровотечение приостанавливается, и больной верит в силу заговора;

в) сбрызгивание: «Ворожея кладет в ковш с водой уголь, золу и соль и, взболтав все это, спрыскивает больного изо рта, прочитав наперед какую-нибудь молитву или заговор» [1, с. 25]. Эта процедура применялась для лечения от простуды и сглаза.

Также ворожеи применяли «симпатические» лекарственные средства. Сюда относятся как действительно целебные средства, не изученные наукой XIX в., так и не имеющие никакого целебного эффекта, а зачастую и приносящие реальные вред пациенту. Например, для излечения от брюшных болезней больную обматывали пенькой и эту пеньку

зажигали. Ожоги, комментирует Добротворский, если не убивали больную, то увеличивали ее страдания [1, с. 28].

3. Помимо знахарей и ворожей, в русской народной медицине целителями выступали: цирюльники и оспопрививатели, сельские священники, лица, наделенные особой харизмой (пророки и святые), а также случайные целители, имеющие какое-либо представление о лечении той или иной болезни (грамотные односельчане, старушки, прохожие) [1, с. 40]. Последняя категория целителей зафиксирована Добротворским и у айнов. Он пишет: «Случайным представителем народной медицины у айнов может быть каждый Айн. Там, где не помогают айнские лекарства, они [айны] обращаются к японским или русским врачам, а за отсутствием их и ко всякому встречному инородцу» [1, с. 40].

Третий этап становления этнических особенностей сохранения здоровья изучал Н.В. Кирилов на примерах тибетской и китайской медицины. На этой стадии отчетливо прослеживается разделение медицины на теоретическую и практическую части. Теоретическая часть тибетской медицины, по данным Кирилова, представлена трактатом «Зажуд» (первая из четырех священных книг-энциклопедий буддистов – «Ганжура – Данжура»).

Теория тибетской медицины базируется на учении о пяти стихиях (огонь, земля, вода, воздух, эфир), из смеси которых в разных пропорциях состоят все вещества нашего мира.

Все человеческое тело состоит из перечисленных пяти мировых стихий: «...От земли происходит: мясо, кость, чувство обоняния в носу; от воды являются: кровь, язык, слизь (мокрота), чувство вкуса; от огня – телесная теплота, пламя в хрусталике глаза; от ветра или воздуха (что одно и то же, ибо предполагается, что воздух по своей собственной охоте, своею силою, способен передвигаться) – дыхание, употребление пищи (т.е. глотание ее, а частью и переработка); от эфира – слова, голос (членораздельная речь), слух» [2, с. 92].

На уровне физиологии эти пять стихий проявляют себя в организме человека в виде трех эссенций: «хи – вещество воздушное и эфирное, шара – материя огненно-жидкая и бадган – соответствующий тяжелым элементам: водному и земельному ...» [2, с. 93].

В теле человека, продолжает Кирилов, эссенция хи производит разнообразные движения, управляет ходьбой, речью, письмом, рассудком; находится в нижней части туловища, в костях. Эссенция шара «составляет сущность зрения, вызывает чувство голода и жажды, разные желания (страсти), самоощущение бодрости, энергии, делает нас храбрыми». Шара «распределяется по всему телу, хотя, преимущественно, сконцентрирована в области органов пищеварительных, печени; но также шара находится в коже крови (придает окраску), поту, желтой воде, проникающей все тело и иногда скопляющейся в одном каком-либо месте. Бадган преобладает в мясе, жире, особенно костном мозге, экскрементах, вообще в верхней части тела; он составляет главную массу многих органов, придает им плотность и вместе эластичность,

соединяет сочленения, составляет сущность вкуса, приносит чувство удовлетворения голода, жажды и прочих желаний, дает сон, ощущение полноты, радости, спокойствия, питает разум» [2, с. 93-94].

Количество каждой из этих эссенций в организме человека колеблется в определенных физиологических пределах. Эти изменения зависят от пищи, образа жизни, времени дня и года, климата страны, от возраста субъекта и даже его темперамента. Если же колебания выходят за эти пределы, то возникает болезнь, нарушение здоровья всего организма. Тибетские медики классифицировали 404 расстройства перечисленных эссенций (болезни).

Способы лечения варьируются в зависимости от причины заболевания (т.е. в зависимости от того, какая эссенция увеличилась сверх меры). Так, болезни хи лечатся моксами (прижиганиями) и усилением шары – в тело больного вводится стихия огня и «усилением шары усмиряется хи» [2, с. 104-105]. Для этого, например, больному назначается костяной суп – «отвар из пяточной кости, коленной или тазобедренной, или лопаточной чашечек; конечно, такой бульон из сочных жирных костей вбирает в себя много плотных веществ, которые придавят «воздух» [2, с. 105]. При болезнях шары тибетские ламы назначают лекарства твердые, горькие, холодные, сырые; рекомендуют слабительные ванны и кровопускания [2, с. 105]. Болезни бадгана лечатся лекарствами (чаще рвотными), длительными прогулками, прижиганиями и согревающими компрессами (для этого используют шерсть барана, волка, рыси, т.е. материалы, «пропитанные воздухом»). При этом тибетская терапия допускала, что одно и то же заболевание «можно лечить разными средствами и по-видимому с одинаковым успехом» [2, с. 111].

Особую роль в процессе лечения играли приметы и сновидения. Они предвещали неудачный исход лечения и смерть больного либо выздоровление. Таким образом, неудачи лечения объяснялись судьбой.

Лекарственные средства в тибетской медицине готовятся в виде порошков, и к полезным веществам полагается подмешивать нейтральные («чтобы на прием взрослому приходилась чайная ложка смеси») [2, с. 107]. Кроме того, лекарственные смеси могут включать в себя средства против каждой из трех эссенций (чтобы помочь в трудных для диагностики случаях). Последнее обстоятельство позволяет ламам-целителям варьировать состав смеси, добавляя простонародные средства к классическим традиционным рецептам, содержащимся в практических лечебниках, имеющихся у каждого ламы [Кирилов сравнивает их с кулинарными руководствами]. Эти лечебники содержали экстракты из медицинских трактатов и переписывались вручную (при буддийских монастырях – дацанах – жили монахи-переписчики).

Тибетские ламы-целители, по свидетельству Кирилова, лечили только наружные и внутренние болезни. Хирургические операции не производились по религиозным соображениям. В качестве костоправов выступали народные целители, никак не связанные с ламаизмом.

Проанализировав теорию и практику русских знахарей и тибетских лам-целителей, Н.В. Кирилов провел следующие параллели между тибетской медициной и народной медициной сельского православного населения Забайкалья:

- а) принцип покорности судьбе;
- б) неумение отделять субъективные ощущения от объективных;
- в) сходство православных лечебников и руководств тибетской медицины, касающихся лекарственных средств (растений, минералов и проч.);
- г) склонность пациентов оценивать врачей и лекарственные средства исходя из своего опыта («по удаче случайного лечения»).

Как медик по профессии, Н.В. Кирилов не мог не уделить внимание недостаткам тибетской медицины. Значительная часть статьи «Современное значение Тибетской медицины как части ламайской доктрины» посвящена критическому разбору теории и практики тибетской медицины. Разбор ведется с рациональных (научных) позиций. Аргументировано, со знанием дела Кирилов показывает основные недостатки тибетской медицины:

- 1) ложность теоретических посылок («Теория лам есть механическая связь совершенным различными, иногда даже противоречивых друг другу учений, оставшихся от различных народов разного уровня развития и разных эпох») [4, с. 41];

- 2) ошибочные представления об анатомии и физиологии человека;

- 3) отсутствие какой-либо упорядоченной системы оказания медицинской помощи населению;

- 4) эклектичность, случайность рецептов и способов лечения.

Китайская народная медицина, по мнению Н. В. Кирилова, существует независимо от медицины тибетской.

Теоретической основой китайской медицины является теория первоначальных стихийных элементов: огня, воздуха, воды, земли, металла; смешение этих элементов образует все многообразие нашего мира. В физиологии человека эти пять стихий преобразуются в три основных элемента: желчь, воздух (ветер) и слизь. «Желчь содержит в себе преимущественно стихию огня: она поддерживает общую теплоту тела, дает «свет» глазам, позволяет переваривать пищу, дает возможность проявить силу в работе, храбрость, гнев, смелость, а при усилении – вызывает различные воспаления. Воздух, конечно, и это понятие вполне метафизическое, или вернее «ветер» – прежде всего дает дыхание, вызывает все движения тела – ходьбу, работу рук, дар речи, распределяет теплоту по телу, прогоняет пищу, начиная с глотания до окончательного выведения, выгоняет ребенка во время родов, «двигает мыслями», дает ощущение шума ветра в ушах, в голове, чувство ползания мурашек по коже и, наконец, слизь в нашем организме играет роль главного субстрата, обуславливает форму, массу, круглоту, дает полноту, обилие жира, выделений, сон, спокойное ко всему отношение, неподвижность, лень, довольство собою или апатию» [3, с. 28]. Организм человека имеет определенные сочетания этих элементов, нарушение этого равновесия вызывает болезнь.

Главным отличием китайской народной медицины от тибетской является учение о двух первоисточниках жизненной энергии – мужской «Инь» и женской «Ян», к которым китайские философы сводят все мировые силы. «Конечно, где огонь, движение, линия, свет, – там проявляется мужское начало; а где темно, покой, шарообразная форма, – там сфера женского начала вселенной» [3, с. 29].

При определении заболевания (постановке диагноза) китайский врач выслушивал жалобы больного, осматривал его, изучал пульс, язык, расспрашивал о сновидениях, выяснял образ жизни больного и т.п. Кроме того, медик учитывал сезон года и даже время суток – от этих факторов зависит соотношение составных физиологических начал в организме человека. Особое внимание уделялось астрологическим данным. Течение болезни зависит от даты рождения пациента, даты начала заболевания и даже от того, на ком он женат (считается, что супруги должны «подходить» друг другу по гороскопу). Соотношение стихий в организме человека зависит от сезонов года и времени суток, и влияние этих перемен китайский медик должен был учитывать [3, с. 31].

Выяснив все интересующие его сведения, врач назначал лекарства и диету. Описывая способы лечения и лекарственные средства, Н.В. Кирилов неоднократно подчеркивает, что все они строго вытекают из теоретической части китайской медицины: для усиления родовых схваток, т.е. «вниз выводящего воздуха», следует «приложить к животу роженицы земли, взятой подле отверстия мышиной норки, обращенной к более «ветренному» востоку». Для лечения болезней кожи использовалась кора различных деревьев, причем при воспаленной красной коже нельзя было применять лекарство желтого или красного цвета («жар на жар вреден»). «Для лечения глаз вообще полезны разные цветы, напоминающие своим видом глаза; но при воспаленных красных глазах надо брать цветы синие, а раз ослаблено зрение, мало «внутреннего света», требуется применить цветы желтые, прямо желчь, особенно рыбу – холодный свет или змеиную блестящую чешую, гвоздику и т.п.» [3, с. 30]. Шум в голове вызывается избытком воздуха, поэтому необходимо употребить «чихательный состав», а при зевоте (причина – недостаток «верхнего воздуха») надо дать шипучей воды. При ощущении жара назначали только некипяченую воду, так как кипяченая уже содержит в себе примесь «огня». «Больному «почками», испытывающему тяжесть в области почек... – полезны бобы, стручки, напоминающие своей формой почку, как в пище – диете, так и в виде лекарства, например, питаться надо мясом осли, имеющего копыто в виде почки» [3, с. 30].

В числе лекарственных средств китайской медицины Н.В. Кирилов особо выделяет женьшень и панты. Высушенный корень женьшеня, по мнению китайской медицины, заключает в себе смесь всех мировых начал, а поэтому является панацеей от всех болезней; его употребляют для повышения жизненной энергии организма. «Панты» – не вполне окостеневшие рога изюбря, и «фали» – такие же рога пятнистого оленя, занимают в аптеке китайской медицины почетное

место по своей дороговизне и по предположению, что в них заключена особая эссенция, позволяющая быстро органу уплотняться, твердеть и нарастать...» [3, с. 32-33].

Кроме лекарственных и симпатических средств, в китайской медицине используют врачевные чародейственные амулеты и талисманы, якобы предохраняющие от болезней. Н.В. Кирилов выделил в китайской медицине две группы целителей:

- медики, которые лечат лекарственными средствами, диетами и медицинскими амулетами в соответствии с теорией изложенной выше;
- хирурги, массажисты, костоправы, применяющие в своей деятельности иные лечебные манипуляции – иглоукальвание, прижигания, массаж и т.п.

Изучая китайскую медицину, Н.В. Кирилов отмечает ее сходство с научной европейской медициной по двум признакам:

а) теоретическая и практическая части китайской медицины представляют собой логически стройную систему, лишенную внутренних противоречий;

б) основное правило китайской медицины («познай прежде всего причину болезни, а потом лечи»), сформулировано так же, как и в европейской научной медицине.

Выделим причины процветания народной медицины:

а) народ доверял знахарям потому, что многие болезни проходят сами по себе. В России, по свидетельству М.М. Добротворского, одной из причин был низкий уровень образованности среди основной массы населения (к врачу обращались, когда болезнь была запущена и медицина оказывалась бессильной, а отрицательный результат лечения негативно сказывался на репутации научной медицины в целом);

б) народная медицина была доступна и удобна для основной массы населения (как уже говорилось выше, в России знахари были почти в каждом селении, да и стоимость их услуг была существенно ниже, чем услуги практикующих врачей);

в) народная медицина была тесно связана с традиционной народной культурой (в России, пишет Н.В. Кирилов, первыми врачами были иностранцы, которые с презрением относились к русской культуре) [2, с. 42].

По мнению исследователей (М.М. Добротворского и Н.В. Кирилова), научная медицина должна изучать народную медицину:

1) чтобы знать причины процветания народной медицины и противодействовать ей;

2) чтобы знать вред, наносимый народу этой медициной;

3) чтобы определить действительно полезные народные средства и научить людей более рациональному их употреблению.

Врачи-исследователи второй половины XIX в. М.М. Добротворский и Н.В. Кирилов полагали, что по мере развития просвещения и повышения культурного уровня населения народные целители проигрывают «конкуренцию» медикам и отойдут в прошлое. В то же время научная медицина, полагали они, должна внимательно изучить на-

копленный целителями эмпирический опыт и научиться применять его рационально. История медицины XX в. подтвердила правильность этих предположений.

Таким образом, указанные врачи-исследователи внесли существенный вклад в изучение этнических способов сохранения здоровья. М.М. Добротворский первым из русских исследователей описал народную медицину сахалинских айнов, а Н.В. Кирилов не только описал восточную (тибетскую и китайскую) медицину, но и проанализировал основные положения обеих с позиций европейской науки. Кроме этого, они в своих работах показали отличия народной медицины от научной, дали классификацию народных целителей и указали причины процветания народной медицины в XIX в.

Библиографический список

1. *Добротворский М.М.* Русская простонародная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов. Казань: Университетская типография, 1874. 48 с.

2. *Кирилов Н.В.* Интерес изучения народной и тибетской медицины в Забайкалье // Этнографическое обозрение. 1893. № 4. С. 84-120.

3. *Кирилов Н.В.* Китайская медицина в ее прошлом, отходящем в область предания, и зачатки медицинской организации в Китае по европейскому образцу // Тр. I съезда врачей Приамурского края 23-28 августа 1913 г. в г. Хабаровске (Матер. по изучению Приамурского края. Вып. 20). Хабаровск, 1914. С. 27-40.

4. *Кирилов Н.В.* Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины. СПб., 1892. 47 с.

5. *Подмаскин В.В.* Этнические особенности сохранения здоровья народов юга Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2003. 224 с.

УДК 908

К ИСТОРИИ ДАЛЬРЫБВТУЗА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Г.А. Трифонова, Дальрыбвтуз, Владивосток

Автор рассматривает историю становления и развития Дальрыбвтуза в 30-е годы прошлого столетия. Анализируются формы и методы преподавания, профориентационная деятельность, развитие материально-технической базы, причины закрытия вуза. Прослеживается трудовая деятельность его выпускников.

В дальневосточной исторической литературе практически не встречается информации о Дальрыбвтузе 30-х годов. Сегодня Дальрыбвтуз ведет свою историю с 1930 г., поэтому и современному по-

колению студентов, и преподавателям будет интересно узнать, как и чему учились дальрыбвтузовцы, кто преподавал в вузе, кем стали выпускники.

На заседании президиума Далькрайисполкома рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов III созыва, проходившего 8 апреля 1930 г. в г. Хабаровске, был поставлен вопрос «Об осуществлении плана строительства вузов ДВК» [1]. Было принято постановление 1 сентября 1930 г. открыть в г. Владивостоке Дальневосточный рыбный институт (далее – Институт), куда вошли рыбохозяйственный и рыбопромышленный факультеты.

9 мая 1930 г. был издан приказ Наркомата торговли о создании Института рыбной промышленности во Владивостоке, рассчитанном на обучение 120 студентов на четырех факультетах: организационно-экономическом; промыслово-биологическом; технологическом с двумя отделениями: консервным и технологии; механики добывающего флота. 1 октября в Институте должны были начаться занятия [2].

При государственном университете был создан специальный отдел, который занимался организацией Дальрыбвтуза. Во главе его стоял Георгий Устинович Линдберг, ихтиолог, один из организаторов Тихоокеанской научной станции, который был назначен заведующим по учебной части и одновременно заведующим кафедрой ихтиологии [3]. Абитуриенты должны были успешно сдать вступительные экзамены по математике, физике, русскому языку и обществоведению. К середине октября в институт было принято всего 97 человек вместо 120 по плану, и поэтому занятия начались только 11 октября [4].

Становление Дальрыбвтуза проходило с большими трудностями. Не было собственного помещения, общежитий для студентов. Институт арендовал у Тихоокеанского института рыбного хозяйства 4 кабинета по ул. Ленинской, 20, (ныне здание музея имени В.К. Арсеньева, ул. Светланская, 20), которых явно не хватало. В 1930 г. только 5 % преподавателей были штатными, остальные работали по совместительству [5]. Необходимо было одновременно расширять, оборудовать институт и вести учебный процесс. Это была сложная задача, которая требовала от директора Института научной квалификации и хозяйственной хватки, и в то же время умения не противоречить своей деятельностью и взглядами руководству края, работать в духе идеологической направленности того времени. Поэтому за короткое время работы Дальрыбвтуза сменилось несколько директоров. Первый директор Института – М.И. Чесноков в 1925 г. закончил рыбохозяйственное отделение Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева в г. Москве. В 1930 г. был назначен заведующим статистико-экономическим отделом ТИРХа. Затем директором института был назначен Мельниченко, два года работал директором Дальрыбвтуза М.С. Герасимов, с января 1933 г. – Комынный и последний директор

Г.В. Кадзевич, который после расформирования института возглавил Дальрыбтехникум [6].

В начале 1931 г. руководству Дальрыбвтуза было поставлено в вину несоблюдение принципа приема в вуз по классовому происхождению. Так, из 95 студентов 56 человек происходили из семей служащих, 34 – рабочих и 5 – крестьян. Получалось, что процент рабочих и крестьян составил всего 41 %, а не 70 %, как того требовали правительственные директивы. 14 января 1931 г. в газете «Красное Знамя» появляется статья «Укрепить основное звено рыбной пятилетки» с разгромными подзаголовками: «Вредительская идеология преподносилась студентам рыбного втуза», «Директива партии об укреплении пролетарского ядра в вузах не выполнена», «Велико-Державянское вредительство» [7]. Был снят с должности директора М.И. Чесноков.

Преодолевая многочисленные трудности, Дальрыбвтуз постепенно развивался. В 1931/32 учебном году 50 % преподавателей были штатными, работало 6 кафедр и лабораторий [8]. Так, курс лекций по гидробиологии читал старейший специалист – гидробиолог Александр Николаевич Державин. В 1921 г., учитывая большой научно-практический опыт, его назначают директором исследовательского института рыбного хозяйства «Главрыба», с 1926 г. – директором ТОНСа, в 1930 г. был переведен на должность заместителя директора ТИРХа [9].

Первый заведующий кафедрой математики Дальрыбвтуза – Иосиф Бернардович Чарнецкий, выпускник Петербургского университета – прекрасно владел польским, французским языками, переводил с английского. Всю жизнь увлекался математическими науками, переводил новинки математики с иностранных языков, занимался научной работой. После закрытия Дальрыбвтуза работал в Астраханском педагогическом институте. Был арестован в 1937 г., прошел сталинские лагеря. Был реабилитирован после XX съезда КПСС [10]. Трофим Михайлович Борисов, начальник Дальрыбы, написал в 1923 г. книгу «Ставной невод», которая стала основным пособием для рыбаков-дальневосточников. Пять лет преподавал Трофим Михайлович во Владивостокском рыбопромышленном училище, рыбтехникуме, в Дальрыбвтузе, где вел курс по технике лова и обработки рыбы. В 1932 г. Т.М. Борисов издал двухтомную книгу «Техника лова рыбы», в 1933 г. был приглашен на работу в Тихоокеанский институт рыбного хозяйства и океанографии, где опубликовал работы «Подледные рыболовные снаряды» и «Выливка рыбы из стальных неводов» [11].

Статьи многих ученых-преподавателей Дальрыбвтуза часто появлялись в дальневосточных журналах «Экономическая жизнь Дальнего Востока», «Дальневосточный партработник», «Бюллетень рыбного хозяйства» «Социалистическая реконструкция рыбного хозяйства Дальнего Востока» и газетах, где они поднимали вопросы развития рыбной промышленности региона и обеспечения ее кадрами.

Серьезной трудностью для молодого учебного заведения была подготовка контингента поступающих в институт, особенно среди работников рыбной промышленности, так как их общеобразовательный уровень был низок. Набор в Дальрыбвтуз в новом 1931/32 учебном году увеличился до 150 человек, поэтому нужно было заранее позаботиться о выполнении плана по приему в вуз. Объявления о правилах приема в Дальрыбвтуз печатали во всех дальневосточных газетах, ежегодно рассылалось и распространялось до 600 экземпляров правил приема в Институт на рыбных промыслах и рыболовческих колхозах Приморья, Камчатки, Сахалина, в низовьях Амура и других пунктах ДВК. Основным рыбохозяйственным организациям посылались разверстки-задания с указанием количества человек, которые должны быть направлены для поступления в институт и на рабфак. В рыболовческие районы направлялись специальные вербовщики из Института. Подготовительные курсы работали во Владивостоке, Посъетском, Шкотовском районах, в Благовещенске, Александровске-на-Сахалине, Усть-Камчатске. Перед студентами, отъезжающими на научно-производственную практику на рыбные промыслы, стояла задача завербовать не менее одного кандидата для поступления в Институт или рабфак [12].

Обучение студентов в Дальрыбвтузе проходило по специально разработанной программе для рыбвтузов Астрахани, Москвы и Владивостока. Учебные занятия в Институте концентрировались с октября по апрель, остальное время студенты находились на рыбной путине, где одновременно проходили производственную практику и оказывали помощь в ловле и обработке рыбы. Из общего количества учебных часов 10 % выделялось для теоретической и практической проработки специальных курсов на производственных предприятиях и в специальных учебно-показательных учреждениях. Отправляя студентов на научно-производственную практику, руководство Института одновременно считало необходимым, чтобы студенты участвовали в производственном процессе. Создавались кружки «Техмасс» с целью освоения техники рыболовства, обработки рыбы, биологический кружок, в них занималось 100 студентов [13].

Студенты первых курсов работали на практике в качестве рабочих, второкурсники – младшего обслуживающего персонала – помощников заведующих консервными заводами, помощников механиков и т.п. Дальрыбвтузовцы участвовали в обработке рыбы, правильном размещении рабочей силы. Бригада, в которых работали студенты, превышали норму выработки других бригад. Одновременно студенты учились у ловцов, шкиперов, засольщиков, мотористов и т.д. Часть свободного времени уделялась теоретической проработке дисциплин специального технического цикла (техника добывающей промышленности и ихтиология) [14].

Ежегодно в феврале в Дальрыбвтузе создавались штабы содействия рыбной путине. Так, в 1931 г. штаб мобилизовал 68 студентов и

отправил их для оказания помощи на рыбные промыслы Владивостока, Сучанского и Посьетского районов. В феврале 1932 г. в Институте создаются бригады для проверки подготовки рыбацких кадров для путины, в которые было вовлечено 30 студентов. С марта студенты были полностью мобилизованы для вечерних работ в рыбохозяйственные организации. Дальрыбвтузовцы помогали разрабатывать промышленные финансовые планы, участвовали в подготовке к выходу в море краболовов. Бригада технологического факультета составила калькуляцию и смету расходов по снабжению промыслов. 7 бригад биологического факультета ежедневно работали без отрыва от учебы в ТИРХе [15].

Вследствие длительного пребывания на рыбных промыслах учебные планы и программы 1931 г. были выполнены в Дальрыбвтузе на 80,5 %, занятия переносились на конец лета, когда студенты возвращались с путины сельди иваси. Успеваемость студентов за первый год обучения составила 89,3 %, посещаемость – 93,6 %, по неуспеваемости было отчислено 2 человека. Основными причинами неуспеваемости студентов являлись слабая довузовская подготовка, недостаточное обеспечение учебными пособиями некоторых дисциплин (химия, математика), плохие материально-бытовые условия. Для неуспевающих и отстающих в учебе студентов в начале учебного года были организованы консультационные занятия по математике и физике, которые продолжались всю зиму. Учебная программа 1932 г. была выполнена на 99 %, к концу учебного года хорошо успевающие студенты составили 45 % общего числа обучающихся. Это были неплохие результаты, если учесть неблагоприятные культурно-бытовые условия студентов, материальные затруднения, сочетание учебы с научно-производственной практикой в течение учебного года, отсутствие каникул [16].

19 сентября 1932 г. ВЦИК СССР принял постановление «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», которое положило начало новому этапу дальнейшего повышения качества подготовки специалистов. Была выдвинута задача приближения обучения к производственному труду путем совершенствования непрерывной производственной практики, замены устаревшей бригадно-лабораторной системы преподавания лекционно-семинарской. Усиливался контроль за текущей успеваемостью студентов, вводились зачетные сессии и дипломное проектирование [17].

В Дальрыбвтузе стремились познакомить студентов с новейшими достижениями в области мирового рыбного хозяйства. С этой целью переводилась и издавалась специальная зарубежная литература, печатались учебные пособия для изучения иностранных языков, чтобы студенты могли ознакомиться с иностранными изданиями. С японского языка были переведены брошюры «Крабы», «Иваси», издано 6 выпусков рабочей книги по английскому языку для всех факультетов.

При библиотеке, которая за год своего существования выросла до 8 тыс. томов учебной литературы, работал читальный зал, снабженный

газетами и журналами как общественно-политического характера, так и по специальным вопросам рыбного хозяйства. Выписывалась заграничная периодическая литература по вопросам рыбного хозяйства и судовому делу [18]. В Дальрыбвтузе не хватало учебной литературы по многим дисциплинам, поэтому большим подспорьем для студентов являлись труды, подготовленные преподавателями института. В 1933 г. выходят монографии М.С. Герасимова «Промысел гренадского тюленя», «О китобойном промысле», Т.М. Борисова «Техника добычи рыбы», «Технология рыбы» [19].

В общеобразовательный цикл учебного плана института был включен английский язык. Но в условиях соседства с Японией не менее был нужен японский язык, считали студенты и преподаватели. В институт стали приглашать иностранных специалистов для чтения лекций перед студенческой аудиторией. На 3-м курсе экономического факультета иностранным специалистом, главным инструктором по траловому флоту мистером Крэйгом была прочитана лекция на английском языке с участием переводчика о технике тралового лова с иллюстрацией соответствующих чертежей. Перед учебной частью студенты поставили вопрос о систематическом приглашении в дальнейшем иностранных специалистов для чтения лекций технического характера по рыбному делу, особенно по технике лова и обработки [20].

В институте выписывали 653 экземпляра различных газет. Больше всего подписчиков было на профессиональную газету «За пищевую индустрию», в которой печатались материалы, способствующие повышению теоретических и практических знаний будущих специалистов. Активно сотрудничали дальрыбвтузовцы в студенческой газете «За пролетарские кадры», о чем свидетельствуют регулярные заметки и публикации, появлявшиеся на страницах этого самобытного издания [21].

Каждую декаду в Дальрыбвтузе выпускалась общеинститутская стенгазета «Краб», которая на городской выставке студенческих стенных газет в мае 1931 г. за интересное содержание и оригинальное оформление получила вторую премию. По экстренным вопросам (выход на разгрузку судов в порт, угля, организация субботников, рыбной путины) выпускались специальные бюллетени. Все студенты Дальрыбвтуза состояли членами Осоавиахима. В стрелковых соревнованиях в феврале 1931 г. команда института на межвузовских соревнованиях г. Владивостока получила первое место по стрельбе из мелкокалиберной винтовки. Студенты организовали курсы по подготовке на рабфак, вели работу по ликвидации безграмотности. Для всестороннего развития кругозора дальрыбвтузовцев в институте было организовано несколько тематических кружков, учитывающих интересы и наклонности студентов. В 1932 г. работало 8 кружков текущей политики, которые посещали все студенты, 2 кружка «Общества воинствующих материалистов-диалектиков», 2 кружка по изучению марксизма-ленинизма, 7 кружков по клубной работе. В 1931 г. кружок «Научно-техническое общество» посещало 105 человек, которые во время практики и учебы

стремились улучшить механизацию в рыбной промышленности Дальнего Востока, в частности процессов отцепки рыбы, подачи рыбы с берега к заводу, сокращение доли ручного труда при обработке рыбы, улучшение технологии приготовления рыбопродуктов и др. [22].

В 1931 г. студенты факультета механизации Дальрыбвтуза А. Макашев и Л. Фетисов внесли рационализаторские предложения в области технического усовершенствования рыбопромышленного производства. Краборезный станок, сконструированный А. Фетисовым, сокращал численность обслуживающего персонала с 10-12 человек до 2 человек. Пропускная способность станка была в 15 раз выше, чем при обработке вручную. Экономия равнялась (при программах 1931 г.) для Дальневосточного государственного рыбопромышленного треста (далее – ДГРТ) – 8 тыс. руб. в сезон, для Кработреста – в 210 330 руб. Пневматический станок для извлечения крабового мяса из суставов сжатым воздухом или водой А. Макашева был опробован в работе и одобрен специалистами из ДГРТ, ТИРХа, Кработреста. Экономия по ДГРТ и Кработресту от внедрения этого изобретения составляла 1,2 млн в год. Для обслуживания станка требовались всего две работницы-укладчицы, он занимал два квадратных метра. Техническая мысль автора предусмотрела даже видовые различия крабов: станок обрабатывал камчатского краба, а для приморского краба было внесено дополнение – приспособление для надрезания первого сустава крабовой ножки. Андрей Макашев изобрел станок для облегчения такой трудоемкой операции, как отцепка иваси, который заменял 100 отцепщиков и требовал для своего обслуживания всего 4-5 человек. Студент Л. Фетисов в 1932 г. изобрел механические ворота на бондарном заводе для выкатки бочек из мастерских, на изготовление которых было затрачено всего 25 руб., а годовая экономия от внедрения составила 10 тыс. руб. [23].

За немногочисленный период своей деятельности Дальрыбвтуз испытывал серьезные финансовые затруднения. Не было составлено специальной сметы на его содержание, поэтому институт не получал специальных средств, выделяемых для работы высших учебных заведений. Финансировали Дальрыбвтуз Дальгосрыбтрест, Дальрыбснаб, Плавкработрест, Охотоприморрыбаксоюз, Крайком Союза мясорыбников, но выделенные в 1931 г. средства – 120836 руб. – были каплей в море по сравнению с потребностями формирующегося вуза. Дальрыбвтуз занимал площадь в 629 м², норма, утвержденная центром при новом строительстве учебных заведений, должна была составлять 6 м² на человека. На 10 октября 1932 г. в институте вместе с рабфаком обучалось 404 человека. В 1932 г. расходы Дальрыбвтуза составили 756302 руб., в то время как Астраханского рыбвтуза – 930694 руб., Московского – 2252231 руб. Финансирование Дальрыбвтуза было пущено на самотек, хотя именно он нуждался в усиленных ассигнованиях, которые большей частью вкладывалась в строительство Московского рыбвтуза, оторванного от всех рыбопромысловых бассейнов [24].

К новому 1932 учебному году институт имел 15 кабинетов и лабораторий, из них удовлетворительно оборудованных – 9, использовал в других учебных заведениях 6 лабораторий. Всего в 1932 г., Дальрыбвтузу было необходимо 13 лабораторий, мастерских и кабинетов (в основном по химии, технологии и ряду других специальностей). Для нормального учебного процесса Дальрыбвтузу требовалось 22 преподавателя: 4 профессора, 11 доцентов, 7 ассистентов. Ни одного преподавателя из центра не было переведено в институт для преподавания специальных рыбохозяйственных дисциплин. Для обеспечения нормального учебного процесса Дальрыбвтуз начал готовить преподавательские кадры из числа наиболее подготовленных и талантливых студентов. В 1932 г. группа из 6 человек приступила к работе по овладению высотами рыбохозяйственной науки [25].

Дирекция института и общественные организации решили: в целях скорейшего обеспечения рыбной промышленности региона специалистами-экономистами занятия студентов перенести на вечер, днем они проходили научно-производственную практику в рыбохозяйственных организациях. По такому графику студенты экономического факультета обучались в течение девяти месяцев. 27 декабря 1932 г. планово-экономический факультет Дальрыбвтуза выпустил 14 специалистов, которые окончили курс обучения за 2,5 года [26].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1932 г. были также разработаны и предложены меры по организационно-хозяйственному укреплению высших учебных заведений и техникумов. 4 января 1933 г. на расширенном заседании бюро Далькрайкома ВКП(б) выносятся на рассмотрение вопрос «О размещении вузов, втузов и техникумов в крае». В итоге его рассмотрения бюро пришло к выводу о целесообразности закрытия 3 институтов и 10 техникумов, в том числе и Дальрыбвтуза. С января по март 1933 г. в Дальрыбвтузе работало две комиссии, которые занимались изучением постановки учебного процесса: программ и учебных планов. Комиссии пришли к выводу, что состояние учебных программ и планов не соответствует профилю института и не обеспечивает подготовку и выпуск специалистов. В то время как Астраханский и Московский рыбвтузы работали по тем же программам и учебным планам, что и Дальрыбвтуз. Можно сделать предположение: либо в составе комиссии работали несведущие люди, либо это был повод для закрытия Института. Комиссии, работавшие летом 1933 г., пришли к выводу о слабости материальной базы Дальрыбвтуза. На основе материалов и заключений, предоставленных с мест, Совет Народных Комиссаров СССР 3 октября 1933 г. принял постановление «О реорганизации вузов ДВК», по которому Институт рыбной промышленности был ликвидирован, за его счет укреплялся Владивостокский техникум рыбной промышленности [27].

Рассматривая вопрос о ликвидации Дальрыбвтуза, 4 декабря 1933 г. Бюро краевого комитета партии приняло развернутое решение об Институте. Студенты 2-3-х курсов переводились на соответствующие кур-

сы рыбпромышленного техникума. Лучшие студенты 2-го курса рабфака также переводились в техникум, 15 лучших студентов-выпускников были отправлено в Астраханский рыбвтуз для завершения учебы. Бюро Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) обязало «Востокрыбу» закрепить этих студентов за рыбными организациями края путем заключения с ними договоров. По его условиям, студенты после окончания вуза должны были вернуться на работу в ДВК, а предприятия – выплачивать им ежемесячное пособие до окончания учебы. Остальные студенты 3-4-х курсов были отправлены на практическую работу на рыбные промыслы [28]. По приказу начальника Главрыбы Ф.К. Андрианова 16 студентам-биологам, окончившим бывший Дальрыбвтуз, было предоставлено право защищать свои дипломы при Московском рыбвтузе. Все расходы на проезд и содержание оплачивались. Так была решена судьба 218 студентов и 272 рабфаковцев Дальрыбвтуза, а именно столько (490 чел.) обучалось в институте на 1 января 1934 г. [29].

С ликвидацией Дальрыбвтуза рыбная промышленность Дальнего Востока только за годы второй пятилетки теряла 639 высококвалифицированных специалистов [30].

Одним из выпускников рыбоводно-биологического факультета Дальрыбвтуза был Анатолий Яковлевич Таранец. Большую научную ценность и до настоящего времени представляет его студенческая дипломная работа «Пресноводные рыбы бассейна Северо-Западной части Японского моря», которая была написана в 1933 г. и блестяще защищена в Московском рыбвтузе весной 1935 г., позже была опубликована в трудах зоологического института АН СССР. А.Я. Таранец в 1937 г. опубликовал «Краткий определитель рыб советского Дальнего Востока и прилежащих вод», который был переведен на зарубежные языки, и им до сих пор пользуются ученые. Если оценивать его основные работы не по форме, а по существу высказанных в них научных фактов и оригинальных идей, то Таранцом были выполнены, по крайней мере, 4 кандидатские и 1 докторская диссертация. Но в декабре 1941 г. жизнь ученого оборвалась. Директор ТИРХа требовал оформить на А.Я. Таранца броню, но начальник отдела кадров отправил его на фронт [31].

Петр Алексеевич Моисеев в 1930 г. поступил в Дальрыбвтуз на рыбоводно-биологический факультет, с мая 1934 г. стал совмещать учебу с работой в ТИРХе в качестве наблюдателя, затем лаборанта. После закрытия Дальрыбвтуза вместе со своими сокурсниками работал в ТИРХе. В 1935 г. защитил диплом в Московском рыбвтузе имени А.И. Микояна. В 1946 г. был выдвинут на пост заместителя директора ТИНРО, с 1955 по 1956 гг. – директор этого института. После его перевода во Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства Петр Алексеевич не прерывал своих связей с Дальним Востоком, активно участвовал и неоднократно сам являлся организатором многих научных мероприятий по проблемам изучения и промышленного освоения тихоокеанских рыбных богатств. Доктор биологических наук П.А. Моисеев является автором более 100 опубликованных научных

работ. Широко известны его монографии «Треска и камбалы Тихого океана» (1953 г.), «Биологические ресурсы Мирового океана» (1969 г.), ставшие настольными книгами ученых и работников рыбной промышленности [32].

Владимир Севастьянович Калиновский в 1930 г. поступил в Институт на факультет механизации и рационализации донного промысла. Был переведен в Астраханский рыбвтуз, который окончил в 1936 г. В.С. Калиновский в декабре 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию по ставным неводам, а в 1964 г. получил звание профессора. Всю свою трудовую деятельность В.С. Калиновский был занят вопросами повышения штормоустойчивости ставных неводов, уменьшения их стоимости, повышения эффективности и облегчения на лове труда рыбаков, массового внедрения их новых видов в рыбный промысел. Доски конструкции Рыкунова Э.М. – Калиновского В.С. были внедрены на всех промысловых судах Дальневосточного бассейна. За эту разработку В.С. Калиновский был награжден бронзовой медалью ВДНХ СССР (1971-1972 гг.). Им подготовлено более 60 научных работ и внесено шесть рацпредложений и изобретений, внедренных в промышленное производство. В 1955 г. он был переведен из ТИНРО в Дальрыбвтуз заведующим кафедрой промышленного рыболовства, затем стал деканом этого факультета. В.С. Калиновский читал курс лекций «Теория и проектирование орудий промышленного рыболовства». В 1952 г. ему было присвоено почетное звание Лауреата Сталинской премии. За плодотворную деятельность В.С. Калиновский был удостоен правительственных наград: ордена «Знак Почета»; медали «За трудовую доблесть»; ордена «Государственного Знамени» КНДР [33].

Среди выпускников Дальрыбвтуза был Вендимиан Николаевич Войниканис-Мирский, который в 1936 г. защитил диплом инженера-механика в Астраханском рыбвтузе. В 1961 г. получил звание профессора. С апреля 1962 г. по июль 1965 г. работал ректором Дальрыбвтуза (который был открыт второй раз в 1950 г.). В.Н. Войниканис-Мирский занимался проблемами техники промышленного рыболовства, опубликовал более 30 научных работ и учебных пособий. Учебник «Техника промышленного рыболовства» был переведен на ряд иностранных языков [34].

Библиографический список

1. Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (далее ЦГА РСФСР ДВ). Ф. 2413. Оп. 4. Д. 426. Л. 1,194-195 об.
2. ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1125. 1.44-45; Д. 2. Л. 60; ГАПК. Ф. 758. Оп. 1. Д. 2. Л. 60; Время, события, люди: Приморье: 1917-1980. Владивосток, 1982. С. 119.
3. Люди, наука, океан. Владивосток, 1975. С. 7, 13.
4. Государственный архив Приморского края (далее ГАПК). Ф. 758. Оп. 1. Д. 2. Л. 60; За пролетарские кадры (Хабаровск). 1930. 23 мая,

18 сентября, 12 октября; Справочник по Дальрыбвтузу за 1931/32 учебный год. Владивосток, 1931. С. 67.

5. За пролетарские кадры. 1931. 7 ноября.

6. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 9296. О. 1. Д. 1059. Л. 43, 143; Д. 1167. Л. 43.

7. Красное Знамя (Владивосток). 1931. 14 января.

8, 9, 10. Справочник по Дальрыбвтузу...

11. Рыбная индустрия (Владивосток). 1939. 1 мая.

12. За пролетарские кадры. 1932. 24 марта, 1 августа.

13. За пролетарские кадры. 1931. 13 августа.

14. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 5. Д. 608. Л. 224; За пролетарские кадры. 1931. 26 августа; 1932. 5 марта, 26 апреля.

15. За пролетарские кадры. 1932. 26 апреля.

16. За пролетарские кадры. 1931. 8 июля; 1933. 22 января; Дальневосточный партработник. 1931. № 8. С. 64; Справочник по Дальрыбвтузу ... С. 11-12.

17. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сб. документов. М., 1947. С. 77-89.

18. За пролетарские кадры. 1931. 7 ноября; 1933. 22 января; Справочник по Дальрыбвтузу... С. 29-30.

19. За пролетарские кадры. 1933. 22 января.

20. За пролетарские кадры. 1932. 17 ноября.

21. ЦГАОР СССР. Ф. 7687. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Справочник по Дальрыбвтузу... С. 55; За пролетарские кадры. 1932. 16 мая.

22. ЦГАОР СССР. Ф. 7687. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Справочник по Дальрыбвтузу... С. 53, 54, 56; Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 1931. 19 апреля.

23. Социалистическая реконструкция рыбного хозяйства Дальнего Востока. 1931. № 11-12. С. 38, 40-43. За пролетарские кадры. 1931. 8 июня.

24. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 1219. Л. 17, 39, 40; Д. 1289. Л. 21; Д. 1229. Л. 1, 2; Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК). Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 5, 12, 13, 16.

25. Дальневосточный партработник. 1932. № 1-2. С. 64, 65, 66.

26. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 1059. Л. 143; За пролетарские кадры. 1932. 30 декабря.

27. ЦГАОР СССР. Ф. 8060. Оп. 1. Д. 1. Л. 42, 166; Оп. 3. Д. 237. Л. 514. Д. 238. Л. 20 об.; Д. 253. Л. 2.

28. РГАЭ. Ф. 9296. Оп. 1. Д. 961. Л. 10.

29. ЦГАОР СССР. Ф. 7687. Оп. 1. Д. 82. Л. 9; ГАХК. Ф. 719. Оп. 6. Д. 2. Л. 177.

30. ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2482. Л. 208.

31. Люди. Наука. Океан. Владивосток, 1975. С. 8-9, 19-20.

32. Текущий архив Дальрыбвтуза. Личное дело П.А. Моисеева.

33. Текущий архив Дальрыбвтуза. Личное дело В.С. Калиновского.

34. Текущий архив Дальрыбвтуза. Личное дело В.Н. Войниканиса-Мирского.

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Г.А. Трифонова; И.А. Чувашенко, Дальрыбвтуз, Владивосток

Статья посвящена изучению истории развития экологического движения в России и анализу его структуры на современном этапе. Авторами рассматриваются различные этапы становления и формы экологических организаций, их функции и социальная роль в обществе.

Экологическое движение – это многообразное и во многом уникальное явление, которое изучает и защищает окружающую человека среду, все живое на Земле. Очень часто экология подменяется биологией, изучением животных в заповедниках или химией. Однако корень экологических проблем лежит в области социальной культуры и структуры общества.

Современное мировое экологическое (природоохранное, зеленое, инвайронментальное) движение возникло во второй половине двадцатого века как ответ на обострение экологического кризиса, дальнейшего углубления конфликта между интересами индустриального общества и возможностями биосферы. Однако его истоки можно увидеть в природоохранных обществах, возникших во многих странах, в том числе и в России в конце XIX – начале XX вв.

В истории развития экологического движения в России выделяют следующие этапы:

- 1) институционализированный период (ориентировочно 1958-1982 гг.).
- 2) петиционный (ориентировочно 1982-1989 гг.).
- 3) популистский (1989-1991 гг.).
- 4) альтернативистский (с 1992 г. – по настоящее время) [12, с. 45-76].

Отсутствие экологического движения в дореволюционной истории России обусловило ряд серьезных отличий отечественного экологического движения от других общественных течений. Экологи не имели отечественной традиции, к которой могли бы апеллировать. С этим связаны первоначально медленные темпы эволюции, важность западного опыта, отсутствие в течение длительного времени самостоятельного позитивного идеала и ряд других особенностей.

Генезис экологического движения в СССР проходил в условиях сверхмонополизированной государственно-индустриальной системы. Отсутствие в обществе влиятельных общественных субъектов, независимых от государства-партии, обуславливало развитие его патерналистской функции. Как только экологическая проблема стала осознаваться официальной общественностью (а это произошло в период «оттепели» 1953-1964 гг.), «партия и правительство» приняли ряд шагов по усилению контроля за частью нарушений эко-

логических стандартов. Была легализована и общественная активность, направленная против этих нарушений, но не затрагивающая политических аспектов.

Так начался первый, институционализированный период, для которого характерна встроенность экологического движения в структуры официальных общественных организаций типа Всесоюзного общества охраны природы (далее ВООП). Однако в рамках этих структур возникли неформальные объединения: Дружины охраны природы (далее ДОП), которые также находились под контролем партийно-государственных структур. Первые ДОПы образовались в начале 60-х гг. и в 1968-1972 гг. превратились в систему.

Цель этих организаций – осуществление общественного контроля за соблюдением природоохранного законодательства, борьба с браконьерством. В их рамках действовали инспекции, дружины, отряды зеленого патруля, проводившие регулярные рейды, пикеты, патрулирование природоохранных объектов.

Деятельность экологических организаций этого периода исключала политическую ориентированность. Они руководствовались этическим принципом: «Наше дело – экология».

Тем не менее накопление опыта институционализированного природоохранного движения позволило постепенно прийти к выводу о невозможности решать масштабные экологические проблемы в рамках официальных структур.

Этому осознанию способствовало и резкое нарастание экологических проблем во второй половине 70-х – начале 80-х гг. Попытка справиться с волной нарушений, вызванных объективными экономическими и социальными причинами, привела к росту числа столкновений природоохранного движения с влиятельными звеньями системы – от чиновных браконьеров и до министерств, выступивших с инициативой «перевосстановления северных рек». Экологам давали понять, что они вмешиваются не в свое дело.

Кризис движения вызвал к жизни его новый этап – петиционный, который характеризуется ростом самостоятельности и массовости экологического движения. Оно еще остается природоохранным и апеллирует преимущественно к властям, намереваясь изменить их частные решения и в то же время не менять систему. Но экологические движения и группы самостоятельно выбирают объект атаки, не считаясь с позицией верхов, прибегают к средствам массовой мобилизации – апеллируют к населению с предложением поддержать обращение к властям.

В этот период движение приобретает преимущественно негативную направленность. Экологи выступают против наиболее разрушительных объектов и проектов, рассчитывая на сдерживание индустриальной экспансии и локализацию ее вредных последствий. Такая стратегия объединяет в экологических организациях людей самых разных воззрений от консервативно-этнократических до анархистских.

Массовые публичные форумы, митинги протеста, демонстрации, пикеты стали повседневностью общественной жизни периода перестройки в условиях реформ гласности и демократизации.

Стали заметны успехи экологического протеста, обращенного к правительственным структурам. Были остановлены десятки вредных предприятий, запрещены (как оказалось, на время) проекты перебросок водных ресурсов, энергетических гигантов (Катунская ГЭС, например).

Необходимость координации усилий в петиционных и митинговых кампаниях вызвала к жизни широкие объединения экологических организаций и движений. В 1987-1988 гг. был создан Социально-экологический союз (далее СоЭС). В 1989 г. Зеленое движение стало массивным. Для этих лет (1987-1989 гг.) характерен рост всевозможных экологических движений и проводимых ими акций. Движение приняло взрывообразный характер.

Это привело к усилению сопротивления экологическому движению со стороны режима, что, в свою очередь, не могло не вызвать политики экологических масс.

В дальнейшем ряд групп были расформированы, сменили состав или стали менее заметными в экологическом секторе. Однако именно в этих организациях знакомилась активисты, появлялись лидеры, формировались идеологии разной направленности и соответствующие им группы. Экологически ориентированные коллективные действия и группы периода протестной волны стали «школой» независимого экологического действия для современных экологических неправительственных организаций.

Несмотря на локальные успехи зеленых, продолжал разрастаться экологический кризис, вызванный попыткой осуществить научно-техническую революцию, сохранив структуры вертикального управления производством. Эта безвыходная ситуация означала упадок не только правительственной политики в области экологии, но и самого экологического движения. Проблемы нарастали быстрее, чем удавалось закрывать предприятия (что тоже не решало проблемы). Экологическому движению была необходима конструктивная альтернатива, положительный идеал, который мог бы предложить разрешение проблемы в принципе.

Естественно, что экологические движения с самого начала разрабатывали альтернативные программы, способные предложить выход из локальных экологических кризисов. Однако эти альтернативы были преимущественно техническими. Их большая сложность по сравнению с простыми, но экологически вредными проектами и решениями государственных органов, требование дополнительных затрат препятствовали внедрению экологических проектов.

Первые симптомы популистского этапа обнаружились во время предвыборной кампании 1989 г., когда экологическое движение поддержало кандидатов, выдвинувших экологические лозунги.

Политизация экологического движения и переход большинства экологических организаций в открытую оппозицию КПСС к 1990 г. требовали выдвигания политической идеи, которая не расколола бы единства собравшихся в них активистов, в частности, идеи национального возрождения.

Однако национальный фактор, который способствовал подъему экологического движения в России в 1982-1986 гг., в дальнейшем не играл значительной роли в большинстве организаций и сменился абстрактно-демократической идеей. Основная часть экологического движения восприняла ее после того, как общедемократическое политическое движение перешло в открытую оппозицию режиму.

Относительно медленное формирование общественно-политической позиции экологического движения позволило общедемократическим группам возглавить экологов и включить их актив в свой состав.

Идея всеспасительности западных форм цивилизации, доминировавшая в сознании общественно-активного населения, увлекла в тот период и экологическое движение. Пример западных стран, «справившихся» с экологическими проблемами «у себя дома», казался убедительным доказательством экологической эффективности частной собственности и парламентской демократии.

Забота лидеров партии «Демократическая Россия» о расширении электоральной базы способствовала включению в предвыборные программы «демократических» кандидатов абстрактно сформулированных экологических требований и обещаний способствовать закрытию наиболее одиозных объектов. В итоге большинство экологических движений поддержало кандидатов «Демократической России» на выборах и отождествило с их личной победой и поражением КПСС.

Лишь меньшинство экологических групп по разным мотивам поддержало в 1990 г. от поддержки предвыборной кампании «демократов». Одни ориентировались на поддержку «патриотов». Другие сохраняли принципиально аполитичную тенденцию, совпадавшую, как правило, в этот период с «демократической» ориентацией: «политикам – политика, экологам – экология».

Но в недрах популистского, ориентированного на поддержку авторитетных политических лидеров экологического движения вызревали новые течения, альтернативные популизму и склонные к разработке самостоятельной общественно-политической позиции, альтернативной как западной, так и коммунистическо-патриотической ориентации. Это относительно новое явление в экологическом движении связано с движением за создание партии «Зеленых».

Появление групп, предупреждавших о ложности надежд на либеральных выходцев из КПСС и предлагавших философию поиска альтернативы современному индустриальному обществу, предвещало новый кризис экологического движения. Этот кризис не замедлил разразиться после прихода «демократов» к власти в нескольких городах и на парламентском уровне в России.

В 1990-1991 гг. «демократические» администрации кардинально пересмотрели свое отношение к экологическим проблемам. Разразившиеся в этот период экономические бедствия позволили подвести под эту политику новую теоретическую базу. Средства массовой информации убеждали население в том, что экологические проблемы следует решать после экономических (эта концепция легла в основу программы «500 дней»). Большая часть новоизбранных депутатов отложила в сторону прежние экологические требования.

Западная ориентация внешней политики и экономических связей все более отчетливо обозначала перспективу превращения страны в импортера промышленных и радиоактивных отходов. Новые экономические отношения не ослабили, а скорее усилили расхищение природных ресурсов и нарушение экологических стандартов.

Стремительное изменение позиции «демократических» лидеров по вопросу об экологии воздействовало на экологическое движение деморализующе. Часть активистов движения позволила убедить себя в правоте аргументов противников экологических приоритетов. Оказавшись без самостоятельной конструктивной программы, они продолжали идти за прежними политическими лидерами. Часть экологистов была глубоко разочарована результатами своей общественной деятельности и пришла к выводу о бессмысленности сопротивления индустриальной экспансии. Часть была плохо информирована о происшедших изменениях, продолжая доверять «победившей демократии».

Все эти факторы обусловили заметный спад экологического движения, развал множества организаций и падение численности оставшихся.

Те группы, которые пережили кризис 1991 г., приобрели опыт общественной деятельности, разработки конструктивных программ. При всех разногласиях установилось понимание подчиненности локальных проблем глобальным, необходимости проведения комплексных реформ, принципы которых исходят из экологических приоритетов.

Конференция экологических организаций показала способность самых разных экологических движений как партийных, так и непартийных к формированию самостоятельной общественной позиции, нашедшей коммерческую и политическую основу.

Все это создало предпосылки для нового подъема экологического движения в 1992 г. и начала нового альтернативистского периода в развитии экологического движения.

История развития экологического движения определила чрезвычайное многообразие его форм. Экологические организации можно классифицировать по различным признакам. Прежде всего, это география деятельности, численность, связь с правительственными организациями, направления работы, организационное строение и самоидентификация, направления работы, методы работы, идеология.

Рассмотрим классификацию современных экологических движений, исходя из направлений и форм работы [2, с. 17-48].

1. Движение зеленых ставит целью защиту естественных природных территорий общественного природоохранного контроля: ценных участков лесов, озер и рек, а также растений и животных. Упор делается на создании охраняемых территорий (заказников и памятников природы) и на контроле экологических правонарушений.

Деятельность зеленых включает разработку методик ведения общественного расследования, создание напряженной обстановки на контролируемом объекте (статьи в прессе, судебные иски и др.), проведение регулярных сезонных кампаний (елочная, цветочная, рейды патрулей) и экологических ролевых игр, формирующих экологическое сознание. Инициативные группы по спасению памятников природы разрабатывают туристические маршруты.

Объединенные в неформальную сеть природоохранных организаций, они постоянно взаимодействуют между собой, координируют действия, обмениваются информацией, а также работают со средствами массовой информации.

2. Экополитическое движение занимается преимущественно местной экополитикой. Репертуар действий экополитиков включает выдвижение и поддержку кандидатов на местных выборах, участие в деятельности экологических комитетов и комиссий законодательного собрания, инициирование и лоббирование экологических проектов местного и регионального уровня, участие в общественных слушаниях и общественной экспертизе проектов.

Партийно-электоральная активность зеленого движения была особенно выражена в начале 1990-х годов. Именно тогда «все силы зеленых были брошены на серию выборных кампаний одного из лидеров молодежного экологического движения. Выборные кампании закончились неудачно» [3, с. 98]. Таким образом, экополитическое движение оказалось не достаточно успешным.

3. Движение ученых, основные цели и задачи которого – экологический мониторинг и аудит, изучение техногенной нагрузки на окружающую среду, разработка и внедрение экологических технологий, т.е. исследовательская и экспертно-консультационная работа. Основной формой их работы является выполнение экологических и образовательных проектов. Большинство из них специализируется на экологических полевых исследованиях.

Как правило, создаются они на базе структур российской науки (естественно-научные факультеты вузов, научно-исследовательские и образовательные институты, научные общества), поддерживая при этом разнообразные связи как внутри научного сообщества, так и с другими экологическими организациями. Это способствует сращиванию государственных и негосударственных экологических структур, сопровождаемому взаимовыгодным использованием ресурсов.

Возникнув в рамках кризиса российской науки, эти организации создают новые возможности для ученых. В современных условиях научно-ориентированные экологические организации занимаются экологическим предпринимательством, развивая экологический бизнес и способствуя внедрению экологических технологий. Ряд подобных организаций разрабатывают концепции развития природопользования, создают проекты экологически безопасного сельского хозяйства в регионах, организуют фермы, опытные студенческие крестьянские хозяйства, летние сельскохозяйственные лагеря. Представители этих групп дают консультации и координируют работу по пропаганде и использованию наиболее эффективных и экологически безвредных методов сельского хозяйства.

4. Информационное движение возникло во второй половине 1990-х годов в связи с увеличением потока экологической информации и распространением новых компьютерных технологий и специализируется на сборе и распространении экологической информации, на обеспечении экологического сектора современными электронными средствами связи (многие из них имеют собственные издания).

Информационные организации способствуют формированию экологического сознания, экологически озбоченных настроений среди населения, борются за свободный доступ к экологической информации и соблюдение прав человека на чистую окружающую среду, повышают уровень информированности общественности в области экологии, освещая различные экологические проблемы России. Они участвуют в организации семинаров по устойчивому развитию и стремятся вовлечь другие экологические организации в этот процесс, используя акционистские социологические методы. Их информационная работа может быть разовой, эпизодической (как правило, исследовательские проекты) или более регулярной.

5. Образовательное движение включает структуры, которые ставят своей целью воспитание экологического сознания среди населения с помощью специальных просветительских программ [7, с. 66-69].

Главным образом, они ориентированы на обучение школьников, лишь малый процент их работает среди взрослого населения, студентов и дошкольников, в основном в форме кружков, клубов по интересам, летних экологических лагерей и исследовательских экспедиций. Школьники-участники таких объединений получают разнообразные навыки экологической работы: участвуют в прямых экологических действиях по очистке и благоустройству территорий; они в состоянии провести экологическую экспертизу, описание биоразнообразия природных территорий, проанализировать конкретную экологическую проблему.

Образовательные экологические объединения активно сотрудничают между собой. Они знают о существовании друг друга, обмениваются опытом внедрения программ, проводят совместные обучающие семинары, олимпиады, конкурсы, организывают совмест-

ные экспедиции, в которых участвуют и взрослые, и дети. Ими выполняется функция внешкольного воспитания детей и подростков, которую в советский период осуществляли политические детские коммунистические организации. В связи с этим многие формы работы воспроизводят практики деятельности детских советских организаций. Идеология же экологического воспитания и образования в корне отлична от коммунистической, хотя в той же мере воспитывает общественную и организационную активность детей, придавая ей иную направленность.

Таким образом, «взрослое» экологическое движение готовит себе смену и обеспечивает социальное воспроизводство.

6. Экофилософское движение относится к экологическому движению не однозначно, поскольку экологическая деятельность не является для них приоритетной.

Экофилософские организации ставят своей целью развитие экологического сознания, практикуют и пропагандируют экологически чувствительный стиль жизни. Свое сообщество они представляют как автономное, изолированное и самодостаточное. Совокупность объединений этого типа условно можно разделить на две подгруппы: ассоциации духовного просвещения и группы здорового образа жизни.

Ассоциации духовного просвещения формируются на основе философских учений, которые становятся верованиями участников этих объединений. При этом в каждом учении понятия «духовное просвещение», «экологическая этика» истолковываются по-своему. Как правило, духовное просвещение заключается в «раскрытии возможностей сознания и психики человека во взаимодействии с окружающей средой в соответствии с космическими циклами на основе славянских традиций и ритуалов» [7, с. 93-94], через продвижение «чистых», положительных мыслей согласно доктрине «живой этики», изложенной в работах Е.И. Рерих и Н.К. Рериха [7, с. 95]. Ряд таких организаций ориентированы на экологическую деятельность: очистку территорий, реставрацию заброшенных парков; организацию экотуризма и экологических лагерей для детей и взрослых.

Организации здорового образа жизни видят духовное просвещение как результат определенных телесных практик. Их деятельность ориентирована на формирование и поддержание здоровья, истолкованного как «гармоничное отношение человека с окружающей средой».

Телесные практики здорового образа жизни, по мнению представителей этих групп, по сути можно считать альтернативными практиками повседневной жизни. Они включают тренировки, процедуры закаливания, альтернативное питание (многодневные диеты, вегетарианство, употребление в пищу растений, выращенных в данной местности, и продуктов их переработки), роды в воде, развитие таких направлений, как «экология младенчества, сознательное родительство, формирование экологического сознания семьи» и т.д.

Активисты подобных клубов верят в возможность организовать поселение, где будут пропагандироваться здоровый образ жизни и соответствующая философия.

7. К движению за альтернативный образ жизни можно отнести объединения, которые стремятся поддерживать альтернативный экологически ориентированный образ жизни по месту жительства, на уровне домашних хозяйств и поселений. Некоторые из них ориентированы на возрождение элементов традиционной российской культуры в новых условиях. Другие же в значительной мере вдохновлены опытом западных экопоселений и групп альтернативного образа жизни (экогруппы).

Построение экопоселений рассматривается как «модель устойчивого развития населенных пунктов» [7, с. 102]. Жители экопоселений не только поддерживают альтернативный (естественный) образ жизни, но и занимаются распространением своего опыта. Они организуют летние экологические лагеря для детей и взрослых, проводят семинары по новым технологиям землепользования, органической агрокультуре и переработке бытовых отходов. Экопоселения часто создаются людьми с высшим образованием, разочаровавшимися в городском индустриальном образе жизни. Можно считать экопоселения бегством от урбанизации, культурным протестом. Идея экологических деревень – создать возможности для образа жизни, альтернативного современному индустриальному городу.

Международный проект «Экогруппы» ставит целью «помочь простым людям внести свой вклад в решение экологических проблем путем сознательного изменения образа жизни и отношения к окружающей среде». Основные задачи «Экогруппы» – «экологизация» жилища, развитие экологически сбалансированного домашнего хозяйства, экономия энергии, сортировка мусора.

Таким образом, за время своего существования экологическое движение претерпело заметную эволюцию. Начав с роли общественно-помощника государственных органов – ниши, в которой вызревали оппозиционные настроения, – экологическое движение позднее превратилось в один из рычагов, которыми была опрокинута существовавшая форма автократии.

В то же время процессы разрушения окружающей среды человека продолжают развиваться нарастающими темпами, и со временем экологическое движение может принять самые разнообразные формы от движения гражданских инициатив до экофашизма и стихийных разрушительных бунтов. Выбор этих форм зависит не только от сегодняшних теоретических и практических поисков активистов экологического движения, но и от той формы общества, которой рано или поздно сменится общество индустриальное.

Кризис индустриального общества, проявляющийся прежде всего в экологическом кризисе, может быть разрешен путем глобальной ката-

строфы, способной отбросить цивилизацию далеко назад или даже покончить с человечеством, или путем качественного преобразования общества при сохранении тех достижений цивилизации, которые не ведут к разрушению среды обитания человека.

Библиографический список

1. *Аберкоромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Еровеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997.
2. *Болотова А., Тысячнюк М., Воробьев Д.* Анализ и классификация экологических неправительственных организаций Санкт-Петербурга / Экологическое движение в России. СПб., 1999.
3. *Гущин В.А., Лустберг А.Э.* Молодежное экологическое движение Ленинграда – Санкт-Петербурга. Исторические этапы, культура и субкультура / Подростковые и молодежные инициативы. СПб., 1997.
4. *Досон Д., Цепилова О.Д.* Мобилизация экологического движения в Ленинграде // Социология общественных движений: Эмпирические наблюдения и исследования / Отв. ред. В.В. Костюшев. Кн. 2. М.; СПб.: СПбф ИС РАН, 1993.
5. *Забелин С.И.* Время искать и время терять. М.: Социально-экологический союз, 1998.
6. *Здравомыслова Е.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
7. Негосударственные экологические организации Санкт-Петербурга: Справ. / Сост. *Е. Кобец, Э. Лахти.* СПб.: Нотабене, 1998.
8. Общественные культурные организации Санкт-Петербурга: Справ. СПб., 1996.
9. Устав Всероссийского общества охраны природы. М.: 1991.
10. *Фомичев С.Р.* Крайне зеленые // Социологический журнал. 1995. № 8.
11. *Цепилова О.Д.* Экологические движения: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры / Образ мысли и образ жизни / Отв. ред. *Я.И. Гилинский.* М.: ИС РАН, 1996.
12. *Шубин А.* Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах (вступительная статья) / Экологические организации на территории бывшего СССР: Справ. М., 1992.
13. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде // Социологические исследования. 1992. № 12.
14. *Яницкий О.Н.* Двенадцать гипотез об альтернативной экополитике // Социологический журнал. 1994. № 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ В РОССИИ

**В.П. Туноголовец; Г.Ю. Бочарникова,
Дальрыбвтуз, Владивосток**

Социология – обязательная дисциплина во всех вузах России. Предлагаемая статья охватывает тему из государственного стандарта, в которой приведены конкретные методы исследования, изложены концепции теоретиков, представлен анализ основных тенденций по данной проблеме, предпосылок, динамики и закономерностей.

Социальными называются опасности, получившие широкое распространение в обществе и угрожающие жизни и здоровью людей.

Носителями социальных опасностей являются люди, образующие определенные социальные группы. Особенность социальных опасностей состоит в том, что они угрожают большому числу людей. Распространение социальных опасностей обусловлено поведенческими особенностями людей, отдельных социальных групп.

Социальные опасности весьма многочисленны. Например, к социальным относятся все противоправные (незаконные) формы насилия, употребление веществ, нарушающих психическое и физиологическое равновесие человека (алкоголя, наркотиков, сигарет), суициды, мошенничество, шарлатанство, способные нанести ущерб здоровью людей.

Классификация социальных опасностей

Социальные опасности могут быть классифицированы по определенным признакам.

1. По природе могут быть выделены следующие группы опасностей:

а) связанные с психическим воздействием на человека (шантаж, мошенничество, воровство и др.);

б) связанные с физическим насилием (разбои, бандитизм, убийства, террор, изнасилование, заложничество);

в) связанные с употреблением веществ, разрушающих организм человека (наркомания, алкоголизм, курение);

г) связанные с болезнями (СПИД, венерические заболевания и др.);

д) суициды.

2. По масштабам событий социальные опасности можно разделить на локальные; региональные; глобальные.

3. По половозрастному признаку различают социальные опасности, характерные для детей, молодежи, женщин, пожилых людей.

4. По организации социальные опасности могут быть случайными и преднамеренными.

Причины социальных опасностей

В основе своей социальные опасности порождаются социально-экономическими процессами, протекающими в обществе. В то же время следует отметить противоречивый характер причин, следствием которых являются социальные опасности.

Несовершенство человеческой природы – главная предпосылка появления социальных опасностей. Наличие адекватной правовой системы может явиться основным условием предупреждения и защиты от социальных опасностей.

Распространению социальных опасностей способствует интенсивное развитие международных связей, туризма, спорта.

Максимально приемлемым (допустимым) уровнем индивидуально-го риска гибели считается величина 10^{-6} в год (в некоторых странах установлен законом), неприемлемым – 10^{-3} в год.

Обратимся к данным по России (средние данные за последние 10 лет):

а) психическое воздействие на человека – данные о погибших отсутствуют;

б) физическое насилие – убийства – 30 тыс. + 30 тыс. (в больницах) + 30 тыс. пропавшие бесследно;

в) наркомания – 60 тыс. от передозировки, алкоголизм – 100 тыс. (35 тыс. отравления) + 65 тыс. передозировка;

г) СПИД – 2 тыс.; инфекционные и паразитарные болезни – 35 тыс.;

д) суициды – 50 тыс.

Итого: 337 тыс.

При средней за 10 лет численности РФ 145 млн уровень индивидуального риска гибели от социальных опасностей составляет $2,2 \cdot 10^{-3}$ в год, т.е. больше недопустимого риска.

«Численность постоянного населения России в 2007 г. уменьшится еще на 700 тыс. человек и составит 141,7 млн чел. (фактически на начало 2008 г. – 141,82 млн чел.)», – говорится в докладе Минэкономразвития «Основные уточнения оценки 2006 года и прогноз социально-экономического развития на 2007 год». «При этом численность населения трудоспособного возраста составит 89,8 млн чел., экономически активного населения – 72,4 млн чел. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня, который оценивается в среднем за год в 3713 руб. в месяц, составит 14,3 %. В 2006 г. численность населения России составит 142,4 млн чел. (в 2005 г. – 143,1 млн чел.)», – сообщает ИТАР-ТАСС.

За последние 10 лет Россию покинули 7 млн чел., преимущественно с высшим образованием, оставшиеся стремительно стареют и теряют квалификацию.

По данным Центра исследований и статистики науки (ЦИСН) Минпромнауки РФ, процесс ухудшения возрастной структуры научных кадров привел к тому, что почти половина (47,4 %) российских ученых пе-

решагнула пятидесятилетний рубеж, включая 59,8 % кандидатов и 84,1 % докторов наук; примерно каждый пятый ученый в нашей стране – старше 60 лет (в том числе 30,5 % кандидатов и 56,2 % докторов наук) и лишь 10,6 % – моложе 29 лет; средний возраст исследователей составляет 49 лет, кандидатов наук – 53 года, у докторов наук он достигает 61 года, превышая пенсионную планку.

Не менее тревожным, чем быстрое старение научного сообщества, является факт негативных изменений его квалификационной структуры.

Для изучения этого процесса исследователи из ЦИСН изучили массив заявок на соискание финансовой поддержки для выполнения исследовательского проекта, поступивших за последние несколько лет в Российский фонд фундаментальных исследований. Именно заявки в РФФИ наиболее адекватно отражают состояние науки и научного сообщества, так как являются многочисленными первичными документами, которые поступают в Фонд непосредственно от ученых и, что особенно важно, без какого-либо предварительного отбора.

В итоге выяснилось, что доля специалистов высшей квалификации (докторов и кандидатов наук) среди всех участников заявок за эти годы уменьшилась в 1,5 раза – с 70,4 до 48 %, причем особенно резко (в 3,5 раза) среди заявителей не старше 35 лет.

В 1997-2002 г. доля таких специалистов монотонно падала как по РФФИ в целом, так и в каждой из областей знаний. Наиболее сильно это выражено для докторов наук, причем падение происходит за счет младшей и средней возрастных групп – до 50 лет, из-за чего среди докторов наук систематически нарастает доля тех, чей возраст более 50 лет (к 2002 г. практически до 85 %).

Что касается молодого (до 35 лет) поколения, то хотя численность этой категории заявителей даже возростала (с 12417 человек в 1997 г. до 15071 человека в 2001 г.), однако количество докторов и кандидатов в ней сократилось с 3853 в 1997 г. до 1273 в 2002 г. В целом же доля молодых докторов в полном массиве заявителей за эти годы уменьшилась более чем в 10 раз.

С возрастом физические, интеллектуальные и духовные силы человека падают. Это обстоятельство обычно упускается из виду теми, кто далек от демографической науки.

В начале прошлого века в Российской империи жил каждый десятый человек мира, в Советском Союзе на его закате – каждый двадцатый, теперь в России – каждый сорок пятый, в середине нынешнего века будет – всего каждый сотый. Ежегодная миллионная естественная убыль населения России в последние годы – это демографическая трагедия страны.

С середины 60-х годов не обеспечивается простое воспроизводство населения, для чего показатель рождаемости в среднем на одну женщину должен составлять 2,14-2,15. В 1999 г., по данным Госкомстата России, он опустился до уровня 1,17. Если этот коэффициент с каждым годом будет приближаться к 1,0-1,1, а после 2009 г. даже к 0,8-0,9,

то 100 млн население России может достичь уже к 2020-2025 гг., а примерно к 2075 г. – 50-55 млн.

Таким образом, в течение XXI в. Россия как самостоятельное государство может просто исчезнуть.

Прежде чем рассмотреть отдельные категории социальных опасностей в РФ, обратимся непосредственно к проблеме: как выглядит Россия на фоне промышленных стран по уровню смертности от внешних причин.

Сами эти страны существенно различаются между собой: во Франции она выше, чем в США, в США – заметно выше, чем в Англии. Но у мужчин России ее уровень выше по сравнению с остальными, по крайней мере, с середины 1950-х, т.е. с того времени, как в СССР появились систематические сведения о насильственной смертности. У российских женщин положение было немного лучше – они только в середине 1970-х гг. превзошли француженок в этом неестественном «соревновании» (рис. 1).

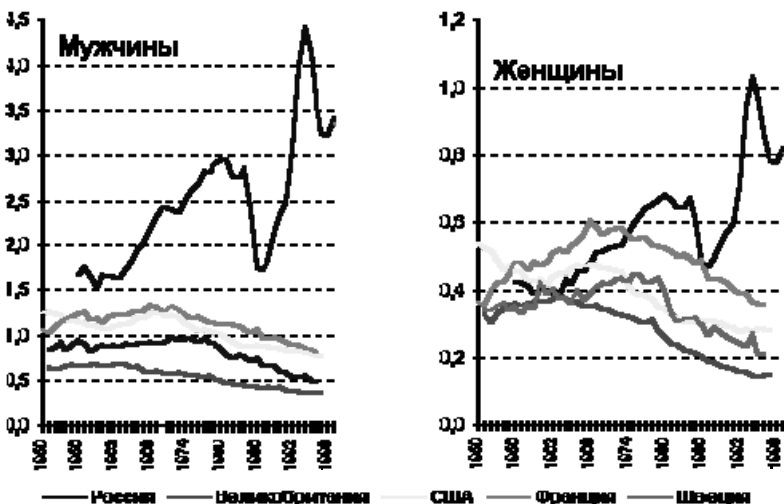

Рис. 1. Смертность от внешних причин, Россия и некоторые развитые страны, стандартизованные коэффициенты на 1000 населения

Разумеется, смертность от внешних причин представляет собой проблему для всех промышленно развитых, урбанизированных стран, они долго не могли с нею справиться. Но, в конце концов, неблагоприятные тенденции удалось переломить, и некоторый рост (или стабильность) этого вида смертности сменились ее устойчивым снижением. В России же наблюдался только рост и без того высокой смертности, превратившийся лишь однажды – во время антиалкогольной кампании середины 1980-х гг.

В итоге, сейчас среди «цивилизованных» стран нет таких, которые бы могли сравниться с Россией по уровню смертности от внешних причин.

В России наблюдается рост числа смертей от всех основных причин смерти, но особенно значительный – из-за случайных отравлений алкоголем.

1. Опасности, связанные с физическим насилием

1.1. Убийства в России

Смертность от убийств в России с 1990 г. увеличилась примерно втрое.

По статистике, в России ежегодно погибают почти 100 тыс. людей: 32 тыс. – это убийства, причем из них 7-8 тыс. не раскрываются, 25-30 тыс. людей пропадают бесследно и примерно 25 тыс. – это люди, которые умирают в больницах вследствие совершенных на них разбойных нападений. Если включить еще процент самоубийств, то в результате наблюдаются значительные цифры.

Совершают убийства вовсе не чеченские террористы и даже не арабские наемники. Убивают друг друга родственники, друзья, соседи.

По показателю убийств на тысячу жителей определены самые криминальные страны. На первом месте – Колумбия, где на тысячу жителей приходится 0,618 убийств. На втором месте – Южно-Африканская Республика, где соответствующий показатель составляет 0,496, на третьем – Ямайка (0,324). Россия – на пятом (0,202). С 7-го по 11-е размещаются страны бывшего Союза: Эстония (0,107), Латвия (0,104), Литва (0,103) и Белоруссия (0,098). Украина – на 11-м месте с показателем 0,094 убийства на тысячу жителей (10.2005).

Россия давно считается страной с относительно высоким уровнем убийств. Их число быстро росло в начале XX в., особенно сильно – в 1902-1906 гг. После событий 1905-1907 гг. число убийств несколько уменьшилось, но так и не возвратилось к уровню конца XIX – начала XX вв. (рис. 2).

Поскольку по международной классификации смерти в боях не относятся к убийствам, здесь не будут обсуждаться военные потери России в прошедшем веке. Но «предусмотренные законом вмешательства» включаются в число убийств, а таких в нашей стране также было чрезвычайно много. Поэтому пытаться исчислять показатели смертности от убийств в 1920-1930-е гг., только исходя из государственной статистики смертности, в которую не включались «государственные убийства», неверно даже с формальной точки зрения. В 1937-1938 гг. было расстреляно около 700 тыс. чел., и нельзя сравнить это с 6 тыс. убитых за эти два года в городах СССР, так сказать, «в частном порядке».

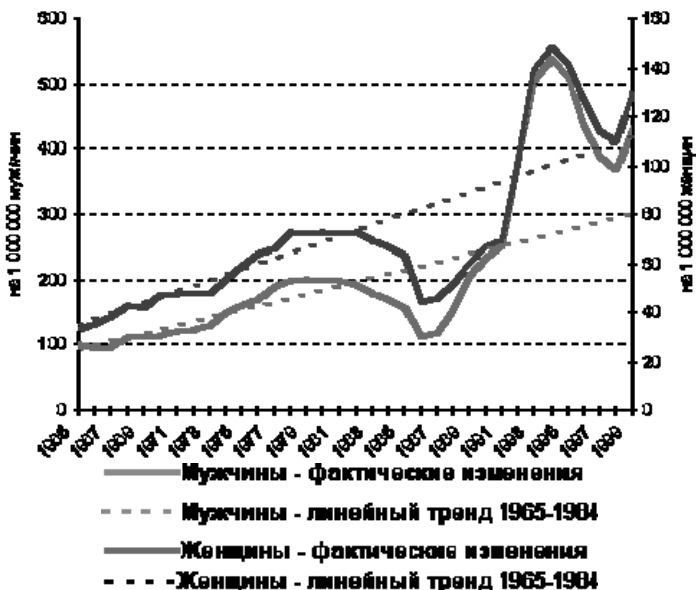

Рис. 2. Смертность от убийств. Россия, 1965-1999 гг. Стандартизованные коэффициенты на 1 млн мужчин (левая шкала) или женщин (правая шкала)

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. уровень убийств оставался практически неизменным, хотя тогда он был уже выше, чем в большинстве европейских стран, и почти таким же, как в США. С середины 1960-х до конца 1970-х гг. число смертей от убийства постоянно росло, как и общее число смертей от внешних причин, но с 1978 г. число убийств в расчете на 1 млн мужчин или женщин стабилизировалось, а в период антиалкогольной кампании резко сократилось. А затем на смену этим благоприятным тенденциям пришел всплеск смертности от убийств в 1990-е гг. В первой половине десятилетия уровень убийств был много выше ожидаемого по трендам 1965-1984 гг., затем снова стал снижаться, возвращаясь – и для мужчин, и для женщин – на линию тренда мужской смертности, более высокой, чем женская.

Динамика убийств у мужчин и женщин практически одинакова за все время с 1965 г., но уровень у мужчин – в 4-5 раз выше. В догорбачевский период смертность от убийств у женщин росла несколько быстрее, чем у мужчин. Зато в 1990-е гг. чуть больше выросли убийства среди мужчин.

Смертность мужчин от убийств составила в России в 1996 г. 44,2 на 100000, что в 10 раз превышало искомый показатель для стран Центральной и Восточной Европы (4,3 на 100000) и в 26 (!) раз – для стран Европейского Союза (1,7 на 100000).

В среднем, за последние пять лет конца XX в. ежегодно жертвами убийств становились около 37 тыс. чел., причем, видимо, это только нижняя граница оценки числа убитых – их много и среди так называемых неуточненных смертей (около 40 тыс.), и среди без вести пропавших (почти 20 тыс. в 1993 г.).

Среди развитых стран российские показатели можно было сравнивать только с США – в европейских странах они намного ниже (рис. 3). С середины 1970-х в России и у мужчин, и особенно у женщин смертность от убийств стала выше уровня США. Если же рассматривать Россию на фоне всех стран мира, то по уровню смертности от убийств она уступает только некоторым латиноамериканским странам (Колумбии) и, видимо, странам Африки к югу от Сахары.

Смертность российских мужчин от убийств была самой высокой на постсоветском пространстве. В число 10 российских регионов с минимальным уровнем смертности от убийств входили республики Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чувашия, Дагестан и Мордовия, а также Воронежская, Белгородская, Ульяновская, Брянская и Астраханская области. Смертность мужчин от убийств на этих территориях колебалась от 6,6 до 22,4 на 100000, т.е. даже для них наблюдался 2,5-кратный разброс, и более чем на порядок превышала соответствующий европейский показатель.

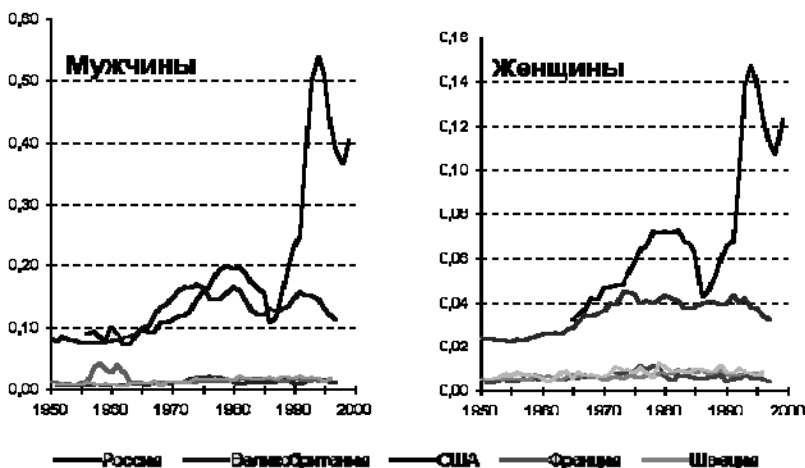

Рис. 3. Смертность от убийств. Россия и некоторые развитые страны

В число территорий с максимальными показателями мужской смертности от травматизма из европейских вошли только 2 северные территории (республика Коми и Свердловская область), а также северо-

ро-восточные (Еврейская автономная и Магаданская области, Хабаровский край), восточные (Приморский край и Сахалинская область) и сибирские регионы (республики Бурятия, Алтай, Тува, Кемеровская и Иркутская области). Даже из этого списка худших регионов резко выпадает Тува, где смертность мужчин от убийств составляла 233,9 на 100000, что в 2,7 раза превышает искомый показатель в предшествующем регионе (87,3 на 100000 в Читинской области).

Сравнивать эти показатели с европейскими не совсем некорректно. За исключением республики Тува, между территорией с минимальным (Ингушетия, 6,6 на 100000) и максимальным (Читинская область) уровнями смертности наблюдался более чем 13-кратный разброс, включая Туву – более чем 35-кратный.

Говоря об убийствах, нельзя забывать, что особую социальную значимость этой причине смерти (помимо чисто моральных аспектов) придает крайне низкий средний возраст мужчин, умерших вследствие убийств: в среднем по России в 1996 г. он составил 40,1 лет, а в Еврейской автономной области, где он был минимальным, – 32,7 года.

К сожалению, убийства были ведущей причиной смерти травматического характера не только для мужчин, но и для женщин. Смертность российских женщин от убийств достигала в 1996 г. 12,1 на 100000, т.е. была в 17,3 раза больше, чем в странах ЕС. Наиболее благополучными были традиционные Северо-Кавказские и южные регионы России: это республики Кабардино-Балкария, Дагестан, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия, Калмыкия и Воронежская, Орловская, Пензенская, Курская, Ростовская области. На этих территориях искомый показатель составил 2,2-6,8 на 100000. Территории с высокой смертностью женщин от убийств практически те же, что и с высоким уровнем смертности мужчин: это республики Тува, Алтай, Коми, Кемеровская, Иркутская, Магаданская, Читинская, Свердловская и Еврейская автономная области, а также Хабаровский край.

Специфически «женской» была Пермская область, в которой этот показатель стабильно высок. На этих территориях смертность от убийств менялась от 18,4 на 100000 в Свердловской области до 48,6 на 100000 в республике Тува. Еще раз обращает на себя внимание Тува, где искомый показатель в 1,8 раз выше, чем в предшествующей ей Кемеровской области (27,1 на 100000). Таким образом, в этих регионах смертность женщин от убийств в десятки раз выше, чем в странах Центральной и Восточной Европы и в странах ЕС. Нельзя забывать также, что средний возраст убитых женщин составил в России в 1996 г. 46,3 года, а, например, в Чукотском автономном округе – 30,5 лет.

1.2. Утопления

В среднем за последние пять лет XX в. в России ежегодно тонуло примерно 17 тыс. чел. (рис. 4).

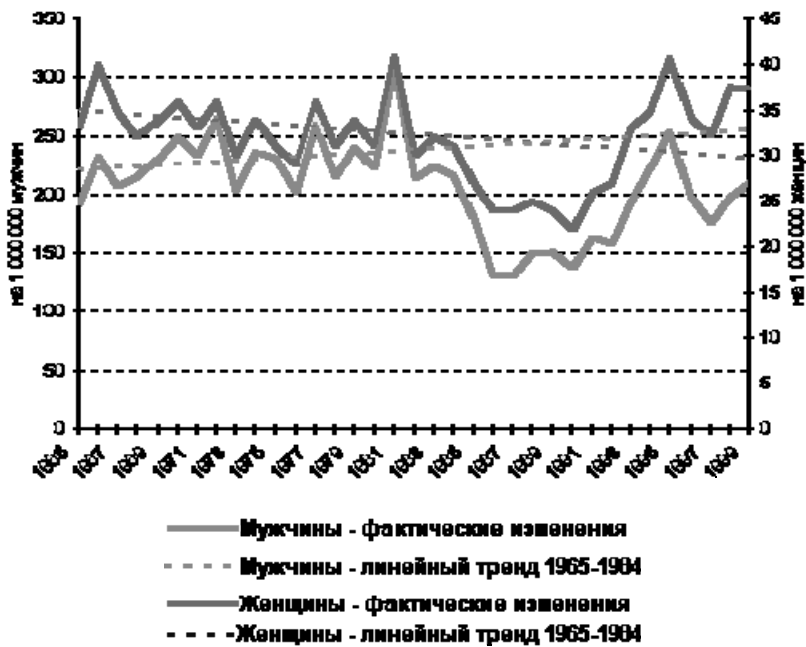

Рис. 4. Смертность от утоплений в России (1965-1999)
 Стандартизованные коэффициенты на 1 млн мужчин
 (левая шкала) или женщин (правая шкала)

В дореволюционной России, где 80 % населения жили в сельской местности, утопления составляли 21-23 % всех травматических смертей. Доля утоплений во всех смертях от повреждений заметно уменьшалась и уменьшается в настоящее время. В современной, на 80 % городской, России она составляет 5-6 %. Даже абсолютное число утоплений не слишком выросло за последнюю треть века в отличие от других внешних причин.

Динамика смертности от утоплений различна для мужчин и женщин. Если до середины 1980-х гг. смертность от утоплений у мужчин имела тенденцию к небольшому росту, а у женщин – слабую к снижению, то в 1990-х гг. наблюдался обратный процесс.

У женщин смертность теперь даже несколько выше, чем можно было ожидать, исходя из прежних трендов. А у мужчин она ниже не только тренда 1965-1984 гг., но и среднего уровня 1970-х гг. Впрочем, утопления, несмотря на все изменения, остаются преимущественно мужской причиной смерти, поскольку коэффициент их смертности от этой причины выше женского в 6 раз (в 1970-е гг. превышение было семикратным).

1.3. Терроризм

В нашей стране до обострения национальных конфликтов терроризм был явлением весьма редким. Единственный нашумевший случай в 1970-х гг. – это взрыв в вагоне московского метро в январе 1977 г., который унес более десяти жизней. Главное оружие отечественных террористов – самодельные взрывные устройства. По данным КГБ, в 1990-м – первой половине 1991 гг. в стране было совершено около 200 взрывов, в результате которых погибло более 50 человек. 31 июля 1991 г. произошел очередной трагический эпизод – взрыв в поезде «Москва – Баку» во время следования его близ Махачкалы (Дагестан). Погибли 15 человек.

Чудовищной силы взрыв, прогремевший 8 сентября 1999 г. за минуту до полуночи, превратил дом по ул. Гурьянова в г. Москве в братскую могилу. Пять дней спустя произошел еще один взрыв, который уничтожил еще один дом на Каширском шоссе. Почти год спустя, 8 августа, взрыв прогремел в переходе на Пушкинской площади.

В 2002 г. произошел захват заложников на Дубровке, школы в Беслане и вынужденный штурм здания 3 сентября 2004 г.

2. Опасности, связанные с употреблением веществ, разрушающих организм человека

Наркомания – (от греческого *narke* – оцепенение и *mania* – безумие, восторженность) зависимость человека от наркотических препаратов. Заболевание, при котором жизнедеятельность организма поддерживается на определенном уровне только при условии приема наркотического вещества и ведет к глубокому насыщению физических и психических функций. Резкое прекращение приема наркотиков вызывает нарушение многих функций организма – абстиненцию. Различают пристрастие к какому-либо одному веществу – мононаркоманию (морфинизм, героинизм, кодеинизм, гашишизм, кокаинизм и др.) и к нескольким – полинаркоманию (опийно-алкогольная, опийно-барбитуровая и др.)

Возникновение наркомании связано с эйфоризирующим, приятно оглушающим или стимулирующим эффектом наркотика. Чем сильнее выражен эйфоризирующий эффект, тем быстрее наступает привыкание. Распространению наркомании способствуют нездоровая микросоциальная среда, отсутствие у человека интеллектуальных и социально-положительных установок.

Социальная опасность наркомании заключается в следующем:

- снижении трудоспособности, физической и умственной слабости. Все мысли направлены на то, где и как добыть и употребить нужную дозу;
- нанесении большого материального и морального ущерба (причина несчастных случаев, болезней, правонарушений);
- создание невыносимых условий жизни в семье, в результате неадекватного поведения, отсутствия средств к существованию, совершения тяжелых преступлений;

- физической и моральной деградации других, особенно молодежи;
- безнравственности (отсутствии цели и смысла жизни);
- угрозе будущему нации, благополучию и здоровью населения всего государства;

- риске распространения болезней, в том числе СПИДа и других заболеваний, передаваемых половым путем.

В России продолжает расти смертность от передозировки наркотиками. Если в 2004 г. по экспертным оценкам от наркотиков в России погибли 70 тыс. чел., то в 2005 г. эта цифра возросла до 100 тыс. Для сравнения, за год в стране произошло около 30 тыс. убийств, 35 тыс. человек погибли в результате ДТП.

Основной поток героина поступает в Россию с территорий Афганистана и Таджикистана. В этом году ФСКН планирует открыть свои представительства в этих государствах. В то же время крупные партии синтетических наркотиков ввозятся в Россию из стран Западной Европы и Балтии. Как правило, синтетические наркотики распространяются в ночных клубах и на дискотеках Москвы и других крупных городов.

Наркомания, известная с древнейших времен, сейчас распространилось по всему миру. С точки зрения наркологов, наркомания во многих странах признана социальным бедствием. В настоящее время наркотические мафии управляют государствами (Латинская Америка), имеют свои армии (Юго-Восточная Азия). Доходы подпольных корпораций от торговли наркотиками превышают известные доходы от торговли нефтью и приближаются к мировым доходам от торговли оружием. Полная, с точки зрения наркологов, картина распространения злоупотребления, включающая формы токсикомании, еще более трагична. Вещества и препараты, не включенные в список наркотических веществ, как правило, приводят к еще большему ущербу для человека.

В международном антинаркотическом центре в Нью-Йорке существует документ, указывающий на число наркоманов на земном шаре – 100000000 человек.

Наркомания, как подчеркивают эксперты Всемирной организации здравоохранения, является большой угрозой для здравоохранения в мировом масштабе. Каждое государство предпринимает меры по предупреждению злоупотребления среди населения, исключением не является и Россия. С 1990 по 1999 гг. число учтенных наркоманов выросло в 6,5 раза.

В последние годы наркомания и связанная с ней преступность стали представлять серьезную угрозу для национальной безопасности России и ее будущего. Быстрый рост не обусловленного медицинскими показаниями потребления наркотических и психотропных средств, особенно детьми, подростками и молодежью, непосредственно и самым пагубным образом сказывается на физическом и психическом здоровье нации. Этот процесс связан с резким увеличением масштабов нелегального оборота наркотиков, психотропных и других одурманивающих веществ, интенсивным формированием

рынка наркотиков и негативным действием ряда экономических, социальных и психологических факторов.

Начиная с конца 80-х гг., заметно ускорился рост числа больных наркоманией и токсикоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях (рис. 3). Только с 1990 по 1999 гг. оно увеличилось – в расчете на 100 тыс. жителей страны – в 6,5 раза. В середине 90-х гг. процесс распространения наркотических расстройств получил новое ускорение, стало быстро увеличиваться число больных, взятых под наблюдение в первый раз с установленным диагнозом наркомании или токсикомании.

С увеличением числа лиц, потребляющих наркотики, неуклонно растет количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сильнодействующих веществ. Если общее число зарегистрированных преступлений в 2000 г. было в 1,6 раза больше, чем в 1990 г., то число преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и одурманивающими веществами – почти в 15 раз. В результате изменилось их место в общей структуре преступности – в 2000 и 2001 гг. (по результатам января-ноября) преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составили 8,3 % от общего числа зарегистрированных преступлений против 0,9 % в 1990 г.

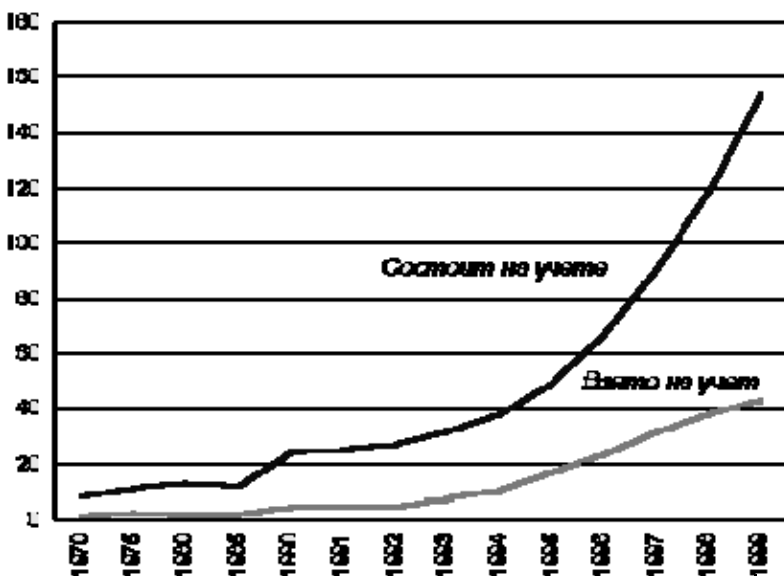

Рис. 5. Заболеваемость населения России наркоманией и токсикоманией в расчете на 100 тысяч населения, 1970-1999 гг.

Среди преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, растет число фактов незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки и пересылки наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с целью сбыта, либо их сбыт. Еще в 1997 г. их доля составляла 13,9 %, в 2000 г. – уже 23,7 %, за одиннадцать месяцев 2001 г. их число увеличилось на 52,9 %, по сравнению с январем-ноябрем 2000 г., а удельный вес вырос до 34,6 % (рис. 6).

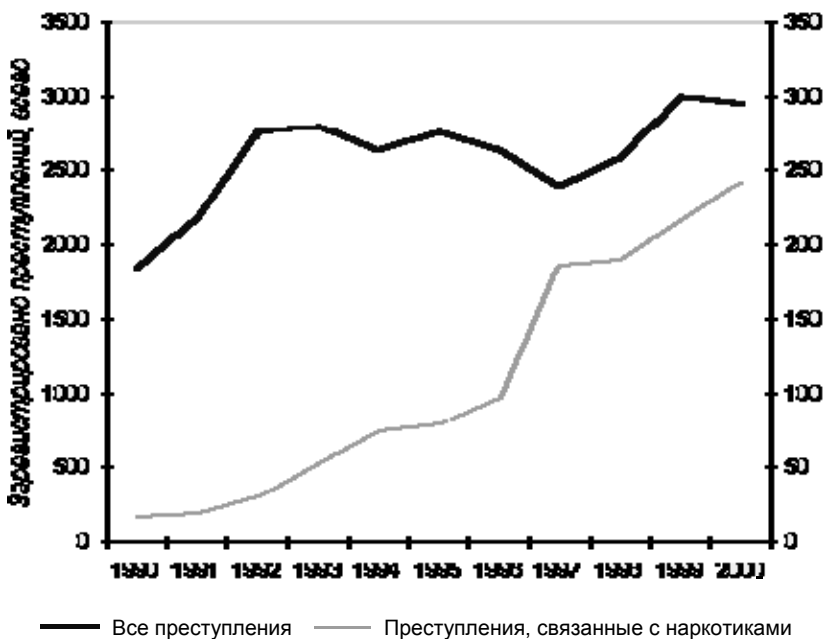

Рис. 6. Число зарегистрированных преступлений, тыс., 1990-2000 гг.

Значительная часть преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершается в крупном и особо крупном размере (87,6 % – в 2000 г., 84,6 % – в январе-ноябре 2001 г.) и относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений (36,0 % – в 2000 г., 45,4 % – в январе-ноябре 2001 г.).

С распространением наркопреступности и увеличением числа лиц, потребляющих наркотики, растет количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического и токсического опьянения. В 2000 г. было совершено 18,9 тыс. таких преступлений, что в 2 раза больше, чем в 1995 г. В январе-ноябре 2001 г. число таких преступлений снизилось по сравнению с соответствующим периодом предшествовавшего года на 14,5 % и составило 14,9 тыс. (рис. 7). Общее число зарегистри-

рованных преступлений, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и одурманивающими веществами выросло на 1,5 %, что свидетельствует о некотором снижении темпов роста наркопреступности (за январь-ноябрь 2000 г. рост составил 12,5 %).

Потребителями наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ совершено в 2000 г. 57,9 тыс. преступлений – на 12,3 % больше, чем в 1999 г.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, преимущественно не заявляются, а выявляются органами внутренних дел, вследствие чего их латентность очень высока.

В 2000 г. число выявленных лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, выросло почти в 14 раз, по сравнению с 1990 г., и составило 158,9 тыс. человек, из них более 70 % составила молодежь в возрасте до 30 лет. За 90-е годы среди лиц, совершивших преступления, связанные с наркотическими средствами и сильнодействующими веществами, более, чем вдвое увеличилась доля не имеющих постоянного источника дохода (ранее – «трудоспособные неработающие и неучащиеся»). Увеличилась также доля женщин – до 16 % (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика лиц, совершивших преступления,
связанные с наркотическими средствами
и сильнодействующими веществами**

Показатель	1990	1991	1997	1998	1999	2000
Всего выявлено лиц, осуществивших незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ, тыс. чел., из них, %:	11,6	13,6	103,9	124,7	139,1	158,9
без постоянного источника дохода	32,4	37	64,3	66,2	69,4	71,6
ранее совершавшие преступления	28,8	27,2	32,5	32,5	31	30,7
женщины	11,8	9,5	11,1	12,8	14,5	16
в состоянии наркотического и токсического опьянения	6,6	7,1	8,2	7,5
в составе группы лиц	8,6	8,3	7,3	6,9

Постоянно растет число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В 2000 г. оно составило 134,8 тыс. – в 7 раза больше, чем в 1992 г.

(табл. 2). Среди них 72 % нигде не работали и не учились, 65,4 % составляли лица в возрасте от 18 до 30 лет, 17,1 % – женщины. Число женщин среди привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, увеличивалось особенно быстро – почти в 19 раз, по сравнению с 1992 г. Быстро росло также число лиц, не имеющих постоянного источника дохода (почти в 10 раз). Относительно сократилась в данной группе только доля несовершеннолетних (при абсолютном росте в 4 раза).

Таблица 2

Характеристика лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотическими средствами и сильнодействующими веществами

Показатель	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего привлечено к уголовной ответственности, тыс. человек, в том числе, %:	18,9	24,1	39,6	52,7	62,2	102,2	116,5	129,4	134,8
несовершеннолетних	8,7	8	7,1	7,2	7,6	8,6	7,2	5,7	5
лиц в возрасте 18-30 лет	62,5	61,3	61,4	59,8	60,6	63,7	65,8	65,8	65,4
женщин	6,5	8,8	8,8	10,6	13,3	11,6	13	14,2	17,1
лиц без постоянного источника дохода	53,9	48,3	58,7	58,6	61,6	64,2	66,6	69,7	72

Среди осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу, численность которых увеличилась за 1990-2000 гг. в 2,3 раза, доля осужденных за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими веществами и психотропными средствами достигла почти 10 % против 1,3 % в 1990 г.

Наркопреступность в разной степени затронула российские регионы. В целом по России количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в расчете на 100 тыс. населения в 2000 г. составило 167.

В двух регионах – Еврейской автономной и Самарской областях – уровень наркопреступности почти вдвое выше. В то же время в ряде национальных автономий Крайнего Севера ее практически нет (табл. 3).

Распространение наркотической зависимости среди населения российских регионов не всегда напрямую связано с уровнем наркопреступности. Существенную роль, по-видимому, играет уровень денежных доходов населения.

Таблица 3

Регионы с наибольшим и наименьшим количеством преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в 2000 г.

Число преступлений на 100 тыс. населения			
<i>Регионы с наибольшим количеством преступлений</i>		<i>Регионы с наименьшим количеством преступлений</i>	
Еврейская автономная область	385,3	Эвенкийский автономный округ	0
Самарская область	322,7	Корякский автономный округ	3,5
Новосибирская область	301,4	Ненецкий автономный округ	6,5
г. Санкт-Петербург	300,3	Чукотский автономный округ	11,3
Ростовская область	269,1	Коми-Пермяцкий автономный округ	27,8
Хабаровский край	267,6	Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	29,2
Астраханская область	265	Кировская область	49,5
Приморский край	255,3	Ивановская область	52

Так, Еврейская автономная область, в которой в 2000 г. отмечалось наивысшее значение зарегистрированных в расчете на 100 тыс. населения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, отличается более низкими показателями заболеваемости наркоманией.

В то же время в ряде автономных округов, специализирующихся на нефте- и газодобыче – Ханты-Мансийском, Таймырском и Ямало-Ненецком, – для которых характерен более низкий уровень наркопреступности, показатели взятых на учет с впервые установленным диагнозом наркомании самые высокие (рис. 7).

Самарская область, в которой располагается крупнейшее производство легковых автомобилей, отличается высокими показателями и наркопреступности, и заболеваемости населения наркоманией.

По данным Минздрава России, в целом по России к началу 2001 г. на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло 187 больных наркоманией в расчете на 100 тыс. населения, в Ханты-Мансийском автономном округе – 585, Самарской области – 518, Томской – 497 (рис. 8).

Впервые с установленным диагнозом наркомании за 2000 г. в целом по России был выявлен 51 чел. в расчете на 100 тыс. населения, а самые высокие показатели отмечались в Ханты-Мансийском автономном округе – 162, Таймырском автономном округе – 140, Самарской области – 128 и Ямало-Ненецком автономном округе – 123.

Лучшая методика борьбы с наркоманией – профилактика, поскольку, как показывает мировая практика, излечить от наркомании удается не более 2-3 % заболевших.

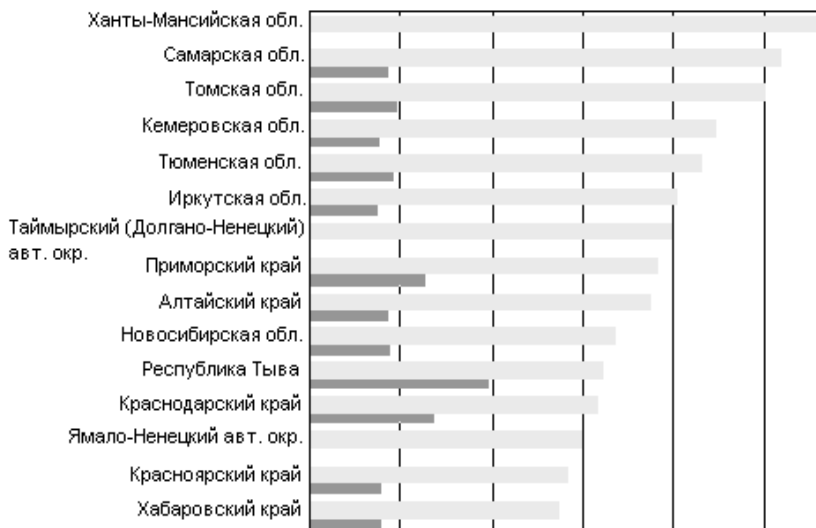

Рис. 7. Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях на конец года, по регионам-субъектам Российской Федерации в расчете на 100000 населения, 1995 и 2000 гг. (по автономным округам данные за 1995 г. отсутствуют)

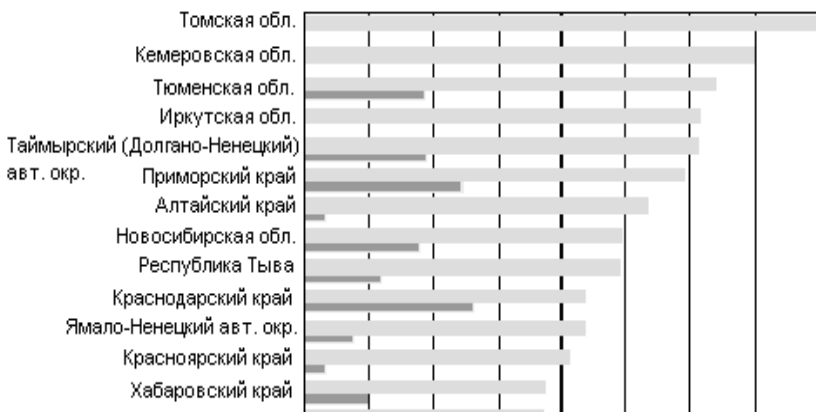

Рис. 8. Численность больных наркоманией, взятых под наблюдение с впервые установленным диагнозом, по регионам-субъектам Российской Федерации в расчете на 100000 населения, 1995 и 2000 гг. (по автономным округам данные за 1995 г. отсутствуют)

2.1. Алкоголь

Федеральной службой государственной статистики на основе массивов первичных неперсонифицированных данных по смертности, содержащих полный перечень причин смерти, были проанализированы данные за последние пять лет по причинам смерти.

Как видно из данных, приведенных в табл. 4, число умерших от алкогольной кардиомиопатии, дегенерации нервной системы, вызванной алкоголем, и хронического панкреатита алкогольной этиологии в 2005 г. составило 42210 чел., или 40,3 %.

Таблица 4

Смертность населения от причин, связанных с употреблением алкоголя, в 2005 г.

Причина смерти	Число умерших	Число умерших на 100000 населения
Хронический алкоголизм	5217	3,6
Алкогольные психозы	968	0,7
Алкогольная болезнь печени	15385	10,8
Случайные отравления алкоголем	40877	28,6
Алкогольная кардиомиопатия	38069	26,6
Дегенерация нервной системы, вызванная алкоголем	3754	2,6
Хронический панкреатит алкогольной этиологии	387	0,27
Всего умерших от вышеперечисленных причин	104657	73,1

Кроме того, для оценки проблемы злоупотребления алкоголем Росстатом регулярно разрабатывается информация об умерших (от всех причин) в состоянии алкогольного опьянения. В 2005 г. в состоянии алкогольного опьянения умерло 64686 чел., или 2,8 % всех умерших (мужчин – 49551, женщин – 15135). Следует отметить, что эта информация не полная. Врачи не всегда отмечают в медицинских свидетельствах алкогольное опьянение (чаще всего, по просьбе родственников).

В России смертность от случайных отравлений алкоголем в январе-феврале 2003 г. по отношению к аналогичному периоду 2002 г. возросла на 5,5 %, или на 409 смертей – до 7 тыс. 829 человек, сообщает Национальная алкогольная ассоциация. Жертвами некачественного алкоголя стали 18,8 тыс. чел. – на 500 человек больше, чем за первое полугодие 2002 г.

Увеличение количества смертей отмечено во всех федеральных округах, кроме Центрального и Приволжского. В частности, в Уральском

федеральном округе число погибших от отравления алкоголем увеличилось на 35,6 % – 921 случай, в Сибирском – на 14,5 % – 1428 случаев. В то же время число умерших от отравления алкоголем в Центральном федеральном округе в январе-феврале этого года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года уменьшилось на 4,1 % – 1948 случаев.

В Москве от отравления алкоголем в январе-феврале 2003 г. умерли 90 человек, что соответствует показателю января-февраля прошлого года, в Московской области – 442 чел. (прирост на 2,8 %), в Санкт-Петербурге – 186 (снижение на 9,7 %), в Ленинградской области – 89 чел. (снижение на 27,6 %).

За первые два месяца 2003 г. в России от отравления алкоголем умерли почти 8 тыс. человек. Об этом сообщила Национальная алкогольная ассоциация (НАА) со ссылкой на предварительные данные Госкомстата РФ.

Смертность от отравления алкоголем в России возросла за январь и февраль 2003 г. по сравнению с аналогичным периодом 2002 г. на 5,5 %, и составила 7829 чел.

Самый высокий рост смертности наблюдался в Уральском федеральном округе (с 679 человек в январе-феврале 2002 г. до 921 чел. в январе-феврале 2003 г.).

На втором месте – Дальневосточный федеральный округ (с 301 чел. в январе-феврале 2002 г. до 346 чел. в январе-феврале 2003 г.).

На третьем месте – Сибирский федеральный округ (с 1247 чел. в январе-феврале 2002 г. до 1428 чел. в январе-феврале 2003 г.).

Кроме того, в Уральском федеральном округе смертность в январе-феврале 2003 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года возросла на 242 чел.

Улучшилась ситуация в Центральном федеральном округе, где количество смертельных случаев от отравления алкоголем сократилось на 4,1 % и составило 1948 чел., а также в Приволжском федеральном округе – на 0,2 % до 1642 чел.

Эксперты связывают такое изменение статистики с быстрым развитием рынка суррогатной продукции. Всевозможные спиртосодержащие парфюмерно-косметические жидкости – одеколоны, лосьоны, очищающие средства – становятся все более употребляемыми у малоимущих и больных алкоголизмом граждан. Сделана такая продукция на основе непищевых – гидролизного или синтетического – спиртов.

Библиографический список

1. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН // <http://demoscope.ru/>
- Вып. 2. Россияне под колесами автомобиля.
- Вып. 4. Россия: демографические итоги XX века.

- Вып. 5. Российские самоубийства и российские реформы.
 Вып. 7-8. Новый официальный прогноз населения России.
 Вып. 19-20. Алкоголь и смертность в России: 1980-1990-е годы.
 Вып. 29-30. Смертность от внешних причин. Часть I.
 Вып. 31-32. Смертность от внешних причин. Часть II.
 Вып. 43-44. Шесть постсоветских стран: смертность до и после распада СССР.
 Вып. 45-46. Десять лет СНГ – десять лет миграций между странами-участниками.
 Вып. 49-50. Наркомания угрожает национальной безопасности России.
 Вып. 55-56. Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов?
 Вып. 69-70. Будущее населения стран СНГ глазами экспертов ООН.
 Вып. 73-74. Самоубийства и потребление алкоголя.
 Вып. 85-86. Растет ли российская рождаемость?
 Вып. 89-90. ВИЧ/СПИД на российских просторах.
 Вып. 91-92. Поколение, которое теряет Россия.
 Вып. 93-94. Разговор после «НОРД-ОСТА».
 Вып. 111-112. Этническое лицо контрабанды наркотиков.
 Вып. 115-116. Эмиграционные намерения элитарной научной молодежи. 2003, июнь.
 Вып. 117-118. Портрет российского наркомана.
 Вып. 119-120. Где хотят жить выпускники российских вузов?
 Вып. 125-126. Воспроизводство поколений россиян.
 Вып. 135-136. В России умирает слишком много детей.
 Вып. 137-138. Трудовая эмиграция российских ученых.
 Вып. 139-140. Демографические вызовы нового века.
 Вып. 143-144. Когда же закончится марафон алкогольной смертности?
 Вып. 145-146. Возможно ли снижение смертности в России?
 Вып. 151-152. Население России через 100 лет. Статья первая.
 Вып. 153-154. Население России через 100 лет. Статья вторая.
 Вып. 161-162. Смертность от самоубийств в странах «Большой восьмерки».
 Вып. 165-166. Вымирают ли народы Севера?
 Вып. 167-168. Мифы, легенды и реальность российского высшего образования.
 Вып. 169-172. 40 лет снижения продолжительности жизни россиян.
 Вып. 181-182. Маргинализация российской смертности.
 Вып. 187-188. Перспективы борьбы с ВИЧ/СПИД в России.
 Вып. 215-216. Российская половозрастная пирамида.
 Вып. 217-218. Итоги и перспективы российской урбанизации.
 Вып. 227-228. Россияне умирают слишком рано.
 Вып. 237-238. Новейшие тенденции формирования семьи в России.
 Вып. 239-240. Преступление и наказание в России.
 Вып. 251-252. Сколько людей говорят и будут говорить по-русски?
 Вып. 263-264. Во власти зеленого змия.

Вып. 265-266. Алкогольная политика: мировой опыт и российские реалии.

Вып. 267-268. Особенности российской рождаемости.

Вып. 275-276. Наркологические расстройства в России.

Вып. 277-278. Дефицит рабочей силы: русский крест-2?

Вып. 301-302. Алкоголь и преждевременная смертность в России (на примере Ижевска).

Вып. 311-312. Смертность в России: долгожданное снижение?

2. Динамика смертности населения России http://www.gks.ru/free_doc/2007/demo/smert.htm.

3. Федеральная служба государственной статистики: Демографический ежегодник России – 2007 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/Main.htm.

УДК 1 (075.8)

ПОСТИЖЕНИЕ «ДРУГОГО»: ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР РУССКОЙ МЫСЛИ

В.С. Фунтусов, Дальрыбвтуз, Владивосток

В работе анализируется один из значимых пластов русской философской мысли – восточный вектор концептуального оформления всеединства как фундаментального направления отечественного дискурса в оформлении национальной идентичности.

В качестве преамбулы сформулируем несколько основополагающих эпистемологических аксиом культурологического и антропологического порядка, которые позволят освятить проблемное поле данной работы.

Первое. Ни одна живая культура не находится в статике или в абсолютной динамике. Процессуальность культуры есть ее сущностная бытийственность, которая всегда детерминирована, по крайней мере, двумя блоками ее существования – потенциальной и актуальной, осуществляющих систему «сдержек» и «прорывов», к стремлению перекombинировки компонентов архаической и традиционной системы с целью поиска компромисса с новым и актуально необходимым фактором. Таков механизм перекombинировки объективно и жизненно необходим для любой культуры – иначе она исчезает как субъект исторического процесса. Сам же процесс *перекombинировки* носит тотальный характер для всех сфер культуры, включая и философский компонент, внутри которого вырабатываются новая ментальность и новая познавательная стратегическая матрица.

Второе. Фундаментальным фактором динамики от старого к новому в культуре является универсальный *изоморфизм* всех структурных элементов целостности культуры – антропологического, ментального,

индивидуального, коллективного, художественного, морального, эпистемологического, цивилизационного²⁴. Сам же этот процесс опирается на глубинную, первотектональную платформу бессознательного, архетипического, былого данной культуры. Эти пласты, «дремлющие уровни» архаической ментальности, всегда готовы, при благоприятных условиях, к пробуждению и деятельности в новых рамках осуществляющейся культуры.

Третье. Специфика каждой этнической культуры заключается в том, что на протяжении истории ее существования в ней выделяются значимые *дуальные оппозиции*, составляющие фундаментальные основания как ее процессуальности, так и ее ценностного осмысления. В качестве таковых оппозиций в структуре этнического самосознания выступают компоненты «Мы» и «Они». В свою очередь, «Они» – как культурантропологические маргиналы – играют важную роль в формировании этнической идентичности, поскольку их присутствие ставит под вопрос о том, кто есть «Мы», а внутри этого «Мы» кто есть «Я» и кто для него «Другой». Исследовательский акцент на суверенности, самобытности какой-либо культуры, рассматриваемой вне поля взаимодействий и взаимовлияния с другими культурами, с необходимостью приведет как к изоляции одного компонента культуры от других, так и к его фетишизации за счет утраты и потери целостности. «Другой» как элемент этнокультурного самосознания имеет статус как эпистемологической, так и онтологической необходимости для моего «Я-сознания». «Другой» выступает не только в качестве этнокультурного маркера, но и выполняет глубинную селективную работу в структуре сознания, непрерывно подвергая проверке, пересмотру функциональность ценностных факторов как моей культурной жизни, так и осмысления моей культуры. «Другой» как сторона «инаковости» объективно выступает в качестве энергетического толчка в движении культурного пространства, не давая времени на самовлюбленный покой, остановку или беззаботный сон моей культуры. «Другой» подстегивает мое сознание к действиям, ответу, диалогу, полилогу, образуя атмосферу интерсубъектного деятельно-го полифонизма²⁵.

Все три аксиоматические положения в полной мере приложимы к русской культуре и, разумеется, не исчерпываются только этими, указанными выше тремя. Акцентуация на других необходима, но она выводит за рамки поставленной проблематики. Подчеркнем лишь, что в русской культуре в целом, а в ее философской мысли в частности, было, по крайней мере, два ясно артикулируемых «Других» – alter ego национальной топики – Запад и Восток. Взаимодействие с Востоком по

²⁴ См.: Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1998.

²⁵ О необходимости преодоления абстрактного «гносеологизма» в понимании природы сознания и включении «Другого» как объективного момента диалогического сознания говорил М.М. Бахтин. Он же ввел неологизм «полифония». См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

своему накалу судьбоносных страстей в русской культуре не уступало транскulturологической энергетике с Западом.

Интерес к Востоку в русском обществе всегда был не поддельным, не инструментальным, не временным, а исходил из глубинных *собирательных* особенностей русской истории и русского самосознания, из толерантной этносоциальной политики и геостратегической линии русского государства – линии, охватывающей практически весь период существования России.

Выдающийся отечественный востоковед, академик В.В. Бартольд, исследуя дохристианский период Древней Руси, справедливо заметил, что этот период был временем наиболее тесной экономической и культурной связи ее с Востоком²⁶. Не только Запад (Европа), но и Восток уже в середине 1 тыс. до н.э. прочно вошел в плоть и кровь языковой, культурной общности славян, составлявших органичный компонент *праиндоевропейского единства*²⁷. Единое восточно-западное этнокультурное взаимодействие проявлялось на всем евразийском пространстве от берегов Среднеземноморья до Сибири²⁸. Этот бурлящий этногенетический «котел» непрерывно выплескивал лавы первых евразийских империй: Александра Македонского, Римской, степных империй Центральной Азии, и этим лишь закреплял миграционную потребность на-

²⁶ См.: Бартольд В.В. Восток и русская наука // Соч. Т. 9. М., 1977. С. 534. Отметим, что, используя в своем лексиконе понятия «Восток», «Запад», этим самым отдаем должное скорее прежней культурологической традиции, чем современным методологическим принципам многообразия субъектов исторического процесса. Еще академик Н.И. Конрад справедливо замечал, что такие «понятия, как «Европа», «Азия», «Африка» и т.д. – понятия географические, а не исторические. В лучшем случае они принадлежат исторической географии. Также весьма ненадежны такие понятия, как «Восток» и «Запад». См.: Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1966. С. 473.

²⁷ См.: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 49-52. Им же сделано важное методологическое замечание относительно языковой (а следовательно, и человеческой) общности: «Праиндоевропейский с самого начала был группой диалектов, точно так же с самого начала был группой диалектов и праславянский язык. ... праславянский словарный состав в силу своей естественной полидиалектности не мог и не должен был быть достоянием одного (индивидуального) праславянского языкового сознания. Надо исходить из собирательного характера носителя праиндоевропейского, праславянского, как, впрочем, и любого другого лексического фонда». Там же. С. 94. См. также: Седов В.В. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. М., 2005. С. 20-39. Лингвистические исследования Абаева В.И., Гамкрелидзе Т.В., Георгиева В., Горнунга Б.В., Иванова Вяч. Вс., Филина Ф.П. подтверждают длительный эволюционный процесс становления языкового славянского фонда, вобравшего многообразие этногенетических взаимодействий. См. также: исторические исследования В.Н. Даниленко, Б.А. Рыбакова, А.Г. Кузьмина, И.Я. Фроянова, Ю.А. Шилова и др.

²⁸ См.: Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М., 2003. С. 84-107. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. Этнокультурное взаимодействие в Евразии. В 2 кн. М., 2006.

родов, создавая языковые, культурные союзы межэтнической общности. Появление и распространение мировых религий – результат поиска и констатации универсального факта, что в этническом разнообразии есть духовное единство народов, вступивших на первый этап глобализации исторического процесса. Культурное влияние на восточных славян (Русь) шло с Юга, Севера, Запада и Юго-Востока при культурной доминации Византии. Русь вбирала и несла в себе фрагменты, *информационно-нравственные, культурные коды целостности* языческой и «зародыши» мировых культур – Востока и Запада. Это органичное единство духовных (разумеется, и материальных) элементов языческой целостности Востока-Запада даст возможность не «сразу», а постепенно, эволюционно «впитывать» Руси достоинства новой веры²⁹. Шел двувстречный, культурный процесс: «охристианивания» язычества и «оязычевания» христианства, и герои-святые постепенно сменяли, вытесняли (но не вытеснили) героев эпических.

Культь эпических героев подготовил духовно-нравственную основу для восприятия культа святых в широкой среде населения. Былинные герои формировали общественные добродетели: «защитник», «заступник», «подвиг», «терпение», «чудесная сила», которые в последующем трансформируются в культе христианских святых. Само понятие «святой», с корнем svet, по мнению В.Н. Топорова, происходит от индоевропейского корня (k' uen-to-) со значением «набухание», «наполнение», «разрастание»³⁰. О нерасторжимой духовно-нравственной *синергичности* язычества и нового православного христианства говорит тот исторический факт, что первые русские святые Борис и Глеб явили собой новый, *кенотипический*, тип святости, который имел, по всей видимости, глубинные корни в культурном языческом прошлом Руси. Ведь дистанция в 27 лет от официального принятия христианства на Руси до подвига не могла сформировать как сам подвиг, так и духовную реакцию на него в широкой среде русского народа того времени. Выявленный духовный пласт древнего бытия славян русскими новыми «святыми страстотерпцами» ценностно закрепляет моральные аксиомы «терпение», «непротивление злу силою» как важнейшие доминанты русского духа, которые в последующем будут оплачены неисчислимыми жертвами и трагедиями в историческом движении русского народа. Но сам компонент «непротивления»,

²⁹ См.: Фроянов И.Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 788. Здесь мы встречаем, пожалуй, первый культурный феномен в истории Руси «забегания вперед», когда принималось (официально) христианство, язычество, не исчерпав себя, продолжало полноценно функционировать.

³⁰ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1. С. 265-266. Он же утверждает, что понимание святости на Руси связано с индоевропейской трехчленной системой понимания событий в мире. См.: Носова Г.А. Язычество в православии. М., 1975; Клибанов А.И. Духовная культура Средневековой Руси. М., 1996; Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. СПб., 2001.

«покорности», «терпения» отражал то былое духовное *взаимоединство праиндоевропейской общности народов*³¹.

С принятием христианства на Руси открылся новый *книжный* канал приобщения русских к древним культурным традициям Востока. И он «открылся» тоже не сразу, не внезапно, а явился результатом развития «тысячелетних связей с северочерноморской греческой культурой на Восточно-Европейской равнине», – отмечал Д.С. Лихачев³². Книжная византийская традиция (разумеется, через призму своей книжной традиции, через свое мировидение) мощно транслировала свое представление о мире, истории, народах. Сочинения отцов церкви, жития христианских подвижников (многие из которых были выходцами из Египта, Малой Азии) содержали множество реминисценций из исторических сведений Древней Греции и Рима о Востоке. Важным источником мировоззренческой информации о Востоке для древнерусского книжника стали универсальные сочинения Иоанна Дамаскина, «Физиолог», роман «Александрия», «Шестоднев» Василия Великого, «Христианская топография» Космы Индикоплова, историческая хроника Георгия Амартолы, «Повесть о Варааме и Иоасафе», «Повесть об Акире Премудром», «Откровение» Мефодия Патарского, «Хождение Зосимы к рахманам», «Сказания об индийском царстве». «Повесть о Варааме и Иоасафе» в течение длительного времени была своеобразным бестселлером на Руси. В основе ее лежат сюжеты из жизни Будды (само имя Иоасаф происходит от *ботхисаттв* через пехлевийскую форму – Будасф). По данным исследований, в первые века нашей эры санскритский текст жизнеописания был переведен манихеями и получил широкое распространение в Центральной Азии и попал в Византию. В последующем Вараам-пустынник и индийский царевич Иоасаф были даже причислены к лику святых христианской церковью³³.

³¹ Г.П. Федотов, осмысляя парадоксальность первых святых Руси, заметил, что «святые «непротивленцы» по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов». См.: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 36, т.е. становятся символом русского воинства, призванного с оружием защищать землю русскую. Современная разработка духовного феномена подвига Бориса и Глеба дана в исследовании «Святые князья-мученики Борис и Глеб». СПб., 2006. Связь святости русского кенозиса с восточной духовностью проявляется в параллелях между русским характером «непротивленчества» и индийским, глубоко актуализированными в работах Л.Н. Толстого и М. Ганди. О высокой степени «открытости» социальной организации славян до принятия христианства, о нравственно-духовных основах большой братской семьи, «института деревенских жителей», регулирующих порядок оседлого быта и землепользования, говорил академик Г.Г. Литаврин. См.: Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 525-547.

³² Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 38.

³³ См.: Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI – середина XV вв.). М., 1988. Бонгард-Левин Г.М. Индия: Этнолингвист. История, политико-социал. структура, письменное наследие и культура древности. М., 2003. С. 311-316. О Будде как прототипе этой легенды хорошо знал Н.Ф. Федоров. См. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 251.

Все эти произведения приносили не столько реальные исторические сведения о народах Востока (ведь русский книжник, следуя византийской традиции, всерьез противопоставлял книжных «рахманов» – брахманов – реальным индусам), сколько накладывали христософские парадигмальные детерминанты на мировосприятие средневекового русича, формировали новые религиозные координаты исторического пространства – пространства культурные и далекие от реальных исторических координат (к примеру, Индия – это земля возле рая). Но русский книжник-летописец не только строгий эпигон византийской традиции, бесстрастный фиксатор (но таким он как раз и не был) исторических событий своей отечественной истории, но и исполнитель княжеского заказа на легитимизацию «своего» присутствия во всемирной истории, вписанной в контекст не иначе как библейской, да и сам включался в процесс сотворчества, соавторства, вносил свои, личностные, пристрастия – был своеобразным «соредактором текста»³⁴.

Византийская традиция не только открыла культурно-книжный «канал» связи Руси с европейским и восточным наследием, но и по-своему сузила его, доведя до «нужных» христологических стандартов и стилей, направила историческую мысль в русло «*иеротопизации*» географических и исторических реалий, взбудоражив интеллектуальную иммагинацию летописца³⁵. Процесс *иеротопизации* займет длительный исторический промежуток времени и, охватывая по преимуществу верхние слои общества, будет выражать и утверждать силу официальной, государственной культуры, которая, в свою очередь, и базировалась на ценностных потребностях всего общества, но не охватывала их всецело. Тем не менее концепты «*Святая Русь*», «*Москва – Третий Рим*» выражали новый путь сакрализации, идущий хотя и из византийской

³⁴ См.: Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 44-45. «Летописи-хроники, летописные своды, повести, включенные в летописи, вплетались друг в друга, переделывались, соединялись в разных комбинациях и сочетаниях. Дошедшие до нас поздние списки представляют собой причудливое переплетение разных эпох, мыслей, разных тенденций, литературных стилей», – писал академик Б.А. Рыбаков. См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1993. С. 110. Показательна в этом случае и сама «Повесть временных лет», где княгиня Ольга сравнивается с царицей эфиопской, прибывшей к Соломону, взаимоотношения между русскими и хазарами сравниваются не иначе, как и исходом Моисея из Египта. Переделки, вставки были привычным делом летописца, которые в последующем породили долгие источниковедческие дискуссии о реальной истории Руси. Большой вклад в исследование летописного фонда внес А.А. Шахматов. Историческую справедливость по варяжскому вопросу внесли, начиная М.В. Ломоносова, такие историки, как В.Н. Татищев, С.А. Гедеев, Д.И. Иловайский, Е. Классен, Н.И. Костомаров, позднее – Б.Д. Греков, Б.А. Рыбаков, А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин и др.

³⁵ Термин «иеротопия» введен А.М. Лидовым от «иерос» – (священный) и «топос» – (место, пространство, понятие). Иеротопия – это особый вид творчества в сакрализации географического и исторического пространства. См.: Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 9-48.

традиции, но стремящийся охватить всю ментальность русского социума. Кроме того, тысячелетняя традиция коллективного бессознательно-го, исходящая из глубин языческой культуры, будет «продолжать» жить своей памятью, новой официозности не подвластной. Двоеверие – важнейший духовный феномен, отражающий как раз не всеобщий, целостный процесс освящения, а однонаправленную линию сакрализации, что, в конечном итоге, организует сложный, амбивалентный характер русской духовности³⁶.

Поскольку этот феномен будет иметь глубоко идущие последствия и лежать в плоскости теоретических дебатов в кругах русской религиозной интеллигенции, вкратце остановился на нем. «Все, что не свято или сакрализуется с трудом и без уверенности в успехе, кажется, не заслуживает внимания. В оппозиции сакральное-профаническое узревает (преимущественно) лишь первое, только оно ценится, а профаническое игнорируется или находится в небрежении, борьба за него ради его освящения не ведется или ведется недостаточно (иное дело – активные силы зла, роль которых по старой, идущей от древнеиранской традиции привычке нередко гипертрафируются). Отсюда крайности духовного максимализма, невнимание к прозе жизни, к злобе дня, недостаток подлинного духовного трезвления»³⁷. Так, большой «зазор» между сакральным и профанным порождает целый вектор противоречий: существенную дистанцию между властью и народом, между «большим» и «маленьким» человеком («ветошкой»), между жестким «централизмом» власти и всегда застойным, консервативным «регионализмом» народного исполнительства. Так, исторические коллизии российской жизни циклично воспроизводили этот «зазор» в абсолютную пансакральность власти и ничтожность профанного, повседневного, что, в конечном итоге, приводило к фатальному дистанцированию, отчуждению власти (монархической, коммунистической, псевдодемократической) от народа. Отсюда и феномены «ломки» властных режимов, быстрый переход цивилизационных границ, ужасных бунтов, реформ «сверху» и экзотических восприятий различных форм политической новизны, ожидаемый быстрых перемен в реалиях быта.

Неравномерный, длительный и сложный по составу символический, противоречивый процесс иеротопизации сформирует тот «сфинкс», ту «вещь-в-себе», ту социокультурную «матрицу» миропонимания, попытки «раскрыть», «распредметить» которую начались, пожалуй, со старца Филофея и продолжатся до настоящего времени.

³⁶ Справедливости ради стоит отметить, что в процессе перевода книг из Византии на Русь хлынул поток книг языческой культуры, чем и укрепил двоеверие в широких слоях народа. См.: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. Репринт. Изд. 1914 г., М., 2003. С.282-283.

³⁷ Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т.1. С. 546-547.

Но на каждом крутом витке исторического российского процесса вопросы «Кто мы?», «Откуда мы?» будут остро стоять в поисках идентификации, обращенной к незримой «матрице» русского бытия. Иеротопизация не только сконструирует эту «матрицу», предварительно законсервирует, но и даст мощный импульс в поисках открытия нового канала российской истории – канала *географического*, лежащего в плоскости геополитической стратегии русского государства.

Чем полнее и длиннее на Восток формировался географический канал Руси (вплоть до России с ее восточными окраинами), тем рельефнее, реалистичнее вырисовывался образ Востока, изживались сказочные, мифологические сюжеты. Кровавый контакт с хазарами, половцами, монголами накапливал нужную для государственного строительства этносоциальную информацию с целью вбирания в себя все большего географического массива³⁸. И здесь, в этой тенденции расползания, диффузности стремительным движением русских на Восток от одного центра (Киева) к другому (Москва) и дальше от него к перифериям (Казань, Урал, Сибирь, Дальний Восток), устремленностью за горизонты видимого и изведенного, навстречу восходящему солнцу – символу новой возрождающейся жизни – архетипическому символу былой, дохристианской жизни своих предков была своя, *космотопическая, логика истории*³⁹. Пустыни и скиты, странничество и казачья вольница, поиски Китежа и Беловодья (а в последующем – Шамбалы), непрерывные искания птицы-счастья, правды – все это формировало тот неповторимый поиск русской идентичности, что станет основой ментальности России, ее «соборности», ее «всемирной отзывчивости». Именно *восточный вектор*, ее «расползание» на Восток станет объединяющей основой России. *Тенденция от себя, от своего центра будет и тенденцией обретения себя по существу!*

Географический (а точнее – этногеографический, по мере непрерывного вливания новых этносов в море Российской империи) канал будет стимулировать ориенталистскую политику русского государства, академическую мысль, устремления литературной, художественной, философской интеллигенции. Российской академии наук, университетам, лицеям, музеям, профессиональным обществам, журналам изначально была чужда национальная замкнутость и изолированность. В этом аспекте к концу XIX столетия (когда Россия получила законченное

³⁸ См. концепцию С.Н. Трубецкого о положительном влиянии политики Чингисхана на государственное строительство Московского царства.

³⁹ Восточный вектор антропогенеза (навстречу восходящему солнцу) был самым древним, датируемым 2,5-2 млн лет назад. См.: Зубов А.А., Васильев С.В. Антропологические свидетельства древнейших миграций человека // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. В 2 кн. Кн. 1. С. 49. См.: Вернадский Г.В. О движении русских на восток // Арабески истории. Вып. 3-4. «Русский разлив». Т. 2. С. 45-54.

геостратегическое оформление) выделяются следующие направления в исследовании восточной тематики:

1. Официально-государственные учреждения, министерства (дипмиссии в странах Востока).

2. Академическое, университетское направление (Азиатский музей Петербургской академии наук, университеты в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове, Казани, Дерпте, Вильно), охватывающее научную деятельность Н.Я. Бичурина, В.В. Бартольда, В.П. Васильева, В.В. Григорьева, Б.А. Дорна, О.М. Ковалевского, Г.С. Лебедева, И.П. Минаева, Г.П. Павского, А.В. Попова, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского и др.

3. Религиозно-духовное направление (Илларион Лежайский, Осип Дьяконов, Илларион Россохин, Алексей Агафонов, Алексей Леонтьевич Леонтьев, архиепископ Нил, иеромонах Мефодий и др.).

4. Литературно-художественное направление (Д.К. Кантемир, Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов, Г.С. Батеньков, П.И. Пестель, А.С. Пушкин, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Г. Гарин-Михайловский, А.А. Блок, К. Бальмонт, И.А. Бунин и др.).

5. Религиозно-эзотерическое направление (Е.П. Блаватская, Г.И. Гурджиев, П.Д. Успенский, Н.К. и Е.И. Рерихи).

6. Социально-антропологическое направление (фольклористика) – (Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Б.Я. Владимирцов, Г.Ц. Цыбиков, Э.К. Пекарский, А.Н. Веселовский и др.).

7. Музыкальное направление (творчество Б.В. Асафьева, М.И. Глинки, С.И. Танеева, П.И. Чайковского, М.П. Мусоргского, А.Н. Скрябина, И.Ф. Стравинского, Л.Л. Сабанеева, С.В. Рахманинова, А.Н. Римского-Корсакова, А.С. Лурье и др.).

Дыхание Востока пронизывает буквально всю *идеосферу* русской интеллигенции XIX – начала XX столетий. Восточная тематика в XIX веке начинает широко представляться в журналах: «Азиатский Вестник», «Восточные Известия», «Северная Пчела», «Северный Архив» и др. И.Н. Березин стал выпускать серию трудов «Библиотека Восточных историков», с 1897 г. стала выходить серия «Библиотека Буддики» и русская буддология по праву займет ведущее место в мировой буддологии. И это не локальная потребность русской мысли, а один из важнейших фрагментов всего интеллектуального европейского сознания, внутри которого формировалось российское образование. В российской исследовательской среде будут широко известны европейские ориенталисты: Э. Бюрнуф, С. Билль, Р. Гарбе, У. Джонсон, Дж. Дэвис, П. Дойсен, С. Жульен, Т. Рис-Дэвис, П. Реньо, Т. Кольбрук, А. Краузе, Ф. Майер, М.Ф. Мюллер, Г. Ольденберг и др.⁴⁰

⁴⁰ См.: Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000; История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 350-371; Щетинина Г.И. Идеальная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX вв. М., 1995.

Концептуальные поиски целостности, универсальности исторического процесса с необходимостью приводили к оценке роли восточных культур в развитии мировой, общечеловеческой цивилизации. Ориенталистские взгляды Лейбница, Гете, Гердера, Гумбольдта, Шеллинга, Шлегеля, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше прочно войдут в русский философский дискурс и будут неотъемлемым его компонентом (как с позиции союзника, так и с позиции жесткой критики). «Не под одними платанами Иллиса, но и под пальмами, и по берегам Ганга и Нила бродили философские умы, – писал Шеллинг, – пусть даже оттуда не доносилось до нас никакого внятного, решительного слова, а, самое большее, лишь неопределенные голоса; однако уже ранние, как и более поздние, философы Греции, Пифагор, как и Платон, были знакомы с вопросами, ради ответа на которые, как они считали, стоило труда идти даже на край земли, равно как умирающий Сократ призывал своих учеников и к варварам обращаться за мудростью. А сколько столетий – и каких содержательных столетий – пронеслось тем временем над человеческим духом; как сначала при помощи перенесенного в Европу христианства, затем благодаря почти неограниченно возросшим в современную эпоху мировым связям Восток и Запад не просто соприкоснулись, а словно были вынуждены *проникнуть друг в друга* в одном и том же сознании, в сознании, которое уже на одном этом основании должно было бы расширяться до мирового!»⁴¹.

Это осознание *единства как всеединства, взаимоединства, взаимопроникновения* и в то же время стремление осмыслить взаимопроницаемость этноисторического процесса на основе *всеразличия*, уникальности, самобытности культур, не подпадающих под какой-либо, пусть и универсальный, стандарт – все станет темой острых дискуссий и философских рефлексий. Судьба собственной страны, ее культура, традиции, уклад жизни многомиллионных этносов, осевших на землях от Балтики до Тихого океана – это с одной стороны, а с другой – воинственно-оппозиционирующийся Восток (в лице Турции) и «наседающий» Запад (с его рационалистическими проектами быстрых реформ в областях социального и промышленного прогресса, к тому же с нарастающим геополитическим аппетитом с целью исключить восточного соседа как конкурента в азиатской политике) – все насущно требовало теоретического осмысления. Обуюдоострый выбор тематизации будущего России судьбоносно врывался в философский дискурс. Военные драматические события в XIX в. в корне заставили переосмыслить фактор «Другого» в этнокультурной российской идентичности и по-новому «*обрести Себя*» в интеркультурном пространстве.

⁴¹ Шеллинг Ф.В.И. Философия откровения. СПб., 2000. Т. 1. С. 36-37.

**ОЦЕНКА БУДДИЗМА В РАБОТАХ В.С. СОЛОВЬЕВА
И В.А. КОЖЕВНИКОВА**

В.С. Фунтусов, Дальрыбвтуз, Владивосток

Анализируется отношение двух религиозных мыслителей к буддийскому философскому дискурсу, акцент сделан на их компаративистском вкладе в исследование роли восточных культур в становлении всемирной истории.

Компаративистский подход в оценке восточных культур, осуществленный Владимиром Соловьевым, во многом продолжит исходные позиции П.Я. Чаадаева и А.С. Хомякова. Концепция В.С. Соловьева основывалась на дохристианской, всечеловеческой ее истории. Оставаясь внутренне убежденным христианским мыслителем, Вл. Соловьев верил в человечество как в реальное существо⁴², это, *во-первых*, существо (человечество), которое является подлинным субъектом всемирной истории, и специфическая особенность этого субъекта состоит в том, что он – *собирательный организм*. Человечество как собирательный организм состоит из частей (органов), и каждая часть связана и взаимодействует с целым. Связующая сила всех частей в единое целое и составляет закон существования и человечества⁴³. Человечество как цельная единая органическая сущность может существовать лишь в своих взаимосвязанных и взаимодействующих противоположностях, стороны которых символизируют Восток и Запад. Человечество как живой единый организм развивается от простого состояния к сложному состоянию, от низшего к высшему состоянию. Человечество относится к племенам и народам, входящим в него, как реальный живой организм к своим органам, и нормальное функционирование которых определяется хорошим состоянием всего тела Человечества. Каждая часть, каждый орган (народ) имеет в себе самом свою собственную цель, свое назначение, и этим назначением он связан и способствует синергийно осуществлять назначение всего человечества. Объективно существует взаимосвязь и потребность во взаимосвязи всех народов, культур друг в друге. *Это первое*, что составляет базисную, имманентную основу интереса В.С. Соловьева к восточной культуре.

Второе – это то, что органическая, взаимосвязанная цельность Человечества должно быть понято и осмыслено цельным знанием, цельным и единым духовным элементом, каковым, по Соловьеву, должно являться христианство по сути и по назначению. Но христиан-

⁴² См.: Бердяев Н.А. Основная идея Вл. Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra. СПб., 2002. Кн. 2. С. 690.

⁴³ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 144-145.

ство изменило своему назначению в истории и раскололось на западную и восточную части. Глубоко переживая трагедию раскола христианства, Соловьев искал выхода из этой исторической коллизии, призывая объединить усилия христианских церквей в русле взаимосвязанной духовной политики в мире. Соловьев усиленно штудирует Талмуд, Кабалу, сочинения гностиков, восточную патристику с целью обнаружения там истоков раскола. В последующем этот интерес расширится до изучения культур Индии, Китая, Японии. Стремление перешагнуть границы собственной культуры, веры для Соловьева было в высшей степени характерно. Оставаясь православным, он принимает католическое вероисповедание. Духовный акт «соловьевского» поступка вместил в себе идею примирения Востока и Запада христианского духа, идею сочетания космического и личностного начал в человеческой природе. Личностный поступок объединил должное и существующее в христианстве. Но это *должное* стало преобладающим над существующим в реальной истории, что, в конечном итоге, и определило появление утопического момента в его оценке всемирно-исторического развития человечества, ведомого, по его мнению, прогрессивными идеями христианства. Созданная Всеединная Христианская Церковь будет отвечать задачам развития Человечества. Апелляция к новому христианству как к ведущей смысловой силе Человечества исходит из логики развития всемирной культурной истории.

Третье – это то, что сама всемирная история выявила определенную смысловую тенденцию. На одном этапе проявился Восток с его огромным потенциалом духовно-космической культуры, но его мощь обернулась безразличием к свободе индивида, его подавленности и незащищенности. На другом этапе проявился Запад с его титаническим акцентом на человеческую личность, возрастающую до человекобожия, антропоцентризма, атеизма и необузданных свободолюбивых начал, эгоистических притязаний. Между Востоком и Западом проявляется третий этап – Россия с ее культурной традицией Святой Руси, которая выступает с позиции примирительной миссии с санкции всемирной истории человечества. Святая Русь выступает как некое идеальное задание человечества соотнести святость глубоких духовных созерцаний восточной культуры (прежде всего, Индии) со святостью милосердных дел западного христианства. «Только Славянство, и в особенности Россия, ...могут историческим проводником третьей» духовной силой человечества. «Широкая всепримиряющая политика – имперская и христианская – есть единственная национальная политика России, ...как высшая сила мира и правды, отдающая всякому свое». Только она одна в своем бытии показала подлинную «семью народов», включив в свой состав многорелигиозные этносы западно-восточных вероисповеданий: католики и протестанты, мусульмане и иудаисты, православные и буддисты. Христианская Русь вынесла на себе, испытала все тончайшие формы интеграции народов с максимальным способом сохра-

нения их культуры. Поэтому Россия есть пролог будущего всечеловеческого единства, синтез Востока и Запада⁴⁴.

Четвертое – это то, что подобная культурологическая санкция давала ему основание (как и Гегелю) рассматривать другие культуры и верования как историческую прелюдию к христианству⁴⁵. Высоко оценивая универсальность, международную направленность буддизма от Индии к Китаю и Японии, признает, несмотря на то что он обладает удивительной пластичностью, приспособляемостью, все же содержит в себе элементы замкнутости, что только проникновение идей христианской религии дало ей возможность общаться с миром полноценно и проявлять свою национальную даровитость. Штудируя только что вышедший в 1888 г. труд С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая», работы европейских синологов, В.С. Соловьев заключает: «Идеалы китайца всецело принадлежат прошедшему, он смотрит назад, а не вперед, и если, подобно Конфуцию, хлопочет о реформах, то эти реформы представляются ему как устранение пагубных нововведений, как полнейшее возвращение к старине»⁴⁶. Стремление к абсолютному затемняется к безусловному прошедшему и у основателя даосизма – Лао-Цзы. Вообще же не сами китайцы, а их ложный жизненный строй – это то, «что разобщает этот народ с прочим человечеством», делает его исключительной противоположностью европейской культуре⁴⁷. Принцип отеческой власти, пронизывающий собой всю социальную иерархию китайского общества, власть прошлого над настоящим и будущим, трудолюбие, семейные устои, отождествление себя с природой – все это, по его мнению, оборачивается равнодушием к другим, верой только в себя. Поляризация культурных традиций может «накалиться» и привести к мировому столкновению. Синобоязнь В.С. Соловьева исходила и из возможного альянса Китая с Японией. Наступление «желтой расы» неизбежно, и оно будет результатом жесткой экспансии Запада на Восток. Восток будет мстить Западу за его колонизацию. Здесь он мыслит в парадигме «вызов-ответ», которая в XX столетии примет академическую форму в культурологии. При этом, замечает он, обнаруживается парадоксальный факт: люди китайской культуры сами ищут контакта с христианской религией, в то время как европейцы «начинают искать утоления своей духовной жажды в религиях восточных, и особенно в буддизме»⁴⁸.

⁴⁴ Соловьев В.С. Полное собр. соч. и писем. В 20 т. М., 2000. Т. 1. С. 138; Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 30. См.: С. 19-31; С. 59-167; Т. 2. С. 219-246; С. 604-605; См.: Рашковский Е.Б. Владимир Соловьев: учение о природе философского знания // Вопросы философии. 1982. № 6. С. 81-92; Сербиненко В.В. Вл. Соловьев: Запад, Восток и Россия. М., 1994.

⁴⁵ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1988., Т. 1. С. 327-328.

⁴⁶ Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1923. Т. 6. С. 117-118.

⁴⁷ Там же. Т. 6. С. 97.

⁴⁸ Там же. Т. 6. С. 173. См. также: Сербиненко В.В. Дальневосточная тема в русской философии XIX в. // Евразийская идея и современность. М., 2002. С. 155-169.

Буддизм В.С. Соловьев пытается вписать в систему всеединства. Он признает за ним ряд достоинств: 1) в буддизме личность впервые начинает цениться не как член рода или касты, а как носитель высшего сознания; 2) буддизм положил начало свободной нравственной личности; 3) буддизм открыл новую стадию религиозного сознания – универсальной, всечеловеческой. При всем этом буддизм сохраняет в себе ряд пороков или отрицательных черт: 1) отвлеченность; 2) отрицательный характер учения; 3) нигилизм к жизни; 4) чужд к действительному собиранию живых существ во вселенское царство; 5) безразличие к высшим вопросам бытия, так как само бытие отрицается и т.д. «В глубочайшей своей сущности буддизм есть не только религия отрицания, но и самоотрицания. ...Жизнь есть обман, от которого нужно освободиться, но никакому буддисту не придет в голову мысль о воскресении... Пробужденный мудрец становится богом сам, собственным актом своего сознания и воли: он есть *самобог*, бог *самодельный*. ...Буддизм познает только низшее, только пустое, а высшее и совершенное им не познается, а только требуется: нирвана есть только постулат, а не идея абсолютного блага... Сами по себе они не только ничего не дали, но и ничего не обещали. Было от века противоположение «нирваны» и «сансары» – пустоты блаженной для духовно пробуждающихся и пустоты мучительной для духовно спящих, и был непреложный закон причиняющих дел и причиненных состояний (*карма*), который путем бесчисленных перерождений ведет существо из мучительной пустоты в пустое блаженство. Как это было до Будды, так осталось и после него и останется до бесконечности»⁴⁹.

Разумеется, подобная трактовка идей буддизма русским философом должна быть скорректирована и понята из контекста идеологической полемики того времени и наличия исследовательских источников по буддизму. XIX век в среде интеллектуалов как Европы, так и России всколыхнул прежнюю дискуссию эпохи Просвещения о приоритете восточных и христианской религий. Буддофильские идеи А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Мейнландера, Р. Вагнера, Ф. Ницше широко пропагандировались в Европе и в России. В России классиков восточной мысли, в том числе идеи буддизма, открыто защищал Л.Н. Толстой, отстаивая идеи всечеловеческого братства и ненасильственного мирообщения народов планеты⁵⁰. Наряду с этим течением, разумеется, в первую очередь в среде христианских мыслителей, к каким принадлежал и В.С. Соловьев, закономерно оформляются буддофобские идеи. Видя «угрозу» христианским идеям со стороны буддизма, православные мыслители (А.И. Введенский, архимандрит Нил, Д.В. Горохов, иеромо-

⁴⁹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 315-317, 327; Подобную трактовку буддизма также находим: Соловьев В.С. Лекции по истории философии // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 76-138.

⁵⁰ См.: Толстой Л.Н. Круг чтения. В 2 т. М., 1991. См.: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971.

нах Гурий, Н.Д. Миронов, Н.Ф. Федоров) выступили с обвинениями в адрес буддизма. Так, А.И. Введенский объявил буддизм в атеизме и полной духовной деградации⁵¹. Да и в самой среде буддологов не было не только выработанной позиции, но и некоторые исследования сами давали повод для справедливого обвинения буддизма в прямом атеизме. Источниками, которыми пользовался В.С. Соловьев, были работы Э. Бюрнуфа, М. Мюллера, Т. Кольбрука, Б. Сент-Илера. Последний «исследователь» к тому же вообще относился к числу довольно странных буддологов, ставя парадоксальную цель: не адекватно понять суть духа буддизма, а разоблачить его как учение по сравнению с христианством. Поэтому было от чего русскому философу заключать такие буддологические негативы. Кроме того, в атмосфере «серебряного века» широко распространялись теософские идеи Е.П. Блаватской, Г. Олькотта, ходили версии о «буддийских корнях» христианства, паранаучные исследования Н. Нотовича об учебе Христа в Индии и т.д.⁵²

Можно заключить, что буддофобия была спровоцирована самими незрелыми буддологическими исследованиями и ярким натиском их адептов, обвиняя христианство во вторичности переработке восточной мудрости, грубых заимствований и творческой, самобытной мысли. Для справедливой, непредвзятой расстановки акцентов в смысловом религиоведческом пространстве необходим был глубокий научный анализ. Как и христианский, так и сам буддологический дискурсы требовали к себе серьезного академического внимания, временного параметра и осторожных шагов на пути инкультуративной адаптации к тексту, вживление в атмосферу исторической эпохи и через призму ее звуков, голосов уловить и понять тонкие смысловые нюансы иной, прежней мысли. В этом русле плодотворно работали и только начинали: В.П. Васильев, И.П. Минаев, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, О.О. Розенберг, Б.Я. Владимирцев. Но результаты их работ только-только начинали вписываться в интеллектуальное многоголосье споров, трудам же зарубежных буддологов отдавалось предпочтение как главным авторитетам – *ipse dixit*. Этот аргумент был доминирующим. Парадоксально, но именно секуляризованная европейская культура XIX столетия транслировала в русскую среду нормы по вопросам веры.

Только в этом контексте следует рассматривать дальнейшие трактовки буддизма русскими религиозными мыслителями. В первую очередь к их числу относился В.А. Кожевников – ученик и творческий последователь космической философии Н.Ф. Федорова, автор фундаментальных работ по вопросам православия и христианского подвижничества. Сам труд «Буддизм в сравнении с христианством» в 3 томах (два

⁵¹ Введенский А.И. Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. М., 1902. Т. 1. С. 612.

⁵² Шквал этой литературы стал переиздаваться в наше время.

тома вышли из печати в 1916 г., третий – итоговый – затерялся в типографии и бесследно исчез, поэтому не следует быть излишне критичным в его оценке) вырос как раз из анализа духовного «разложения», брожения идей в западноевропейской культуре, из анализа слепого эпитонства этих идей в среде русских интеллектуалов, в том числе, и православно верующих. Отношение к буддизму было, как раз продиктовано этой культурной ситуацией. Громадный по объему и по источниковедческой базе (практически все зарубежные и отечественные исследования по буддизму того времени) труд В.А. Кожевникова поражает своей фундаментальностью, честностью, и страстностью исследовательского таланта⁵³.

По всей видимости, В.А. Кожевников принимает точку зрения «палийской школы» (концепция Т. Рис-Дэвиса), считая аутентичными тексты только школы хинаяны, способной пролить истинный свет на сущность буддизма. «Мы имеем здесь дело с тем, что есть наиболее ценного в буддизме; и уже, конечно, в крайнем случае, только здесь, в первоисточнике, а не в туманном лабиринте метафизических сплетений Магайяны, со всевозможными монгольскими и иными языческими суевериями дерзнут искать какого-то нового света, способного возродить духовную жизнь Запада, даже наиболее увлекающиеся из современных буддофилов»⁵⁴. В своем компаративистском анализе Кожевников широко использует социокультурный, герменевтический методы исследования. Сам он характеризует свой метод так: «Недостаточно уяснить происхождение своеобразностей буддизма; надо, насколько для иноземца возможно, сблизиться с ним путем частого и долгого общения, чтобы, ... сроднить с ними и в таком конгениальном восприятии и слиянии получить разгадку их вычурной на вид, но едва постижимой тайны. В этом-то смысле и представлялось необходимым изложение жизни и деятельности Будды на фоне общеиндусской культуры, ибо только таким образом можно было выяснить происхождение буддизма и определить, в какой мере он является творением личной гениальности своего основателя, и в какой – следствием совокупности предшествовавших ему или окружавших его условий; включение же в работу обильных текстов из первоисточников оказалось необходимым для того, чтобы при посредстве их можно было свыкнуться с самой атмосферой буддийского мировоззрения и непонимания, освоиться и сжиться с нею гораздо ближе и интимнее, чем это возможно при замене свидетельства самих памятников далеких веков пересказом их в современном духе и современной нам речью»⁵⁵.

⁵³ Справедливые и добрые оценки его работы даны современными ориентологами Т.В. Ермаковой и В.К. Шохиним. Из современников его идеи поддержали С.Н. Булгаков, С.Н. Дурылин, В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский и др.

⁵⁴ Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Репринтное издание 1916 года. М., 2002. С. 35; 89-90. Магайяна – имеется в виду современное написание Махаяна.

⁵⁵ Там же. С. 5-6.

Глубинное, эмпатическое погружение в многоплановую текстовую реальность буддийских первоисточников, передающих разновекторные направления традиций, сказаний, мифов, легенд, позволило Кожевникову заключить поразительный диапазон терминологического полисемантизма, несущий в себе громадные дистанции между экстенсивными и интенсификационными данными языка в памятниках буддизма. Так, анализируя одно из базовых понятий буддизма «нирвана» и привлекая этимологические источники, он приходит к выводу о тысячелетней трансформации как самой буддийской идеологии, так и непрерывно развивающейся эволюции культурной традиции, вбирающей в себя все новые и новые факторы этнической изменчивости. В результате чего изменялось и значение понятия «нирвана», но в то же время сохранялись и прежняя семантика. Говоря о полисемантической «нирване», он устанавливает культурные, языковые и мировоззренческие факторы и причины этой объективно существующей полисемантической термина. При существовавшей в ранней традиции двух равных подходов (положительного и отрицательного) в осмыслении значения термина «нирвана» победил второй. Поэтому чаще в буддийских текстах встречаются такие определения: «полное исчезновение», «уничтожение ненависти», «отсутствие страстей», «прекращение желаний», «непостижимое», «полное ничто» и т.д. Но наряду с этим сохраняются и такие значения, как «высшее благо», «высшее блаженство», «высшее счастье» и т.д.⁵⁶

Как опытный экзегет, вдумчивый исследователь догматики христианства, Кожевников хорошо понимал те объективные факторы, которые затрудняют межкультурный диалог между двумя противоположными ментальными полюсами. Эти препятствия были абсолютно правильно подмечены им. «Суждение о духовном строении буддизма для европейца – задача не только в высшей степени трудная, но, пожалуй, даже и неразрешимая в ее строгой точности. ... нас отделяет, с одной стороны, крайняя противоположность западно-европейского непонимания индусскому вообще и буддийскому, в частности, а с другой – недостаток в нашей религиозно-философской терминологии выражений, которые достаточно верно и точно могли бы передать многие ... некоторые основные, существенные начала, положения и определения буддийской психологии и аскетики»⁵⁷. В дальнейшем эти объективные «факторы» найдут свое развитие в культурлингвистической концепции Сепира и Уорфа, но сам поиск лингвистических смысловых единиц, адекватных двум культурным традициям, был проделан Кожевниковым с большой скрупулезностью и научной честностью. Поставленная же цель исследования заставляла его проводить

⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 634-637.

⁵⁷ Там же. С. 170.

необходимую демаркацию (правда, не всегда корректно) между буддизмом и христианством.

Еще со времен сотрудничества с Н.Ф. Федоровым (и эта точка зрения сближала двух мыслителей) В.А. Кожевников любил приводить в пример историю о том, как Христос относился к больным – он исцелял их. Когда Христос увидел рыдающего отца над умершей дочерью или видел неутешных сестер и друзей у гробницы Лазаря, он пожалел скорбевших и воскресил умерших, уничтоживши причину страдания. Когда же мать с умирающим ребенком припала к ногам Будды, прося о помощи, он пожалел страдавших и обещал помочь: коснулся ребенка рукой... и страдалец умер. В этом, заключает Кожевников, неизмеримая противоположность и мировоззренческая пропасть между христианством и буддизмом. Христианство возрождает, а буддизм обрекает на неминуемую смерть, на разложение и тление⁵⁸. Христос зовет к активному деятельному отношению к миру, жизни и людям; Будда же ограничивается неделанием зла и целиком пассивен⁵⁹. Христианство базируется на реальности божественной жизни в мире, а буддизм глубоко и радикально атеистичен⁶⁰. В христианстве этика реалистична и антропологична, в буддизме этика абстрактна и космична. Христианство ведет к жизнеутверждению, а буддизм ведет к жизнеотрицанию. В христианстве личное присутствие в мире есть факт объективный, реальный; в буддизме мир безличностен по своей глубинной сути, личность только фантом, это есть учение о спасении без спасателя. Христианское учение оптимистично, буддийское же – глубоко пессимистично. В христианстве мир субстанциален, а в буддизме он – феноменален. Приведем одну из характернейших его демаркаций. «Не активным, этическим путем ... надеялся он положить конец круговороту жизни и смерти, а путем знания, чистого мышления. Мысль должна была преодолеть действительность разложением самого бытия в продукт мышления; реализм объективного должен был быть побежден субъективным идеализмом, ноуменальное должно было превратиться в феноменальное; мир как сущность, а с ним и душа и сама жизнь, должны были стать представлением. И, таким образом, мир и бытие ... отныне подпали под власть чистого разума, создающего их в своих субъективных представлениях или разрушающего их в прекращении этих же представлений. Вся буддийская психология сводилась к двум положениям Готамы: «1) все то, что мы есть, результат того, что мы мыслим» и 2) «в этом нашем малом, восприятиями и сознанием одаренном теле заключается мир, происхождение мира, конец мира и к концу мира ведущий путь». В этом феноменализме, в этом несубстанционализме мира и души, в противоположность ноуменальному космизму и анимизму, заклю-

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 559-560; Т. 2. С. 679-680.

⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 558-559.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 177-188.

чались основное значение и характерный смысл всей буддийской философии, в отличие от обратного направления, которое приняла философская мысль Запада, языческая и христианская»⁶¹.

Заметим, что многие положения буддизма Кожевников сравнивает на большом культурном пространстве Индии и Азии, сравнивает и обнаруживает родство идей буддизма с другими философскими школами, что позволяет ему с полным основанием говорить об одном типе – восточном и противопоставлять его западному. Многие его критерии (не всегда безупречные и, следует сказать, иногда жесткие) укрепятся в дальнейших отечественных, да и зарубежных (независимо от его работ) компаративистских исследованиях, что, по существу, будет свидетельствовать о стереотипичности мышления, чем говорить о новых культурологических и мировоззренческих прорывах, в которых нуждался новая эпоха XX в. В то же время его скрупулезное, герменевтическое погружение в смысловые ценности, артикулируемые в буддийских текстах, выводили исследовательскую мысль В.А. Кожевникова на новый, перспективный, парадигмальный уровень культурологических практик.

⁶¹ Там же. Т. 1. С. 540-541; 542-543; 558-559.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИХТИОЛОГИЯ. ЭКОЛОГИЯ	3
<i>Войцыцкий А.В.</i> Оценка уровня загрязнения донных отложений Амурского залива	3
<i>Горовая О.Ю.</i> Нематоды гольцов камчатки: состав и структура сообществ, гостальное и топическое распределение	12
<i>Дорошенко М.А.</i> Морфофизиология обонятельной системы представителей семейства тресковых (Gadidae)	22
<i>Дорошенко Н.В.</i> Исследование серых китов (<i>Eschrichtius Gibbosus</i> Erxleben, 1777) у северо-восточного побережья Сахалина	27
<i>Жадько Е.А.</i> Морфологическая и цитохимическая характеристика эпителиев пищеварительного тракта мальков кеты	32
<i>Жамская Н.Н., Машкова С.А., Бянкина Л.С., Шапкин Н.П.</i> Изучение возможности применения модифицированных сорбентов для очистки сточных вод от белковых веществ	37
<i>Калинина Г.Г.</i> Репродуктивная биология спизулы сахалинской (<i>Spisula Sachalinensis</i>) в летне-осенний период в заливе Посьета	40
<i>Колмаков П.В., Бондарь А.Н., Смирнова Е.В.</i> Экологическое нормирование в области обращения с отходами рыбоперерабатывающего комплекса	44
<i>Рыбникова И.Г., Пушкинова Г.М.</i> О тихоокеанской сельди <i>Clupea Pallasii</i> западного побережья Сахалина	51
<i>Чусовитина С.В.</i> Особенности строения и иннервация пищеварительного тракта малоротой корюшки, японского анчоуса, темной и полосатой камбал	59
II. ПРОМЫШЛЕННОЕ РЫБОЛОВСТВО. АКУСТИКА	64
<i>Габрюк В.И., Кудакаев В.В., Чернецов В.В.</i> Математическая модель траловой доски с учетом течения	64
<i>Вдовин А.Н., Мизюркин М.А., Пак А.</i> Использование бим-трала для прямых учетных работ	76
<i>Кудакаев В.В.</i> Траловые доски, используемые в мировом рыболовстве	84
<i>Кузнецов М.Ю., Николаев А.В.</i> Гидроакустические исследования распределения и вертикальных миграций зоопланктона в Беринговом море (зона России) в летний период	94
<i>Кузнецов Ю.А., Кузнецов М.Ю., Поленик В.В.</i> Гидроакустические технологии дистанционного управления поведением рыб в рыбоводстве	103
<i>Максимович А.Л.</i> Промысел рыб вертикальными ярусами	111

<i>Мясников Д.В., Осипов Е.В.</i> Анализ удержания крючками гидробионтов на ярусном промысле.....	116
<i>Мясников Д.В., Осипов Е.В.</i> Классификация процессов выделения аромата наживки.....	119
<i>Сеславинский В.И., Аверков В.Н.</i> Обоснование параметров ячеи дрефтерных сетей с учетом экстерьера лососей	123
<i>Стародубцев П.А.</i> Детерминированный хаос в рыбных скоплениях и причины его возникновения.....	130
<i>Стародубцев П.А., Карасев В.В.</i> Физические основы мониторинга рыбных запасов и способы работы гидроакустических рыбопоисковых средств.....	141
III. СУДОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ, УСТРОЙСТВА И СИСТЕМЫ	149
<i>Барабаш А.А.</i> Графическое моделирование астрономической обсервации	149
<i>Бурков А.Ф.</i> Исторические аспекты развития судовых электроприводов	158
<i>Бурков А.Ф., Крицкий Н.Д.</i> Особенности работы контактных коммутационных аппаратов в условиях бездуговой коммутации	162
<i>Капран Л.К., Маницын В.В., Старовойтова З.П.</i> Уравнения регрессий основных конструктивных характеристик упорного вала судового валопровода.....	168
<i>Немцев О.В., Барабаш А.А.</i> Моделирование обработки астрономической обсервации по одновременным наблюдениям нескольких светил	177
<i>Соболенко А.Н.</i> Анализ кораблекрушения супертанкера с нефтью	189
IV. ТЕХНОЛОГИЯ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ. ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ОТРАСЛИ	198
<i>Апанасенко О.А., Васькова Н.А.</i> Реакции Р-сульфенилхлоридов ацетилацетонатов с непредельными соединениями	198
<i>Воробьев В.В.</i> Перекисное окисление липидов гидробионтов	202
<i>Ильченко Л.И., Чайка В.Д.</i> Простая модель сложного теплообмена при кипении жидкостей	208
<i>Кадочникова Н.П.</i> Определение динамических давлений в опорах вала электромотора, установленного на судне.....	217
<i>Ким Э.Н., Кучеренко Н.А., Молоткова Т.В.</i> Особенности технологического процесса при производстве кулинарных изделий из осьминога	219

<i>Ким Э.Н., Лаптева Е.П., Климова Е.Ю.</i> Исследование процесса вакуумной сушки гребешка приморского (<i>Pecten Jessoensis</i>).....	224
<i>Лажнецова Л.Ю., Шульгина Л.В.</i> Микробиологические показатели сырья и продукции из креветок (<i>Sclerocrangon Salebrosa</i>) Японского моря.....	229
<i>Литвиненко М.С., Кучеренко Л.В., Антипьев Р.В.</i> Производство минеральной воды фирмы ООО «Скит» и анализ ее химического состава.....	236
<i>Мельников К.Ю.</i> Моделирование вибрационных режимов грузочных устройств.....	242
<i>Мельников К.Ю., Дерябин А.А., Угрюмова С.Д.</i> Исследование влияния вибрационных параметров на действительную скорость транспортирования рыбы.....	245
<i>Панюкова И.В., Угрюмова С.Д.</i> Управление послеоперационной обработкой технологической линии.....	250
<i>Погонец В.И.</i> Промышленные аппараты для сушки ламинарии во взвешенно-закрученных потоках теплоносителя.....	253
<i>Погонец В.И.</i> К вопросу развития пограничного слоя на шинкованных частицах морепродуктов, подвергаемых сушке в ВЗП.....	263
<i>Руднев Б.И., Повалихина О.В.</i> Анализ и особенности системы дифференциальных уравнений конвективного теплообмена применительно к камере сгорания дизельных двигателей.....	266
<i>Руднев Б.И., Повалихина О.В.</i> Расчетно-экспериментальный метод определения скорости рабочего тела в камере сгорания дизельного двигателя.....	272
<i>Супрунова Е.А., Поспелов Ю.В.</i> Состояние механизации и автоматизации производственных процессов разделочных участков линий выпуска консервов.....	275
 V. ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ	281
<i>Беззубкин В.Е.</i> Оценка динамики развития рыбоперерабатывающего производства в камчатском крае и ее взаимосвязь с социально-экономическими процессами региона.....	281
<i>Бугреева С.А., Ослопова М.В.</i> Инвестиционное управление как фактор стимулирования развития предприятий рыбной промышленности.....	291
<i>Вол С.В.</i> Методические вопросы оценки эффективности предпринимательской деятельности.....	296
<i>Гупанова Ю.Е.</i> Основные факторы повышения качества продукции и конкурентоспособности хлебопекарных предприятий.....	302

<i>Иголинская Ю.В.</i> Бесконтрольное кредитование рынка товаров и услуг – неизбежная причина инфляции	314
<i>Лисиенко С.В.</i> Концептуальный подход к построению эффективной системы организации промысла морских биоресурсов	321
<i>Лесовский Б.Ф., Васянович Л.А.</i> Об индивидуальных качествах менеджеров среднего звена в деятельности по вопросам охраны труда	326
<i>Новоселова Е.С., Шевченко Д.К.</i> Роль и место стратегического управления в механизме управления предприятиями аква- и марикультуры	334
<i>Снегирев А.С.</i> Повышение эффективности управления предприятием при помощи внедрения системы сбалансированных показателей	340
<i>Солдатова И.Н.</i> Особенности потребительских предпочтений на рынке рыбопродуктов	350
<i>Солдатова И.Н., Бурханов С.Б.</i> Несовершенство законодательства как фактор предпринимательского риска	356
<i>Черемисин В.В.</i> Маркетинговое исследование отношения внутренней аудитории вуза на основе позиционирования	360
<i>Шевченко Д.К., Бурханов С.Б.</i> Совершенствование развития предпринимательской деятельности как фактор ресурсосбережения	372
<i>Шелема Н.Г., Филипчук В.В.</i> Совершенствование механизма управления на предприятиях холодильной промышленности Приморского края	378
<i>Янчук Н.А., Скорик Л.В.</i> К вопросу востребованности аудиторских услуг участниками инвестиционного процесса	384

VI. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ.....392

Беляева С.А. Диффузия языковой системы	392
<i>Бунькина Л.Н.</i> Сопоставительный анализ семантической структуры однокорневых глаголов, полученных путём конверсии и используемых в судомеханической специальности	396
<i>Герошенко Н.В.</i> Опыт социологического анализа проблем в обучении, испытываемых курсантами и студентами Мореходного института Дальрыбвтуза	400
<i>Гуляева Т.В.</i> Типы и виды современных молодежных организаций	405
<i>Королюк Н.В.</i> Некоторые проблемы повышения эффективности англоязычной коммуникации	412
<i>Кучеренко Л.В., Яковенко Л.М., Лапаник О.Ф.</i> Организация самостоятельной работы студентов и оценка ее результативности	416

<i>Лесовский Б.Ф., Лесовская О.В.</i> Об инновационных методах подготовки кадров в отраслевом вузе	421
<i>Митракова О.К.</i> Коммуникативная компетентность в системе профессионально важных качеств специалиста судоводителя	432
<i>Мишина О.А.</i> Педагогическое общение и его принципы	439
<i>Мишина О.А.</i> Понимание преподавателем студента	444

VII. ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

449

<i>Ким А.В.</i> Место и роль религии в менталитете корейского народа	449
<i>Кулебякин Е.В., Ким А.В.</i> Проблема российской ментальности в русской философской мысли (в контексте полемики западников и славянофилов)	452
<i>Митькина О.В.</i> Вуз в формировании организационной культуры в условиях трансформации российского общества	461
<i>Слободская И.С.</i> Эволюция общественного экологического сознания: история и современность	472
<i>Тарасенко Д.Б.</i> К истории изучения народной медицины в России (М.М. Добротворский и Н.В. Кирилов)	483
<i>Трифонова Г.А.</i> К истории Дальрыбвтуза 30-х годов XX века	494
<i>Трифонова Г.А., Чувашенко И.А.</i> Развитие экологического движения в России	505
<i>Тунеголовец В.П., Бочарникова Г.Ю.</i> Социальные опасности в России	515
<i>Фунтусов В.С.</i> Постигание «другого»: восточный вектор русской мысли	535
<i>Фунтусов В.С.</i> Оценка буддизма в работах В.С. Соловьева и В.А. Кожевникова	545

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 20

Редактор И.Ю. Малкова
Технические редакторы И.Н. Горланова, Е.А. Шмакова
Художественный редактор А.А. Устьянцева

Подписано в печать 04.02.09. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 36,3. Заказ 0160. Тираж 130 экз.

Издательско-полиграфический комплекс Дальневосточного
государственного технического рыбохозяйственного университета
Владивосток, Светланская, 25